

ЧЖУАНЦЗЫ

ПУТЬ ПОЛНОТЫ СВОЙСТВ

Москва
ЭКМО
2005

От издательства

Философский трактат «Чжуан-цзы» — один из наиболее известных и почитаемых памятников древнекитайской литературы. Свое название он получил в честь предполагаемого автора Чжуан-цзы, крупнейшего китайского философа, который наряду с Лао-цзы является одним из основателей даосизма.

Основные сведения о Чжуан-цзы (его звали Чжуан Чжоу, а также — учитель Чжуан, Цзы-Сю, Наньхуа) содержатся в позднейших исторических и биографических трудах и потому неизбежно носят легендарный характер: уже спустя несколько веков личность философа, о которой было известно не так уж много, воспринималась исключительно через его произведения. И в конечном счете, Чжуан-цзы стал персонажем собственных притч и рассказов.

Исторический Чжуан-цзы родился ок. 369 г. до н.э. в небольшом царстве Сун, располагавшемся в центральной части тогдашнего Китая. Возможно, он происходил из рода Чжуан, некогда знатного, но к тому времени навсегда утратившего свое высокое положение. В молодости он занимал должность смотрителя плантаций лаковых деревьев, однако впоследствии ушел со службы, чтобы обрести желанную свободу странствующего философа. Как свидетельствует выдающийся китайский историк Сыма Цянь (145 или 135 — ок. 86 до н. э.), даже среди хорошо образованных современников Чжуан-цзы выделялся широтой своих познаний. Умер он ок. 286 г. до н.э.

От издательства

Если судить по отзывам древних авторов об объеме трактата «Чжуан-цзы», то он дошел до нас на треть короче своей первоначальной величины: Сыма Цянь писал о книге в сто тысяч иероглифов, а в современном тексте их осталось только около 66 тысяч; в другом источнике I в. н. э. говорится о 52 главах трактата, тогда как сейчас их — всего 33.

По традиции, «Чжуан-цзы» принято условно делить на три части: «внутренние» главы (с 1-й по 7-ю включительно), «внешние» главы (с 8-й по 22-ю включительно) и «смешанные» — оставшиеся одиннадцать глав. Большинство ученых сходятся в том, что «внутренние» главы действительно написаны Чжуан-цзы и относятся к числу древнейших в произведении; возможно, они даже древнее «Дао дэ цзин», канонического сочинения даосизма, согласно преданию, написанного легендарным Лао-цзы.

Как и другие произведения даосской литературы, «Чжуан-цзы» всесторонне исследует идею пути (дао), одним из важнейших практических свойств которой является принцип недеяния (увэй), ненаправленного действия, позволяющий избежать «трения» с миром; подобно тому, как избегает его колесная ось, идеально приспособленная к своему отверстию, которая вращается легко и свободно, одновременно находясь в центре приложения внешних сил и избегая конфликтов благодаря искусному приспособлению к требованиям текущей ситуации.

Книга «Чжуан-цзы» оказала огромное влияние на всю позднейшую, и не только китайскую, философскую традицию, в особенности на чань-буддизм (дзэн-буддизм) и на даосскую философию.

Вадим Татарин

книга
ЧЖУАНЦЗЫ

Перевод с китайского
Л. Д. Позднеевой

Глава 1

СТРАНСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЬ- НОМ

В Северном океане водится рыба, имя ей — Кит¹. Сколько тысяч ли он величиной — неведомо. Этот Кит превращается в птицу, имя ей — Феникс. Сколько тысяч ли длиной его спина — неведомо. В гневе он взмывает к небесам, распростертые крылья его — точно нависшие тучи. Феникс делает круг над водой и перелетает на Южный океан. Южный океан — это Небесный водоем.

Глава 1

Повествуя о чудесах, Шутник из Ци² говорил:

— Когда Феникс перелетает на Южный океан, волны вздымаются на три тысячи ли. Обопрется о вихрь и взлетает на девяносто тысяч ли. Улетев, шесть лун³ отдыхает.

Дикие кони⁴ вздымают пыль <испарения>. Живые существа овевают друг друга дыханием. Лазурь неба — подлинный ли его цвет? Оно далеко и нет ему предела. Также и Феникс — глядит вниз и только.

При малой глубине воде не под силу поднять большой корабль. Налей воды в ямку на полу, и горчичное зернышко в ней окажется лодкой. Помести туда чашку, и она встанет на дно — здесь слишком мелко для большого корабля.

Если ветер слаб, ему не под силу поддержать огромные крылья. Чтобы подняться на девяносто тысяч ли, ветер должен дуть снизу, а тогда уже можно на него опереться. Когда над Фениксом только синее небо, его ничто не может остановить, и он устремляется на юг.

Цикада и Горлица, посмеиваясь над ним, щебетали:

— Мы быстро поднимаемся и взлетаем на вяз, на сандаловое дерево, а иногда не долетим и снова опускаемся на землю, вот и все. Для чего же взлетать на девяносто тысяч ли и отправляться на юг? Другое дело — летишь на зеленые поля, клюнешь три раза и возвращаешься сытым. Когда отправляешься за сотню ли, запасайся зерном на сутки. Когда отправляешься за тысячу ли, запасайся кормом на три месяца.

Как понять это Цикаде и Горлице! Малому знанию далеко до большого⁵. За короткую жизнь не узнать того, что за

Странствия в беспредельном

долгую. Как постичь, что это истина? Утреннему Чудесному грибу <однодневке> неведомо, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неведомо, что бывают и весна и осень. Таковы знания краткой жизни. А на юге области Терновник растет дерево Душ Обителя Мрака. Пятьсот лет для него длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет для него длилась весна, восемь тысяч лет — осень. А ныне Пэн Цзу прославился своим долголетием. Не печально ли, что все считают его единственным? Именно об этом и спрашивал Испытующий у Кожаного Щита.

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-океан. Это — Небесный водоем. В нем водится рыба шириной в несколько тысяч ли, а сколько ли она длиною — неведомо. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростертые крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись о волны и раскачавшись, он взвивается по спирали на высоту девяносто тысяч ли — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась Перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько жэней опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Глава 1

Вот в этом и заключено различие между малым и великим! Перепелке и уподобляется тот, чьих знаний хватает для какой-то одной службы, кто связывает свою деятельность с какой-то одной областью, а свое достоинство — с каким-то одним правителем и способен управлять лишь одним царством.

А сунец — Муж Чести⁶ высмеял подобных людей. Всемирная слава его бы не воодушевила, всемирный позор ему бы не помешал. Он отделил внутреннее от внешнего, установил отличие славы от позора и этим закончил. В мире немного найдется таких, как он, однако и он еще не утвердился.

Ле-цзы передвигался, управляя ветром, спокойно и искусно десять и еще пять дней, а затем возвратился. Он достиг высшего счастья, таких немного найдется. Хотя он мог обойтись без ходьбы, но все же в передвижении от чего-то зависел. А разве придется от чего-то зависеть, если оседлать сущность природы, управлять развитием всех шести явлений⁷, чтобы странствовать в беспредельном? Поэтому и говорится: «Для настоящего человека нет собственного “я”⁸, для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы».

Высочайший, уступая Поднебесную Никого Не Стесняющему, сказал:

— Я вижу свои недостатки и прошу вас принять Поднебесную. Разве не следует погасить факел, когда восходит солнце или луна? Ведь его свет все равно померкнет! Разве следует орошать поле во время дождей? Ведь труд этот бу-

Странствия в беспредельном

дет напрасным! Зачем мне занимать трон, если вы взойдете на него и в Поднебесной воцарится порядок?

— Вы управляете Поднебесной, и в ней царит порядок, — ответил Никого Не Стесняющийся. — Мне заменить вас только ради имени? Ради того, чтобы стать гостем? Ведь имя относится к сущности, как гость к хозяину! Королек вьет гнездо в лесной чаще, но занимает лишь одну ветку. Крот пьет из реки, но лишь столько воды, сколько вместится в желудке. Оставьте это и возвращайтесь, государь! Мне нечего делать с Поднебесной. Если повар не приготовил кушанья, Покойник⁹ и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами.

Цзянь У¹⁰ сказал Лянь Шу¹¹:

— Я внимал Встречающему Колесницы¹². Он велик и бесконечен, отправился и не вернулся. Я удивился его рассказу: ему нет предела, точно Млечному пути. Он так далек от мира и человеческих чувств.

— О чем же он рассказывал? — спросил Лянь Шу.

— Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа у них словно снег, красота подобна девичьей. Они вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна всегда обилен. Я принял его за безумца и ему не поверил.

Глава 1

— Да, — заметил Лянь Шу. — Слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола и барабана¹³. Но разве слепыми и глухими бывают лишь телесно? Бывают глухи и слепы разумом, как ты, судя по твоим словам. А человек с подобными свойствами рассматривает в единстве весь хаос, всю тьму вещей. Разве стал бы он трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди его просили спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, он не утонет даже при потопе, когда вода поднимется до самого неба, не сгорит даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, обуглятся земля и горы. Из пыли и сора, оставшихся после него, можно сформировать таких, как Высочайший и Ограждающий. Разве согласится такой человек заниматься делами?!

Сунец приехал в царство Юэ торговать шляпами, а юэсцам шляпы не нужны¹⁴, ибо они стригут волосы и татуируют тело. Высочайший правил народом Поднебесной и навел порядок в стране среди морей, а затем отправился навестить четырех учителей¹⁵ на далекой горе Охотниц-прорицательниц. Но на юге от реки Фыншуй в глубоком уединении он забыл про свою Поднебесную.

Творящий Благо¹⁶ сказал Чжуан-цзы :

— Вэйский царь подарил мне семена тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять дань¹⁷. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они

Странствия в беспредельном

оказались слишком хрупкими; разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны¹⁸, и их порубил.

Чжуан-цзы ответил:

— Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными тыквами, как тот сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтобы кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, в его семье из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем выручить сотню золотом. Давайте продадим ему снадобье.

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

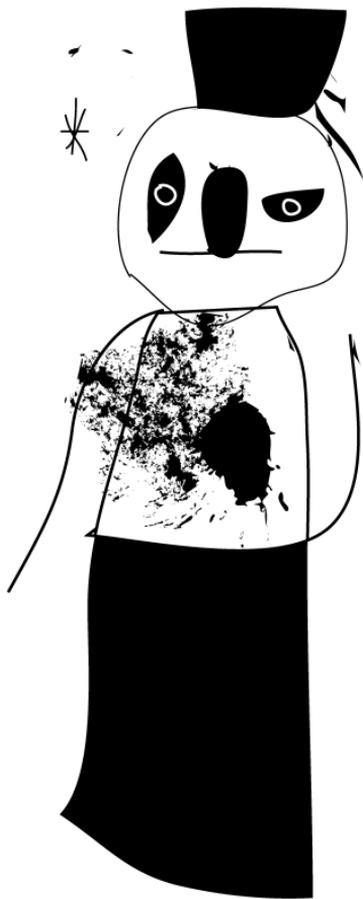
Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти даней. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать тыквы в большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы не сообразительны!

Глава 1

Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Во-нючий ясень. Его ствол распух от наростов и не поддается работе с отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются работе с циркулем и наугольником. Стоит у дороги, а плотники на него не смотрят. Так и ваши слова велики, но бесполезны, никто их не понимает.

— Не замечали ли вы,— ответил Чжуан-цзы,— как, прижавшись к земле, лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? Но, прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, сами они попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як — велик, словно обложившая небо туча, но при огромной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Около него будут блуждать в недеянии, под ним будут спать в скитаниях. Дерево не погибнет раньше времени ни от топора, ни от секиры. Не принося никому пользы, оно не принесет и вреда.

Глава 2

О РАВЕНСТВЕ ВЕЩЕЙ

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья¹⁹ сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу?²⁰ Ведь тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас, уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

Глава 2

— Как хорошо ты спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отшелся от самого себя? Когда ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; когда услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля и говорят, что подул ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоюет сквозь тьму земных отверстий. Разве тебе не случалось слышать подобные голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов подобны носу, рту, ушам; подобны перекладинам, оградам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, голоса высокие, низкие, звуки протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, как свирель человека²¹ — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— В ней звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все вещи звучат сами по себе²², разве кто-нибудь на них воздействует?!

О равенстве вещей

Обладающий большими познаниями — щедр, обладающий малыми познаниями — любопытен. В значительной речи — сила и огонь, в незначительной речи — пустословие. Во сне²³ — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом. В отношениях людей друг с другом и в их союзах ежедневно происходит борьба умов. Здесь и нерешительные, скрывающие, умалчивающие, при малых опасностях — осторожные, при больших опасностях — медлительные. Речи одних стремительны, точно полет стрелы, они решают, что истинно, а что — ложно. Другие молчат, точно принесённые в военный союз, стоят на своем во имя победы. Речи третьих подобны осеннему и зимнему увяданию — с каждым днем они слабеют. Речи четвертых обращены к уже содеянному, их не отвлечь от прошлого. Выражения избитые, точно привязанные к старому руслу, у таких не оживить умирающее сердце. Подобно мелодиям, которые появляются из пустоты, грибам, образующимся из испарений, сменяют друг друга и днем и ночью радость и гнев, печаль и веселье, заботы и вздохи, изменчивость чувств и постоянство, беспечность и расточительность, любовь и распутство. Что их создает — неведомо. Не прекратить ли? Не кончить ли? Но ведь обретаем это и утром и вечером. Какая же причина все это порождает?

Если бы не было других²⁴, не было бы и меня; если бы не было меня, некому было бы воспринимать — это уже близко к объяснению причины, хотя и неизвестно, что к этому побуждает. Должен бы поистине быть руководитель, но о

Глава 2

нем не найти свидетельств. Если способен действовать, то поверишь и не видя формы? Обладать ощущениями, не обладая формой?

Существует единое целое из сотни костей, девяти отверстий и шести внутренних органов²⁵. Которые из них тебе ближе? Все ли они тебе нравятся? Отдаешь ли какой-либо части тела предпочтение? Все ли они — твои слуги и служанки? Достаточно ли слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли они один другого, как государь и слуги? Существует ли среди них поистине государь? Найдем мы его или не найдем, это не принесет ему ни пользы, ни ущерба.

Законченную форму тела до самой смерти нельзя губить. Ее действия в столкновениях с вещами либо в гармонии с ними истощают ее, точно коня в стремительном беге, которого ничто не может остановить. Как это печально! Как страшно всю жизнь трудиться, но не увидеть плодов своего труда; изнемогая, выполнять поручения и не знать, когда вернешься! Какая польза от того, что люди называют это бессмертием? Как скорбно, что тело, а вместе с ним и сердце превратится в прах!

Действительно ли столь неразумна жизнь человека? Только ли я неразумен? Есть ли среди людей и разумные? Ведь учат, следуя сложившимся взглядам, у кого же нет такого наставника? Вряд ли они углубляют знания. Есть и такие, которые сами выбирают себе взгляды, среди них — и глупцы. Человек с еще не созревшими взглядами, утвержда-

О равенстве вещей

ующий, что истинно, а что ложно, уподобляется тому, кто, отправившись сегодня в Юэ, утверждает, что пришел в Юэ вчера²⁶. Это означает выдавать несуществующее за существующее. А как сделать несуществующее существующим, не знал даже священный Молодой Дракон, откуда же знать мне?

Речь²⁷ — не просто дыхание. Говорящий произносит слова, но то, о чем он говорит, совершенно неопределенно. Действительно ли существует речь? Или никогда не было речи? Считают ее иной, чем чириканье птенца, но отличается она от чириканья или не отличается? Насколько же скрыт путь, если могли появиться истина и ложь, насколько же темны речи, если могли появиться правда и неправда! Путь повсюду, где же его нет! Речь существует, чего же она не способна выразить? Путь затемняют ничтожные учения. Речь затемняют цветистые выражения. Поэтому и пошли споры между конфуцианцами и моистами: одни утверждают то, что другие отрицают, и отрицают то, что другие утверждают. Чтобы это понять, лучше всего утверждать то, что они отрицают, и отрицать то, что они утверждают.

Каждая вещь — это «я», но каждая это и «не-я»²⁸. Каждый не видит свое «не-я», но поймет это лишь познав себя как «не-я». Поэтому и говорится: «не-я» появляется из «я», а «я» также — следствие «не-я». Учение гласит: «я» и «не-я» выявляются в сравнении друг с другом. И даже жизнь возникает тогда, когда возникает смерть, когда же возникает смерть, возникает и жизнь; когда появляется возмож-

Глава 2

ность, появляется и невозможность, когда появляется невозможность, появляется и возможность; правда рождает неправду, неправда рождает правду. Поэтому мудрый не следует за ними, исходящими из «я», а сообразуется с природой. «Я» — это также «не-я», «не-я» это также «я». У «я» свои правда и неправда, у «не-я» также свои правда и неправда. Действительно ли существует различие между «я» и «не-я»? Действительно ли не существует различия между «я» и «не-я»? Пока «я» и «не-я» не стали парой противоположностей, их называют осью <сущностью> пути, сущность приобретает центр, который соответствует бесконечности. Поэтому и говорится: чтобы понять, лучше всего утверждать, что у правды — своя бесконечность, у неправды также своя бесконечность.

Сравнивая свойство со свойством²⁹, отрицают, что это свойство; но лучше отрицать, что это свойство, сравнивая свойство не со свойством. Сравнивая коня с конем, отрицают, что это конь; но лучше отрицать, что это конь, сравнивая коня не с конем. Как со свойством, так и со вселенной. Как с конем, так и с тьмой вещей. Возможное — возможно, невозможное — невозможно. Путь действует и создает; вещи называют и таковыми являются. Каковы же они? Таковы, какими являются. Не каковы они? Не таковы, какими не являются. В каждой вещи, конечно, есть то, чем она является; у каждой вещи, конечно, свои возможности. Нет вещи, лишенной того, чем она является; нет вещи, лишенной возможностей. Путь же поэтому объединяет в единстве и бал-

О равенстве вещей

ку и столб, и уродину и красавицу Си Ши,³⁰ и великодушие и коварство, и странное и чудовищное. Разделение их создает, а создание разрушает. Каждую вещь, созданную либо разрушенную, снова объединяет единство. Но лишь постигший путь понимает, как объединяются вещи в единстве, видит в них общее и обычное, не используя их для собственного «я». В обычном их польза, в пользе — общее, в общем — самоудовлетворение, в самоудовлетворении — близость к концу. Пусть заканчивается их собственное «я», приходит к концу, не ведая об этом, и означает единство с путем.

Утруждать свою душу и разум ради единства, не понимая этого единства, называется по притче «Утром три». Почему же называется «Утром три»? Вот отчего. Обезьяний Царь, раздавая каштаны, спросил:

— Хватит ли утром по три, а вечером по четыре?

Тут все обезьяны разгневались.

— Тогда утром по четыре, а вечером по три? — спросил он.

И все обезьяны обрадовались.

Так, следуя за «я» обезьян, кормивший их сумел вызвать то гнев, то радость, оставив сущность и название неизменными.

Так мудрый объединяет их в правде и неправде и отдыхает в равновесии природы. Это и называется двумя рядами <удовлетворением и «я» и «не-я»>.

Некоторые древние в своих познаниях достигли предела. Каков же предел? Сперва считали, что вначале не было от-

Глава 2

дельных вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Затем считали, что отдельные вещи существовали³¹, но еще не знали, как они разграничивались. Далее считали, что разграничение было, но еще не знали, что существует истина и ложь. С появлением понятия об истине и лжи пониманию пути был нанесен ущерб. С ущербом, нанесенным пониманию пути, образовалась любовь <пристрастие>. Был ли действительно нанесен ущерб пониманию пути? Образовалось ли действительно пристрастие? Не был ли действительно нанесен ущерб пониманию пути? Не образовалось ли действительно пристрастие? Был нанесен ущерб, образовалось пристрастие, и поэтому Чжао Прекрасный³² играл на цине. Не был нанесен ущерб, не образовалось пристрастие, и поэтому Чжао оставил игру на цине.

Когда Чжао Прекрасный играл на цине, Наставник Куан отбивал такт, Творящий Благо держал речь, опираясь о платан. Знания этих трех мастеров были близки к совершенству и особенно прекрасны, поэтому легенды о них передавали до последних лет. Но, любя свое искусство, они отличались этим от других; любя свое искусство, они стремились к его помощью просветить других. Просвещали непросвещенных, а поэтому дошли в конце концов до темного суждения о твердом и белом³³. Их же ученики продолжали эти хитро-сплетения лишь внешне и до конца жизни не добились совершенства. Если таких можно назвать совершенными, то даже меня можно считать совершенным. Если таких нельзя назвать совершенными, то ни меня, ни другого нельзя счи-

О равенстве вещей

тать совершенным. Чтобы поняли это, скажу: оттого-то мудрый и стремится осветить хаос с помощью не собственного «я», а обычного и общего.

Ныне придется здесь кое о чем сказать. Не знаю, будут ли эти слова однородны с моим «я» или не будут? Но однородное с «я», взятое вместе с неоднородным, становится с однородным, а поэтому не будет отличаться от «не-я». Несмотря на все это, попробую высказаться:

— Существует начальное³⁴, существует еще не начавшееся начальное, существует и никогда не начинавшееся безначальное. Существует бытие, существует небытие, существуют еще не начавшиеся бытие и небытие, существуют и никогда не начавшиеся безначальные бытие и небытие. Вдруг появляются бытие и небытие, а еще не знают про бытие и небытие. Что же такое в действительности бытие? Что же такое небытие? Ныне я уже что-то сказал, но не знаю, сказанное мною в действительности существует или в действительности не существует?

Огромнейшее в Поднебесной — кончик осенней пушинки; мельчайшее — гора Великая. Нет жизни долговечнее, чем у того, кто умер младенцем; Пын Цзу же умер преждевременно. Вселенная родилась вместе с нами, тьма вещей с нами едина. Если все едино, то к чему еще слова? Если уже названо единым, к чему молчать? Единство вместе со словом — это два, два и один — это три. Если продолжать, так со счетом не справиться не только обычному человеку, но даже самому искусному математику. От небытия к бытию уже

Глава 2

досчитали до трех, а если считать от бытия к бытию? Не станем считать, остановимся на этом.

У пути никогда не было разграничения, а у слов никогда не было постоянного смысла, поэтому и появилось разграничение. Дозвольте сказать о подобном разграничении: появилось левое, появилось и правое; появились правило и долг, разделение и различие; соперничество и борьба. Это называется восемь свойств. То, что находится за пределами шести стран света³⁵, для мудрого существует, но об этом он не говорит; о том, что находится в пределах шести стран света, мудрый говорит, но суждения не высказывает. О поколениях времен «Весны и осени»³⁶, о воле ранних государей мудрый высказывает суждение, но не спорит. Ибо в разделении есть и нераздельное, в споре есть и бесспорное. Спросим: «Почему это происходит?» Оттого, что мудрый хранит это в себе, а дюжинные об этом спорят, чтобы похвастаться друг перед другом. Поэтому и говорится: те, кто спорит, не видят пути. Ведь великий путь не может быть назван, великий спор не может быть высказан в словах, великое милосердие не милосердно, великая скромность не уступчива, великое мужество не совершает насилий. Путь, который проявился, не есть путь; слова, высказанные в споре, не убеждают; милосердие — постоянное несовершенно; скромность безупречная встречает недоверие; мужество, сопровождаемое насилием, несовершенно. Эти пять круглы, но приближаются к квадрату. Поэтому тот, кто в познании умеет остановиться на еще непознанном, — совершенен; кто сумел по-

О равенстве вещей

знать спор без слов, путь, который нельзя назвать, называется хранителем сокровищ природы; тот, в кого вливают и не переполнится, из кого черпают и не вычерпают, кому истоки знания неведомы, называется хранителем просвещения.

В старину Высочайший обратился к Ограждающему:

— С тех пор как я встал лицом к югу³⁷, не могу успокоиться,— хочу пойти походом на Цзун, Гуй и Сюйао³⁸. Почему это происходит?

— Почему же не можете успокоиться? Ведь эти три правителя живут словно среди бурьяна и полыни. Когда-то сразу появилось десять солнц³⁹, они осветили всю тьму вещей. А ваша добродетель светлее солнца!

Беззубый спросил у Наставника Юных:

— Знаете ли вы, в чем одинаковы все вещи?

— Как я могу это знать? — ответил Наставник Юных.

— Знаете ли, чего вы не знаете?

— Как я могу это знать?

— Тогда ни у кого нет знаний?

— Как я могу это знать? Хотя попытаюсь кое-что сказать. Как постичь, не является ли незнанием то, что я называю знанием? Как постичь, не является ли знанием то, что я называю незнанием?

Попытаюсь тебя спросить: чьи знания о жилье истинны? Угря или человека, который станет спать в сыром месте и у него заболит поясница, отнимется половина тела? Обезьяны

Глава 2

или человека, который на дереве дрожит от страха? Чьи знания о пище истинны? Человека, который питается мясом травоядных и хлебоядных животных? Оленя, который ест траву? Сороконожки, которая лакомится змеей? Совы и вороны, которые предпочитают мышей? Чьи знания о красоте в Поднебесной истинны? Обезьяны-самца, который ищет себе обезьяну-самку; оленя, спаривающегося с оленихой; рыбы, плавающей с рыбой? Ведь Мао Цян и Цзи из Ли⁴⁰ красавицами считает лишь человек, а рыба, завидя их, уходит в глубину, птица — улетает ввысь, олень — убегает без оглядки. По моим наблюдениям, понятия об истинном и неистинном, о справедливости и милосердии слишком перепутались. Как мне узнать различие между ними?

— Если вы не знаете, в чем различие между полезным и вредным, то знает ли его настоящий человек? — спросил Беззубый Наставник Юных.

— Настоящий человек прозорлив, — ответил Наставник Юных. — Что для него полезное и вредное? Ведь ему не жарко, даже когда горят большие болота; не холодно, даже когда замерзают Река и Хань⁴¹; не страшно, когда удары грома раскалывают горы, а буря вздымает морские валы.

Управляя облаками и воздухом, оседлав солнце и луну, такой человек странствует за пределами четырех морей. Ни жизнь, ни смерть он не считает для себя переменой.

Зоркий Взгляд спросил у Высокого Платана⁴²:

О равенстве вещей

— Что вы думаете о том, что я слышал от учителя?⁴³ Я узнал, что мудрый не посвящает себя делам управления, не ищет выгоды, не избегает вреда. Он ничего не домогается, не привержен к пути. Он молчит, когда говорят, и говорит, когда молчат. Он странствует за пределами мирской пыли. В этом я увидел проявление сокровенного пути, а учитель увидел в этом безрассудные слова.

— Услышав подобное, усомнился бы даже Желтый Предок, разве мог это понять Конфуций? Да и вы судите слишком быстро,— ответил Высокий Платан.— Завидя яйцо, уже ждете в полночь петушиного крика; завидя самострел, уже ищите жареного голубя. Я вам скажу бездумно, а вы также бездумно воспримете, будто кто-то рядом с солнцем и луной держит в руках вселенную. Сомкнув уста, мудрый не обращает внимания на хаос, почитает равно и раба и садовника. Дюжинные хлопочут, суетятся, а мудрый прост, как нежный росток. Мудрый соединяет вместе тьму лет, и единство образуется в своей чистоте. То же и со всей тьмой вещей, и в таком единстве они собираются. Как мне знать, не заблуждение ли любовь к жизни? Как мне знать, не подобен ли страх смерти чувству человека, утратившего в детстве отчий дом и не знающего радости возвращения?

Вот Цзи из Ли, дочь стража границы в Аи. Как только ее захватили цзиньцы, она так рыдала, что от слез промокло платье. Но она раскаялась в том, что плакала, когда предстала перед царем, разделила с ним ложе, стала питаться мясом травоядных и хлебоядных. Как мне знать, не раскаивается

Глава 2

ли мертвый в том, что цеплялся за жизнь? Тот, кто видел во сне, что пьет вино, наяву плачет; тот, кто во сне плакал, наяву едет на охоту. Когда спят, не сознают, что это сон; во сне даже отгадывают сны и, только пробудившись, понимают, что то был сон. Но бывает великое пробуждение, после которого сознают, что то был глубокий сон. А глупцы считают, что они бодрствуют и, вникая во все, познают, кто царь, а кто пастух. Как они невежественны! Вы оба, и Конфуций и ты, видите сны. Я, говорящий, что ты спишь, также сплю. Такие слова называют невероятными, но если пройдет тьма поколений и найдется великий мудрец, который сумеет дать им объяснение, то покажется, что до встречи с ним прошли сутки.

Предположим, что мы с тобой вступили в спор. Если ты переспорил меня, а не я тебя, значит ли это, что ты действительно прав, а я неправ? Если я переспорил тебя, а не ты меня, значит ли это, что я действительно прав, а ты неправ? Действительно ли один из нас прав, а другой неправ? Оба мы правы или неправы? Если мы с тобой не можем понять друг друга, то и другие останутся во мраке неведения. Кого же мне послать их вразумить? Если пошлю согласного с тобой, то разве согласный с тобой сумеет их вразумить? Если пошлю согласного со мной, то разве согласный со мною сумеет их вразумить? Если пошлю несогласного ни с тобою, ни со мною, то разве несогласный ни с тобою, ни со мною сумеет их вразумить? Если пошлю согласного и с тобой, и со мной, то разве согласный и с тобой, и со мной сумеет их вра-

О равенстве вещей

зумить? Но в таком случае ни ты, ни я, ни другие не сможем понять друг друга. Кого же еще нам ждать?

Соответствуют ли изменения названий изменениям вещей или не соответствуют, объединим их в пределах природы и, предоставив им развиваться, доживем свой срок. Что означает «объединим их в пределах природы?» Означает приведем к гармонии истинное и неистинное, правду и ложь. Если истинное действительно истинно, то нечего спорить о том, насколько истинное отличается от неистинного. Если правда действительно правда, то также нечего спорить о том, насколько правда отличается от лжи. Забудем о времени, забудем о суждениях, найдем радость в бесконечном и поселимся в бесконечном!

Полутень спросила у Тени⁴⁴:

— Почему вы так непостоянны? Раньше вы двигались, а теперь почему-то остановились, раньше вы сидели, а теперь почему-то встали?

— Может быть, я так поступаю в зависимости от чего-то? — ответила Тень. — А может быть, я так поступаю в зависимости от чего-то, зависящего еще от чего-то? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился,

Глава 2

что он — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжоу. Это и называют превращением вещей, тогда как между мною, Чжоу, и бабочкой непременно существует различие⁴⁵.

Глава 3

ГЛАВНОЕ ДЛЯ ДОЛГОЛЕТИЯ

Наша жизнь ограничена, а знания неограниченны⁴⁶. Ограниченному следовать за неограниченным опасно. Поняв это, совершенствовать знания опасно. Совершая добро, избегай славы, совершая зло, избегай наказания. Если взять за основу главное, можно сохранить свое тело, сберечь целостность жизни, можно поддержать родителей, можно дожить до предельного возраста.

Глава 3

Повар царя Прекрасномилостивого⁴⁷ принялся разделывать тушу быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождалось треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. Работа шла в четком ритме, точно танец «В тутовой роще» или «Цзин шоу»⁴⁸.

— Ах, как прекрасно! Как совершенно твое мастерство! — воскликнул Прекрасномилостивый.

Опустив нож, повар сказал:

— Я, ваш слуга, привержен пути более, чем своему мастерству! Когда я, ваш слуга, стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю на него, а понимаю его разумом⁴⁹, не воспринимаю его органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, а поэтому меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, а поэтому меняет нож раз в месяц. Ножу вашего слуги ныне девятнадцать лет, я разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Между сочленениями есть щели, а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подойдя к

Главное для долголетия

сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постою, оглянусь по сторонам, пройду в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостивый — Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия⁵⁰.

Увидев Правого Наставника, Гунвэнь Высокая Колесница⁵¹ с удивлением спросил:

— Что ты за человек? Почему одноногий?⁵² От природы или от руки человека?

— От природы, не от руки человека, — ответил Правый Наставник. — От рождения только одна нога. Но по внешнему виду уже можно понять, что это не от рук человеческих, а от природы.

Фазан на болоте клюнет лишь через десяток шагов, напьется лишь через сотню шагов, но не хочет, чтобы его кормили в клетке. И все же не ценит, что он — сам себе хозяин.

Когда умер Лао-цзы⁵³, явился оплакать его Цинь Свободный от Суэты⁵⁴, трижды возопил и вышел.

— Разве вы не были другом учителя? — спросил ученик.

— Был, — ответил Цинь Свободный от Суэты.

— И так мало плакали?⁵⁵

Глава 3

— Да. Сначала я думал, что там его ученики, а теперь понял, что нет. Когда я вошел попрощаться, там были старые, вопившие над ним, словно над родным сыном; были молодые, плакавшие над ним, словно над родной матерью. Все они собрались для того, чтобы говорить там, где не нужно слов, плакать там, где не нужно слез. Это означает бегство от природы, насилие над чувствами, забвение доставшегося от природы. В старину это называли карой за отступление от природы.

Когда наступило время, учитель родился; пришло время уйти, учитель покорился. К тому, кто спокойно следует за временем и обстоятельствами, нет доступа ни печали ни радости. В старину это называли независимостью от природы.

Для рук, заготавливающих хворост, наступает предел. Но огонь продолжает разгораться, и есть ли ему предел — неведомо.

Глава 4

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Янь Юань явился к Конфуцию и попросил разрешения уйти.

— Куда? — спросил Конфуций.

— В Вэй, — ответил Янь Юань.

— Зачем?

— Я, Хой, слышал, что вэйский царь, находясь в расцвете сил, вершит дела самовластно, бездумно расходует силу страны и не видит собственных ошибок. Он легко посылает людей на смерть, убитых в царстве — точно хвороста на болоте, народу не к кому обратиться.

Глава 4

Ведь я, Хой, слышал от вас, учитель: «Покинь то царство, где порядок, иди в то царство, где смута». Ведь больные стекаются к воротам лекаря. Мое желание — с помощью услышанного от вас, учитель, придумать для них какой-то выход. Может быть, и удастся излечить это царство.

— Ах! — воскликнул Конфуций. — Боюсь, что там тебя казнят. Ведь учение не допускает объединения разнородного. Разнородное ведет ко множеству, множество — к беспорядку, беспорядок — к скорби, а от скорби нет спасения. Совершенный человек древности берег учение сначала в самом себе, а затем в других. Пока сберегаемое еще не утвердилось в тебе самом, разве можно идти действовать к деспоту? А понимаешь ли ты, от чего расточается добродетель, откуда появляются знания? Добродетель расточается из-за славы, знания появляются из-за соперничества. Ради славы друг друга вытесняют; знание же — орудие соперничества. Это — зло, и прибегать к этому нельзя. Даже обладая великой добродетелью и твердой верностью, ты еще не умеешь распознать характер человека; даже не споря из-за славы, ты еще не умеешь распознать намерения человека. Если станешь настойчиво выступать перед деспотом с прямой, точно линия отвеса, речью о милосердии и справедливости, то твои достоинства возненавидят и тебя назовут недобрым человеком. На недоброго человека люди и обрушивают беду. Боюсь, что тебя загубят.

Если же царь Вэй притворится, что любит добродетельных и ненавидит порочных, то как его излечить? Тебе оста-

Среди людей

нется лишь молчать, и государь воспользуется своим преимуществом, чтобы одержать победу в споре. Слепит твои глаза и покорит твое лицо. Станешь подделываться к нему в речах, приспосабливаться к нему в поведении, утверждаться в его мыслях? Ведь это то же, что спасать огнем от пожара, водой — от наводнения, значит, лишь увеличивать беду. Стоит лишь начать с уступок и не будет конца.

Боюсь, что с искренним советом обратишься к тому, кто тебе не поверит, и примешь смерть от руки деспота. Так в старину Разрывающий На Части казнил Гуаня Встреченного Драконом⁵⁶, а Бесчеловечный — царевича Цита. Встреченный Драконом и Цит совершенствовались, любили и жалели народ, ради низших противились высшим. За это правители их и погубили, ведь они пали жертвой доброго имени. Разве ты не слышал о том, как в старину Высочайший ходил походом на племена Ветви Терновника и Сюяо, а Молодой Дракон — на Владеющих Домами⁵⁷. От селений остались развалины, людей же казнили. Бросая воинов в бой без конца, ненасытно стремясь к грабежу, все они домогались и славы и поживы. Жажда славы и поживы погубили и мудрых, где же справиться тебе! И все же попытайся рассказать мне, что ты задумал.

— Можно ли действовать со всей прямоотой, но скромно; прилагать все усилия, но остаться верным себе?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Ведь царь полон энергии и щедро ее тратит. Настроение у него переменчивое, и обычно ему никто не перечит. Подавляя чувства

Глава 4

других, он наслаждается собственным произволом. Одним словом, ему не овладеть и обычной добродетелью, а тем более — высшей. Он не изменится и будет стоять на своем. Даже если внешне согласится, то внутренне не раскается. Нет, так действовать нельзя!

— Тогда внутренне я буду прямым, а внешне — согбенным. Совершенное стану сравнивать с древним. Во внутренней прямоте явлюсь последователем природы. Тот, кто следует за природой, знает, что и Сын Неба и он сам — сыновья природы. Буду говорить свое, не заботясь, одобряют другие или нет. Про такого люди говорят — ребенок. Вот это и называю стать последователем природы. Быть согбенным внешне, значит, стать последователем людей. Стоять на коленях, подняв <дощечку для записи>, сгибаться в поклонах — таков обряд слуги. Осмелюсь ли я не поступать так, как поступают все! Если делать то, что делают все, не сочтут порочным. Это и называю стать последователем людей. Сравнить совершенное с древним, значит стать последователем древних, хотя в таких словах поучение, по существу же порицание, но идущее от древних, не от меня. Таким образом, я не пострадаю, даже будучи прямым. Это и называю стать последователем древних. Можно ли так действовать?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Слишком много замыслов. Пусть, обладая собственным мерилom, не заискивая, останешься твердым и избежешь осуждения. Все же, оставь это дело. Разве можно таким способом оказать на

Среди людей

царя влияние, равносильное его собственному желанию учиться?

— Больше мне нечего предложить. Осмелюсь ли попросить совета? — спросил Янь Юань.

— Разве легко осуществить то желание, которым ты обладаешь? Того, кто считает это легким, не одобрит Высокое Небо, — сказал Конфуций. — Постись и я тебе поведаю.

— Семья у меня, Хоя, бедная, — заметил Янь Юань. — Уже несколько лун я не пил вина, не ел мяса и скромных овощей⁵⁸. Можно ли считать, что постился?

— Таково воздержание перед принесением жертв, а не перед размышлением.

— Дозвольте спросить, что такое воздержание перед размышлением?

— Это значит, — ответил Конфуций, — сосредоточить свою волю на одном, слушать не ушами, а сердцем, не сердцем, а душой. Когда перестанешь слышать ушами и откликаться сердцем, душа очистится до пустоты и будет готова воспринимать вещи. Только пусть будет стекаться в пустоту⁵⁹. Достижение пустоты и есть воздержание перед размышлением.

— Пока я, Хой, не воспринял этого наставления, существовал только как я, Хой. Лишь начал его применять, меня, Хоя, не стало. Можно ли считать, что я достиг пустоты? — спросил Янь Юань.

— Да, полностью — ответил учитель. — Теперь я тебе поведаю: ты можешь войти в клетку царя и в ней разгули-

Глава 4

вать, оставаясь равнодушным к царской славе. Станет слушать — пой, не станет — умолкни. Без покровителей и без ненавистников, как бы вынужденно, поселись в том же доме. Это почти то, что нужно. Легко не ходить, но невозможно ходить, не оставляя следов. Действуя, как человек, легко лицемерить, но действуя, как природа, невозможно лицемерить. Ведь все слышаны, что летает тот, кто обладает крыльями; но слыханное ли дело, чтобы летал тот, кто не обладает крыльями. Ведь все слышаны, что мудр тот, кто обладает знаниями; но слыханное ли дело, чтобы был мудр тот, кто не обладает знаниями. Посмотри на то отверстие в двери. Через его пустоту в доме появляется свет. Остановится доброе знамение, остановись и ты. Если же не остановится, то, можно сказать, будешь мчаться, даже сидя на месте. Если слухом и зрением обратишься к внутреннему, а разумом сердцем — к внешнему, то придут к тебе не только люди, но даже души предков и боги. Таково будет влияние на всю тьму вещей. Это служило основой для Молодого Дракона и Ограждающего; того же до конца жизни придерживались Готовящий Жертвенное Мясо и Опирающийся О Стол⁶⁰, тем более это необходимо человеку, не состоящему на службе!

Царский сын Высокий⁶¹, готовясь ехать послом в Ци, спросил Конфуция:

— Не посоветуете ли, как мне быть? Царь посылает меня, Чжуляна, с весьма важным поручением. В Ци же, веро-

Среди людей

ятно, примут с большим почетом, но с делом спешить не станут. Я тревожусь. Ведь и простого человека нельзя торопить, не то что царя. Вы говорили мне, Чжуляну, что без учения любое дело — и большое и малое — редко удастся благополучно завершить. Если дело не увенчается успехом, меня покарает человек; если же увенчается, меня настигнут силы жара и холода. Избежать беды в том и в другом случае способен лишь добродетельный.

Пищу я ем простую, не изысканную; в жару не ищу прохлады. Но вот сегодня утром я получил приказ, а к вечеру — пил ледяную воду, у меня поднялся жар. Еще не доехал до места, а уже страдаю от лихорадки. Если дела не завершу, покарают и люди. Обе эти беды мне, слуге, не вынести.

— В Поднебесной существуют две великие заповеди, — ответил Конфуций. — Одну дает судьба, другую — долг. Судьбою дана сыну любовь к родителям, от нее не освободить сердца. Долг велит слуге служить государю. Государь всюду, куда бы ты ни пришел; нигде в Поднебесной от него не укроешься. Таковы эти великие заповеди. Вот почему совершенная сыновняя почтительность в том, чтобы служить родителям и покоить их в любых условиях; а полная преданность государю — в том, чтобы служить ему и покоить его при любых условиях. Служить всеми помыслами, не изменяясь, радость ли перед тобой или горе, и даже в безвыходном положении принимать все спокойно как судьбу — это высшая добродетель.

Глава 4

Бывает, конечно, что слуга или сын вынуждены, выполняя поручение, забыть о самом себе. У него не найдется досуга для наслаждения жизнью или для страха перед смертью. Поэтому-то вы и можете отправляться.

Дозвольте мне повторить то, что я когда-то слышал. С соседними царствами следует поддерживать взаимную дружбу, основанную на верности в делах; далеким царствам следует высказывать преданность в речах. Речи должен кто-то передавать, а самое трудное на свете — передавать слова радости или гнева одной стороны другой стороне. В радости изливают друг другу слишком много приятных слов, в гневе обрушивают друг на друга слишком много злых слов. Но все чрезмерное безрассудно, безрассудное же не внушает доверия. Подозрения и губят того, кто передает речь⁶². Поэтому в «Образцовых речах»⁶³ и говорится: «Передавай неизменной сущность дела, опускай лишние слова». Соблюдай это правило и, возможно, останешься цел.

Помни, кроме того: искусные борцы начинают мериться силами открыто, а кончают тайным приемом — в напряженный момент прибегают ко многим хитростям; вино пьют согласно церемониям, соблюдая вначале порядок, кончают же беспорядком — большое возбуждение ведет к чрезмерным наслаждениям. И так во всем. Начинают с извинений, а кончают грубостями. Ничтожное вначале становится огромным к концу. В словах — и ветер и волны <буря>, в делах — победа или поражение. Ветер и волны вызвать нетрудно, но к опасности легко приводят и победа и поражение. Поэтому

Среди людей

без особых оснований и высказываются гневные суждения, полные резких, пристрастных слов. Рычат, не выбирая выражений, словно дикие звери с kloкочущим дыханием в предсмертной агонии. И злоба растет. Когда злоба доходит до высшего предела, с другой стороны в ответ почему-то также непременно появляется негодование. Если никто не сознает, отчего все началось, то кто может знать, чем все кончится?! Поэтому в «Образцовых речах» и говорится: «Не отклоняйся от порученного, не настаивай на решении, превысишь меру — доведешь до крайностей». Ибо отклоняться от порученного, настаивать на решении — опасно. Ведь благоприятное решение приходит не скоро, а неблагоприятного уже не исправить. Не следует ли быть осторожным?

Для тебя же лучше всего пользоваться каждой возможностью, чтобы отдохнуть сердцем и, веряясь неизбежному, укреплять свои чувства. Как добиться ответа от Ци? Самое лучшее — ввериться судьбе, но это и самое трудное.

Янь Врата Бьгия⁶⁴, готовясь занять пост наставника наследника вэйского царя Чудотворного⁶⁵, спросил у Цюй Боюя⁶⁶:

— Как мне поступить в данном случае? У здешнего человека царя природная склонность к убийствам. Если его не удерживать, опасность будет грозить всему нашему царству; если же его удерживать, опасность будет грозить мне. Знаний у него хватает, чтобы понять чужие ошибки; но не хватает, чтобы понять собственные.

Глава 4

— Какой замечательный вопрос! — воскликнул Цюй Боюй.— Остерегайся его! Будь с ним осторожен! Будь точен в своем поведении! Лучше всего внешне с ним сближаться, а в сердце хранить гармонию. Однако и в том и в другом — опасность. Сближение не должно стать глубоким, а внутренняя гармония не должна стать явной. Если сблизишься глубоко, упадешь и погибнешь; если внутренняя гармония будет явной, составит доброе имя и славу, то она же обернется бедой, злом. Станет он вести себя, как ребенок, и ты веди себя с ним, как ребенок; не станет соблюдать ранга, и ты с ним не соблюдай ранга; будет переходить все границы, и ты с ним переходи все границы. Достигнешь этого, сможешь с ним тесно сблизиться и освободить его от ошибок.

Видел ли ты, как кузнечик-богомол в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке? Не сознавая, что ему ее не одолеть, он переоценивает свои силы. Остерегайся! Будь осторожен! Если, кичась заслугами, станешь их переоценивать, совершишь ту же ошибку.

Знаешь ли ты, как человек кормит тигра?⁶⁷ Не решится давать тигру живого зверя, ибо убивая его, тигр придет в ярость; не решится дать целую тушу, ибо разрывая ее, тигр придет в ярость. Своевременно кормит голодного, постигая, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам. Человек потакает тигру, тигр к нему ластится; перечит — и тигр его убивает.

Вот тот, кто холил лошадей, уносил навоз в корзинах, а мочу — в кувшинах. Но вот налетели комары и оводы, он

Среди людей

внезапно хлопнул коня — а тот, порвав удила, проломил ему голову и разбил грудь. Разве не нужна осторожность? Чрезмерная забота и любовь могут привести к гибели.

Плотник Кремень направлялся в Ци и на повороте дороги у алтаря Земли увидел Дуб в сотню обхватов, такой огромный, что за ним могли бы укрыться много тысяч быков <цельный бык>, высотой же — с гору. В восьмидесяти локтях над землей возвышалась его крона с десятком таких толстых ветвей, что каждой хватило бы на лодку. Зеваки толпились, точно на ярмарке. А плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо дерева.

Ученики, вдоволь насмотревшись на Дуб, догнали плотника и спросили:

— Почему вы, Преждерожденный, прошли мимо, не останавливаясь, и не захотели даже взглянуть? Нам еще не приходилось видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за вами, учитель.

— Довольно! Замолчите! — ответил им плотник. — От него нет проку. Лодка, сделанная из него, потонет, гроб или саркофаг — быстро сгниют, посуда — расколется. Сделаешь ворота или двери — из них будет сочиться сок, колонну — ее источат черви. Это дерево не строевое, ни на что не годное, оттого и живет долго.

Когда плотник Кремень вернулся домой, во сне ему привиделся Дуб у алтаря.

Глава 4

— С какими деревьями ты хочешь меня сравнить? — спросил Дуб. — С теми, что идут на украшения? Или с плодоносящими? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. Как только плоды созреют, их обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того, что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми с тех пор, как появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего — и это принесло мне огромную пользу. Разве вырос бы я таким высоким, если бы мог для чего-нибудь пригодиться? К тому же мы оба: и ты и я — вещи. Разве может одна вещь судить о другой? Не тебе, смертному, бесполезному человеку, понять бесполезное дерево!⁶⁸

Очнувшись, плотник Кремень стал толковать свой сон, а ученики спросили:

— Если Дуб стремился не приносить пользы, почему же он вырос у алтаря?

— Не болтайте! Замолчите! — ответил плотник. — Он вырос там затем, чтобы невежды его не оскорбляли. Разве не срубили бы его, не будь здесь алтаря Земли? И все же он живет так долго по другой причине, чем все остальные. Не отдалился ли мы от истины, меряя его обычной меркой?

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья, гуляя на Шан-горе, увидел необыкновенно большое дерево:

Среди людей

тысяча колесниц, запряженных четверкой коней, нашла бы приют под его тенью.

— Что за дерево! — воскликнул он. — Вот, должно быть, замечательный материал!

Он посмотрел вверх и увидел, что ветви дерева извилисты, корявы и не могут пойти на балки и перекладины; посмотрел вниз и увидел, что корни так разветвляются, что не могут, служить ни для гроба, ни для саркофага. Лизнул лист — обжег и поранил себе язык; понюхал лист и на целых три дня обезумел, точно опьянел. И тогда Владеющий Своими Чувствами сказал:

— Поистине это дерево ни на что не годно, поэтому оно и выросло таким огромным. Ах! Ведь прозорливый человек не показывает, чем он полезен, так же как и это дерево!

На земле у рода Терновника в Сун хорошо принимаются орех, туя и шелковица. Вырастут они в одну-две пяди толщиной — их срубают, чтобы вытесать кол для привязи обезьян; вырастут в три-четыре пяди — их срубают, чтобы сделать балки в доме знатного; вырастут в семь-восемь пядей — их срубают, чтобы сколотить гроб для человека благородного или богатого купца. Вот такие деревья и умирают под топором и секирой прежде времени, не прожив отведенного им природой срока. Они гибнут потому, что полезны. Будь они бесполезны, их бы освободили так же, как запрещают приносить в жертву Реке быка с белым лбом, поросенка с рылом кверху и человека, страдающего геморроем. В таких признаках колдуны и жрецы видят предвестье беды, прозор-

Глава 4

ливые же люди находят в них предзнаменование великого счастья.

Подбородок Урода Шу⁶⁹ касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос на затылке торчал прямо в небеса. Внутренности теснились в верхней части тела, бедренные кости походили на ребра. Склонясь над иглой или стиркой, он зарабатывал достаточно, чтобы набить брюхо; провеивая и очищая зерно, мог прокормить десять человек.

Когда призывали воинов, среди них без опаски толкался этот калека. Когда объявляли общую повинность, его, всегда больного, не назначали на работу. Когда же производилась раздача немощным, он получал три чжуна зерна и десять вязанок хвороста. Если способен прокормиться и дожить до предельного срока тот, у кого искалечено тело, то тем более способен на это тот, у кого искалечена добродетель!

Когда Конфуций направлялся в Чу, чуский безумец Встречающий Колесницы⁷⁰ прошел мимо его ворот и пропел:

О, Феникс! О, Феникс!
Прощай, добродетель!
Грядущее — в даях.
Прошедшее — где ты?
Есть путь в Поднебесной —
Мудрейших творенье.
Пути не обрящем —
Мудрейший в сторонке.

Среди людей

Ужасное время —
Спасайся от казни!
Пушинкою счастье —
Держи — улетает!
Но тяжести горя
Как скинуть не знаю!
Оставь, о Мудрейший!
К чему добродетель!
Опасно! Опасно!
Оставь за чертою!
О страшные тернии!
Сгиньте с дороги!
Мой путь так извилист.
Мне ноги не раньте!

Гора грабит сама себя деревьями. Масло сжигает само себя в светильнике. Корицу срубают оттого, что она съедобна. Лаковое дерево срубают оттого, что оно полезно. Все знают, как полезно быть полезным; но никто не знает, как полезно быть бесполезным.

Глава 5

ЗНАК ПОЛНОТЫ СВОЙСТВ⁷¹

В Лу жил Ван Кляча⁷², которому отрубили ногу за преступление. За ним следовало столько же учеников, сколько и за Конфуцием.

Чан Цзи⁷³ спросил о нем у Конфуция:

— Что за человек Ван Кляча? Хотя у него отрублена нога, за ним следует, как и за вами, учитель, половина царства Лу. Он не поучает стоя, не ведет бесед сидя, но приходят к нему опустошенны-

Знак полноты свойств

ми, а возвращаются исполненными истины. Не существует ли воистину «учение без слов»⁷⁴, совершенствование разума без внешней формы?

— Он — мудрый человек, — ответил Конфуций. — Я, Цю, еще не успел побывать у него, но пойду учиться, тем более следует это сделать тем, кто хуже меня, Цю. И почему только в Лу? Поднебесную я, Цю, поведу у него учиться!

— Человеку за преступление отрубили ногу, а величают его Прездорожденным Ваном! Насколько же превосходит он обычных людей! Но как он этого добился? — спросил Чан Цзи.

— Как могуча жизнь, как могуча смерть, а они не в силах его изменить. Пусть обрушится небо, пусть опрокинется земля, и это не принесет ему утраты. В его знании нет пробелов, оно не меняется вместе с изменением вещей. Обозначая развитие вещей, он твердо придерживается их предка <сущности>.

— Что это значит?

— Когда исходят из различий, видят одну печень или желчь, одно царство Чу или Юэ; когда исходят из уподобления <общего>⁷⁵, видят тьму вещей в единстве. Так и поступает Ван. Уходит от знаний, которые приносят зрение и слух, странствует разумом в гармонии свойств. Видя общее в вещах, не замечает того, что они теряют; утрата собственной ноги для него то же, что потеря комка земли.

Глава 5

— Он занимается самим собой. Благодаря своим познаниям обретает разум, а благодаря своему разуму обретает законы разума. Почему же собираются вокруг него другие?

— Люди смотрят на свое отражение не в текучей воде, а в стоячей⁷⁶, ибо лишь неподвижное способно остановить домогательства всех других. Из вещей, получающих жизнь от земли, только кедр и туя зеленеют и зимой и летом: из людей, получающих жизнь от неба, правильным был только Ограждающий. Он сумел, к счастью, вести правильную жизнь и исправлять жизнь всех. Один герой, сохраняя изначальный характер и бесстрашную сущность, способен смело проложить путь сквозь все девять армий. Если на подобное способен тот, для кого самое важное — стремление к славе, на что же окажется способным тот, кто органами чувств воспринимает небо и землю, объемлет всю тьму вещей? Пребывая лишь временно в шести частях своего тела, воспринимая образы слухом и зрением, он объединяет познанное в едином знании, и законы разума не умирают. Когда такой человек выберет день, чтобы подняться ввысь <умереть>, люди последуют за ним. Разве согласится он заниматься делами?

Наставник Счастливы⁷⁷, которому отрубили ногу в наказание за преступление, учился вместе с чжэнским Цзычанем у Темнеющего Ока.

Однажды Цзычань сказал Счастливому:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться.

Знак полноты свойств

На другой день они снова сидели на той же циночке в том же зале и Цзычань повторил:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться. Сейчас я пойду, удержишься ли ты? Кроме того, не считаешь ли себя равным мне, облеченному властью? Видишь меня, облеченного властью, а дороги не уступаешь!

— Поистине ли облеченный властью остается им и в доме учителя? — спросил Счастливей. — Ты любишь себя собой, облеченным властью, и хочешь, чтобы все оставались позади. А я слышал, что к чистому зеркалу не пристанет ни пыль, ни грязь; если же пристаёт, значит, зеркало нечистое. Тот, кто долго прожил вместе с человеком достойным, не совершает ошибок. Ты же выбрал великого, Преждерожденного, а сказал такое. Не ошибаешься ли?

— Такой, как ты, а еще споришь о добродетели с Высочайшим? — возразил Цзычань. — Подсчитай-ка свои достоинства! Не хватит ли тебе, чтобы раскаяться?

— Многие рассказывают о себе так, будто лишились ноги незаслуженно; редко кто признается, что лишился ноги заслуженно. Лишь достойные способны понять неизбежное и спокойно покориться своей судьбе. А если кто-либо бродит перед натянутым луком Охотника⁷⁸ в центре мишени и в него стрела не попадет, это также судьба! Многие, сохранившие обе ноги, смеялись надо мной, одноногим, и меня охватывал гнев. Только попав к Преждерожденному, я освободился от позора и вернулся к обычному состоянию. Преждерожденный

Глава 5

незаметно очистил меня добротой. Уже девятнадцать лет странствую с учителем, не сознавая, что я — подвергшийся наказанию. Ныне мы с тобой изучаем внутреннюю жизнь, а ты выискиваешь что-то в моем внешнем. Не ошибаешься ли ты?

Цзычань от волнения изменился в лице и сказал:

— Тебе не придется больше так говорить.

В Лу жил изувеченный в наказание за преступление по прозвищу Беспалый с Дяди-горы⁷⁹. Ступая на пятках, он пришел повидаться с Конфуцием, но тот сказал:

— Раньше ты был неосторожен и навлек на себя такую беду. Зачем же теперь ко мне пришел?

— Ведь я всего-навсего не разбирался в делах, вот и лишился пальцев на ногах — отнесся легкомысленно к собственному телу, — ответил Беспалый. — Ныне же я принес вам, учитель, нечто более ценное, чем ноги, что стараюсь сохранить в целости. На вас, учитель, я смотрел, как на небо и на землю. Ведь небо все покрывает, а земля все поддерживает. Разве ждал от вас, учитель, такого приема?

— Я, Цю, был невежлив, — извинился Конфуций. — Дозвольте рассказать вам, чему я научился. Почему же вы не входите?

Но Беспалый ушел.

— Старайтесь, ученики, — сказал Конфуций. — Если даже Беспалый, изувеченный в наказание, еще стремится к учению, чтобы возместить содеянное в прошлом зло, тем более должен стремиться тот, чья добродетель в целости.

Знак полноты свойств

Беспальный же поведал обо всем Лао-цзы :

— Конфуций еще не сумел стать настоящим человеком. Почему он без конца тебе подражает? Он стремится прославиться как человек удивительный и чудесный. Ему неизвестно, что для настоящего человека это лишь пути, связывающие по рукам и по ногам.

— Нельзя ли освободить его от этих пут? — спросил Лао-цзы. — Почему бы не показать ему прямо единство жизни и смерти, возможного и невозможного?

— Как его освободишь? Ведь это кара, наложенная на него природой.

Луский царь Айгун⁸⁰ спросил Конфуция:

— Что за человек безобразный вэец, которого звали Жалкий Горбун То?⁸¹ Мужчины, которым приходилось с ним вместе жить, так к нему привязывались, что не могли уйти. Увидя его, девушки просили родителей: «Лучше отдайте ему в наложницы, чем другому в жены». Их не пугало, что наложниц у него было уже больше десятка. Никто не слышал, чтобы он запевал — всегда лишь вторил. Он не стоял на престоле, не мог спастись от смерти; не получал жалованья, не мог насыщать голодных; своим же безобразием пугал всю Поднебесную. Он лишь вторил, никогда не запевая, слава его познаний не выходила за пределы округа, и все же к нему стремились и мужчины и женщины — он был, наверно, выдающимся человеком! Я, Единственный⁸², призвал его и увидел, что безобразием он воистину пугает всю Поднебесную. Но не прожил он у меня, Единственного, и одной лу-

Глава 5

ны, а я, Единственный, уже привязался к нему. Не прошло и года, а я, Единственный, стал ему доверять. В царстве не было тогда ведающего заклинанием жертвенного скота, и я, Единственный, хотел назначить его, а он опечалился. Позже согласился, но с такими колебаниями, будто отказывался. Мне, Единственному, стало досадно, но в конце концов я ему вручил должность. Вскоре, однако, он покинул меня, Единственного, и ушел. Я, Единственный, горевал, точно об умершем, как будто никто другой не мог разделить со мной радости власти.

— Однажды, — начал Конфуций, — когда я, Цю, ходил послом в Чу, я заметил поросят, которые сосали свою уже мертвую мать. Но вскоре они взглянули на нее, бросили сосать и убежали, ибо не увидели в ней себя, не нашли своего подобия. В своей матери они любили не тело, а двигавшую им жизнь.

— Погребая погибшего в бою, его провожают без опахла из перьев, — продолжал Конфуций. — Ибо для таких знаков отличия нет оснований, как нет смысла заботиться о туфлях тому, кому отрубили ногу в наказание. Никто в свите Сына Неба не срезает ногтей, не прокалывает себе ушей. Новобрачный не выходит из дома, свободен от службы. Этого достаточно для них, сохранивших в целости свое тело, тем более же для тех, кто сохранил в целости добродетель! Обратимся же ныне к Жалкому Горбуну То. Он ничего не говорил, а снискал доверие; не имел заслуг, а пользовался общей любовью; ему вручали власть и боялись лишь его от-

Знак полноты свойств

каза. Он должен был быть человеком целостных способностей, добродетель которого не проявлялась во внешней форме.

— Что означает «человек целостных способностей»? — спросил Айгун.

— Веление судьбы, развитие событий: рождение и смерть, жизнь и утрату, удачу и неудачу, богатство и бедность, добродетель и порок, хвалу и хулу, голод и жажду, холод и жару — он воспринимает как смену дня и ночи. Ведь знание не способно управлять их началом. Поэтому он считает, что не стоит из-за них нарушать гармонию внутри себя, нельзя допускать их к себе в сердце. Предоставляет им гармонично обращаться, а сам не утрачивает радости; предоставляет дню и ночи сменяться без конца, а сам подходит к другим нежно, будто весна. И тогда в сердце у каждого рождается это время года. Вот это и называется «целостными способностями».

— Что означает «добродетель, которая не проявлялась во внешней форме»?

— Вот пример: самое ровное — это поверхность воды в покое. Подобно ей он все хранит внутри, внешне ничуть не взволнуется. Совершенствование добродетели и есть воспитание в себе гармонии. Его добродетель не проявляется во внешней форме, поэтому его и не могут покинуть.

Передав об этом через несколько дней Минь-цзы⁸³, Айгун сказал:

— Раньше я считал высшим пониманием долга то, что, стоя лицом к югу, правлю Поднебесной, храню в народе порядок и печалюсь о смерти людей. Ныне же я услышал о на-

Глава 5

стоящем человеке и боюсь, что подобным совершенством не обладаю: легковесно отношусь к самому себе и веду к гибели царство. Мы с Конфуцием не царь и слуга — мы с ним друзья по добродетели.

Безгубый⁸⁴ калека с кривыми ногами подал как-то совет вэйскому царю Чудотворному и так понравился Чудотворному, что шеи у нормальных людей стали казаться тому слишком короткими.

Человек с зубом, похожим на кувшин, как-то подал совет цискому царю Хуаньгуну и так царю понравился, что шеи нормальных людей стали казаться тому слишком тонкими.

Так что преимущества в свойствах заставляют забыть о телесном. Если человек не забывает о том, что забывается, а забывает о том, что не забывается, то это — истинное забвение.

Поэтому у мудрого есть где странствовать. Для него знания — зло, клятвенные союзы — клей, добродетель — средство приобретения, предметы ремесла — товар. Мудрый не строит планов, зачем ему знания? Не рубит, зачем ему клей? Не утрачивает, зачем ему добродетель? Не торгует, зачем ему товар? Вместо всего этого его кормит природа. Природа кормит естественной пищей. Поскольку пищу он получает от природы, зачем ему людское? Тело у него человеческое, но он не знает человеческих страстей. Телом — человек, поэтому и живет среди людей, не страдая человеческими страстями, не принимая ни хвалы, ни хулы. В незначитель-

Знак полноты свойств

ном, в малом он — человек. Высокий, величественный, он в одиночестве совершенствует в себе природное.

Творящий Благо спросил Чжуан-цзы:

— Бывают ли люди без страстей?

— Бывают, — ответил Чжуан-цзы.

— Как можно назвать человеком человека без страстей?

— Почему же не называть его человеком, если путь дал такой облик, а природа сформировала такое тело?

— Если называется человеком, как может он быть без страстей?

— Это не то, что я называю страстями. Я называю бесстрастным такого человека, который не губит свое тело внутри любовью и ненавистью; такого, который всегда следует естественному и не добавляет к жизни искусственного.

— Если не добавлять к жизни искусственного, — возразил Творящий Благо, — как поддерживать существование тела?

— Путь дал человеку такой облик, природа сформировала такое тело, — повторил Чжуан-цзы. — А ты относишься к своему разуму как к внешнему, напрасно расходуешь свой эфир: поешь, прислонясь к дереву; спишь, опираясь о столик. Природа избрала для тебя тело, а ты споришь о том, что такое твердое и белое.

Глава 6

ОСНОВНОЙ УЧИТЕЛЬ⁸⁵

Знание созданного природой и знание созданного человеком — знание истинное. Знание созданного природой дается природой. Тот, кто обладает знанием созданного человеком, с помощью познания познанного упражняется в познании непознанного. Такой человек не умирает преждевременно, доживает до естественного предельного возраста. Это знание наиболее полное. И все же в нем есть и пагубное. Ведь знание точное от

Основной учитель

чего-то зависит, а то, от чего оно зависит, — совершенно неопределенное. Как знать, называемое много природным — это, быть может, человеческое, а называемое человеческим — это, быть может, природное? Только настоящий человек⁸⁶ обладает истинным знанием.

Кого же называют настоящим человеком? Настоящий человек древности не шел против малого, не хвалился подвигами, не входил в число мужей, представляющих замыслы. Поэтому ошибаясь, не раскаивался, а поступив правильно, не впадал в самодовольство. Такой человек мог подняться на вершину и не утрашиться, войти в воду и не промокнуть, вступить в огонь и не обжечься. Своим познанием он, даже умирая, мог восходить к пути. Настоящий человек древности спал без сновидений, просыпаясь, не печалился, вкушая пищу, не наслаждался. Дыхание у него было глубоким, исходило из пят, а у обычных людей идет из горла. У человека, побежденного в споре, слова застревают в глотке, будто его тошнит, — чем сильнее страсти в человеке, тем меньше в нем проявляется естественное начало.

Настоящий человек древности не ведал любви к жизни, не ведал страха перед смертью. Входя в жизнь, не радовался, уходя из жизни, не противился, равнодушно приходил и равнодушно возвращался — и только. Не забывал о том, что было для него началом; не стремился к тому, что служило ему концом. Получая что-либо, радовался, возвращая, об этом забывал. Это и называется не помогать разумом пути,

Глава 6

не помогать природе искусственным. Такого и называют настоящим человеком.

У такого сердце — в покое, выражение лица — неизменно, лоб — высок и ясен. Прохлада исходит от него, точно от осени; тепло, точно от весны. Радость и гнев его естественны, как четыре времени года. Он обращается с вещами, как это необходимо, но никто не знает его пределов. Поэтому мудрый способен поднять войско, покорить царство, не утратив привязанности людских сердец; распространить полезное на всю тьму вещей, но не из любви к людям. Ибо тот, кто упивается своим пониманием вещей, не мудр; обладающий личными привязанностями не милосерден; тот, кто ожидает удобного момента, не добродетелен; кто взвешивает полезное и вредное, тот — неблагородный муж; кто теряет себя, домогаясь славы, тот не муж; тот, кто жертвует собой, теряя истинное, тот не способен повелевать другими. Такие, как Ху Буцзе⁸⁷ и Омраченный Свет⁸⁸, Старший Ровный и Младший Ровный, Сидящий На Корточках, Помнящий о Других⁸⁹ и Наставник Олень⁹⁰, были слугами других, исполняли чужие желания, а не собственные. Настоящий человек древности был справедлив и беспристрастен; ему как будто чего-то не хватало, но не требовалось дополнительного; он любил одиночество, но на нем не настаивал; соблюдал чистоту, но без прикрас. Улыбался, словно от радости, но двигался лишь по принуждению. Собранное в нем вторгалось в нас, вместе с ним в нас укреплялись свойства. Строгостью был подобен времени, возвышенный, не терпел ограничений;

Основной учитель

отдаляющийся, будто с сомкнутыми устами; бессознательный, будто забывающий о словах.

Наказания считали телом, обряды — крыльями, знания — определением благоприятного времени, добродетель — согласием с другими. Те, кто считал наказания телом, были умеренны в казнях; те, кто считал обряды крыльями, действовали в согласии с миром; те, кто считал знания определением благоприятного времени, были вынуждены применять их в делах; те, кто считал добродетель согласием с другими, говорили, что поднимаются на вершину вместе со всеми, у кого есть ноги. Люди полагали, что они воистину труженики.

То, что они любили, было единым; то, что они не любили, было единым. В своем единстве они были едиными; в отсутствии единства они были едиными. В своем единстве они были последователями природного; в отсутствии единства они были последователями человеческого. Тот, в ком природное и человеческое не побеждают друг друга, и называется настоящим человеком.

Жизнь и смерть — от судьбы. Она так же постоянна, как природа в смене дня и ночи. То, что человек в этом не может воспринять, относится к свойствам самих вещей. Одни видят только небо как своего отца и его любят, тем более, что выше неба. Другие видят только благородного мужа царя, их превосходящего, и готовы за него умереть; тем более должны бы это делать ради того, что более истинно, чем царь.

Глава 6

Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели и стараются дать друг другу влагу дыханием и слюной. Но лучше им забыть друг о друге в просторах рек и озер. Вместо того чтобы восхвалять Высочайшего и порицать Разрывающего На Части, лучше предать забвению их обоих и идти по своему пути.

Огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть⁹¹.

Если спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь Силач унесет все на спине, а Невежда ничего не будет знать. В каком бы подходящем месте ни спрятать большое или малое, оно все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для всех вещей.

Только отлили тело в форме человека, и уже ему радуются; но это тело еще испытает тьму изменений бесконечных, такое счастье разве можно измерить? Поэтому мудрый странствует там, где вещи не теряются, где все сохраняется. Он видит доброе и в ранней смерти и в старости, и в начале и в конце.

Если другие ему подражают, то тем более должны подражать тому, от чего зависит вся тьма вещей, от чего зависит все развитие в целом.

Основной учитель

Ведь путь обладает реальностью и достоверностью, но у него отсутствуют деяние и телесная форма. О нем можно рассказать, но его нельзя взять; можно постичь, но нельзя увидеть. В нем самом и его основа и его корень. Он существовал вечно, прежде неба и земли, в самой древности: он дал святость душам предков, дал святость богам⁹², породил небо и землю. Он выше зенита, а не высокий, ниже надира, а не низкий; существовал прежде неба и земли, а не древен; старше самой отдаленной древности, а не стар.

Человек из рода Кабаньей Шкуры⁹³ обрел его и привел в порядок небо и землю. Готовящий Жертвенное Мясо обрел его и проник к матери воздуха. Ковш, Связующий Звезды⁹⁴, обрел его и никогда не ошибался. Солнце и луна обрели его и никогда не останавливались. Каньпэй⁹⁵ обрел его и взошел на гору Союз Старших Братьев. Фын И⁹⁶ обрел его и странствовал по великой Реке. Цзянь У обрел его и поселился на горе Великой. Желтый Предок обрел его и поднялся в облака. Вечно Недовольный⁹⁷ обрел его и поселился в Черном дворце. Юй Цян обрел его и укрепился на Северном полюсе. Мать Западных Царей обрела его и уселась на Шаогуан-горе. Никто не знает, что было началом <пути>; никто не знает, что будет ему концом. Пэн Цзу обрел его и прожил от времен Ограждающего до Пяти царей⁹⁸. Фу Юэ⁹⁹ обрел его и стал помощником Удина, сделав Удина хозяином Поднебесной. Фу Юэ поднялся на восток Млечного пути и, оседлав Стрельца и Скорпиона, стал в ряду звезд.

Глава 6

Подсолнечник Из Южного Предместья¹⁰⁰ спросил у Женщины Одинокой¹⁰¹:

— Почему у тебя в такой старости цвет лица, словно у ребенка?

— Я слушаю о пути, — ответила Одинокая.

— Могу ли изучить путь?

— Нет, не можешь! Ты не такой человек. Вот Бу-Опора Балки¹⁰². У него способности мудрого, но нет пути мудрого; у меня же есть путь мудрого, но нет способностей мудрого.

Я хотела бы научить его, он поистине смог бы стать мудрым. Но и помимо него тому, кто обладает путем мудрого, легко передать путь обладающему способностями мудрого. Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня он сумел бы познать отчужденность от Поднебесной. После того как он познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней он сумел бы познать отчужденность от вещей. После того как познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней он сумел бы познать отчужденность от жизни. Познав же отчужденность от жизни, был бы способен стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев же единое, сумел бы забыть о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить туда, где нет ни жизни, ни смерти. Ведь то, что убивает жизнь, не умирает; то, что рождает жизнь, не рождается. Это то, что каждую вещь сопровождает, встречает, разрушает, создает. Имя этому — покой в столкновениях. Покой

Основной учитель

в столкновениях означает, что создание происходит лишь после столкновения¹⁰³.

— От кого ты об этом слышала? — спросил Подсолнечник Из Южного Предместья.

— Я слышала от сына Гадателя На Черепашьем Панцире¹⁰⁴, а сын Гадателя слышал от внука Повторяющего, а внук Повторяющего слышал от Ясного Взора, а Ясный Взор слышал от Шепчущего На Ухо, а Шепчущий На Ухо слышал от Неотложного Труда, а Неотложный Труд слышал от Поющего, а Поющий слышал от Изначального Эфира, а Изначальный Эфир слышал от Пустоты, а Пустота слышала от Безначального.

Приносящий Жертвы, Носильщик¹⁰⁵, Пахарь¹⁰⁶ и Приходящий, беседея, сказали друг другу:

— Мы подружались бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — позвоночником, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое¹⁰⁷.

Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникало возражений, и они стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Как величественно то, что творит вещи, — воскликнул больной, — то, что сделало меня таким согбенным!

Глава 6

На его горбу открылся нарыв. Внутренности у него теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос на затылке торчал прямо в небеса. Эфир, силы жара и холода в нем пришли в смятение, но сердцем он был легок и беззаботен. Дотащившись до колодца и посмотрев на свое отражение, сказал:

— Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

— Тебе это не нравится?

— Нет, как может не нравиться? Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха¹⁰⁸, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим, моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа — в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения жизни наступает свое время, а ее утрата следует за ее ходом. Если довольствоваться своим временем и во всем за процессом следовать, к тебе не будут иметь доступа ни горе, ни радость. Древние и называли это освобождением от уз. Тех, кто не способен себя развязать, связывают вещи. Но ведь вещам никогда не одолеть природу. Как же может мне это не понравиться?

Но вдруг заболел Приходящий. Он задыхался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали. Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

— Прочь с дороги! Не тревожьте того, кто превращается! — И, прислонившись к дверям, сказал умирающему:

Основной учитель

— Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого?

— Куда бы ни велели сыну идти отец и мать — на восток или запад, на юг или север, он лишь повинуется приказанию, — ответил Приходящий. — Силы жара и холода человеку больше, чем родители. Если они приблизят ко мне смерть, а я ослушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. Если ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет: «Я должен стать мечом Мосе!», то великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. Если ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: «Хочу снова быть человеком! Хочу снова быть человеком!», то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. Если ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел¹⁰⁹, а процесс создания за великого литейщика, то куда бы не могли мы отправиться? Завершил и засыпаю, а затем спокойно проснусь.

Учитель С Тутового Двора, Мэн Цзыфань и Цзы Циньчжан¹¹⁰ подружились. Они сказали друг другу:

— Кто способен дружить без мысли о дружбе? Кто способен действовать совместно, без мысли действовать совме-

Глава 6

стно? Кто способен подняться на небо, странствовать среди туманов, кружиться в беспредельном, забыв обо всем живом, как бы не имея конца?

Тут все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникло возражений, и они стали друзьями.

Но вот Учитель С Тутового Двора умер. Еще до погребения Конфуций услышал об этом и послал Цзыгуна им помочь. Цзыгун услышал, как кто-то складывал песню, кто-то подыгрывал на цине, и вместе запели:

— Ах! Придешь ли, Учитель С Тутового Двора. Ах! Придешь ли, учитель! Ты уже вернулся к своему истинному, а мы все еще люди!

Поспешно войдя, Цзыгун сказал:

— Дозвольте спросить, по обряду ли вы так поете над усопшим?

— Что может такой понимать в обряде? — заметили оба, переглянулись и усмехнулись.

Цзыгун вернулся, доложил Конфуцию и спросил:

— Что там за люди? Приготовлений к похоронам не совершали, отчужденные от формы, пели над усопшим и не изменились в лице. Я даже не знаю, как их назвать! Что там за люди?

— Они странствуют за пределами человеческого, — ответил Конфуций, — а я, Цю, странствую в человеческом. Бесконечному и конечному друг с другом не сблизиться, и я, Цю, поступил неразумно, послав с тобой свое соболезнова-

Основной учитель

ние. К тому же они обращаются с тем, что творит вещи, как с себе подобным, и странствуют в едином эфире неба и земли. Для них жизнь — какой-то придаток, зоб; смерть — проравшийся чирей, освобождение от нароста. Разве такие люди могут понять, что такое смерть и что такое жизнь, что сначала, а что в конце? Они допускают, что тело состоит из различных вещей¹¹¹. Забывая о собственных глазах и ушах, о печени и желчи, они твердят все снова и снова о конце и начале, не зная границ. Они бессознательно блуждают за пределами пыли и праха, странствуют в беспредельном, в области недеяния. Разве станут они себя затруднять исполнением людских обрядов? Представать перед толпой зрителей, говорить для ушей толпы слушателей?

— Почему же тогда вы, учитель, следуете обрядам? — спросил Цзыгун.

— На мне, Цю, кара Небес!¹¹² И все же я разделяю ее с тобою, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь ли спросить про их учение?

— Рыба создана для воды, а человек — для пути, — ответил Конфуций. — Тот, кто создан для воды, кормится, плавая в пруду. Тот, кто создан для пути, утверждает свою жизнь в недеянии. Поэтому и говорят: «Рыбы забывают друг о друге в просторах рек и озер, люди забывают друг о друге в учении о пути».

— Осмелюсь ли узнать, что за человек тот, кто чуждается людей? — спросил Цзыгун.

Глава 6

— Тот, кто чуждается людей, равен природе, — ответил Конфуций. — Поэтому и говорится: «Человек ничтожный для природы — благородный муж царь для людей¹¹³; благородный муж для людей — человек, ничтожный для природы».

Янь Юань сказал Конфуцию:

— Когда у Мэнсуня Талантливого¹¹⁴ умерла мать, он причитал, не проливая слез, сердцем не скорбел, не горевал при погребении. При таких трех упущениях в царстве Лу считали, что он прекрасно выполнил обряд. Мне, Хою, кажется очень странным то, что он приобрел такую славу, не имея на нее права по существу.

— Этот, из рода Мэнсунь, все исчерпал! — сказал Конфуций. — Он продвинулся в познании. Пренебречь обрядом не сумел, но для себя им пренебрег. Тот из рода Мэнсунь не разбирает, почему возникает жизнь, почему наступает смерть; не разбирает, где начало, а где конец. Как будто, превращаясь в другую вещь, ожидает неведомых ему перемен. Ведь когда готов к изменениям, как узнать, что не изменишься? А когда не готов к изменениям, как узнать, что уже изменился? Только мы с тобой еще не начали просыпаться от этого сна. Ведь тот Мэнсунь, выражая страх во внешнем, не отягощал утратой своего сердца. Он ощущал не смерть, а быстротечность пристанища на одно утро. Только Мэнсунь и проснулся. Причитал потому, что другие причитали. К тому же, когда общаются с другими, есть собственное «я». Но как знать, «я» ли то, что мы называем «я»? Вот тебе приснится, что ты

Основной учитель

птица и взмываешь в небеса; приснится, что ты рыба и ныряешь в глубину. А теперь не знаешь, говоришь об этом наяву или во сне? Тому, кто встречает превращение безропотно, далеко до того, кто встречает его с улыбкой; тому, кто изображает на лице улыбку, далеко до того, кто вверяет себя движению. Тот, кто спокойно вверяет себя движению, проходит через изменение в смерти и вступает в пустоту, естественность, единое.

Сын Ласточки встретился с Никого Не Стесняющим, и тот его спросил:

— Что посоветовал тебе Высочайший?

— Высочайший сказал, что мне следует, склоняясь, подчиниться милосердию и справедливости и тогда я стану верно судить об истинном и ложном, — ответил Сын Ласточки.

— И зачем только ты пришел ко мне? — задал ему вопрос Никого Не Стесняющий. — Если Высочайший наложил на тебя клеймо своего милосердия и справедливости¹¹⁵, отрезал тебе нос своим суждением об истинном и ложном, разве сумеешь ты странствовать в области безграничного наслаждения, необузданной свободы и бесконечного развития?

— И несмотря на это, я хочу вступить за ее ограду, — ответил Сын Ласточки.

— Это невозможно! — воскликнул Никого Не Стесняющий. — Незрячему незачем толковать о красоте глаз, бровей, лица; слепому не познать ни темное и желтое, ни красоты орнамента расшитых царских одежд.

— Но, — возразил Сын Ласточки, — ведь Пренебрегшая Украшениями утратила свою красоту, Схвативший Балку¹¹⁶

Глава 6

утратил свою силу, а Желтый Предок забыл о своих знаниях, — все они попали под молот на наковальне. Как знать, быть может, то, что творит вещи, снимет с меня клеймо, восстановит мне нос, чтобы я снова, целый, смог последовать за вами, Преждерожденный?

— Ах! Заранее этого не узнаешь! — воскликнул Никого Не Стесняющий. — Я расскажу тебе лишь об основном. О, мой учитель! О, мой учитель!¹¹⁷ Крошишь всю тьму вещей, но не вершишь справедливости. Вращиваешь тьму поколений, а не милосерден. Ты старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не проявляешь мастерства. Вот в чем я и странствую.

Янь Юань сказал:

— Я, Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— Я, Хой, забыл о милосердии и справедливости.

— Хорошо, но это еще не все.

На другой день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— Я, Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— Я, Хой, забыл о церемониях и о музыке.

— Хорошо, но это еще не все.

На следующий день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— Я, Хой, продвинулся вперед.

Основной учитель

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— Я, Хой, сижу и забываю о себе самом.

— Что это значит, «сижу и забываю о себе самом»? — изменившись в лице, спросил Конфуций.

— Тело уходит, органы чувств отстают. Покинув тело и знания, я уподобляюсь всеохватывающему¹¹⁸. Вот что означает «сижу и забываю о себе самом».

— Уподобился всеохватывающему — значит, освободился от страстей; изменился — значит, освободился от постоянного. Ты воистину стал мудрым! Дозволь мне, Цю, последовать за тобой.

Носильщик и Учитель С Тутового Двора¹¹⁹ были друзьями. Однажды, когда дождь лил целых десять дней, Носильщик сам себе сказал:

— Как бы с Учителем С Тутового Двора не случилась беда!

Он захватил с собой еду и отправился кормить друга. У самых ворот дома Учителя Носильщику послышался то ли плач, то ли пение. За ударом по струнам циня последовали слова:

О, отец!

О, мать!

О, природа!

О, люди!..

Слабевший голос спешил допеть строфу.

Глава 6

— Почему пел ты такую песню? — войдя к нему, спросил Носильщик.

— Я искал того, — ответил Учитель, — кто довел меня до такой крайности, но не знаю — кто. Неужели отец и мать желали мне такой бедности? Небо ведь беспристрастно все покрывает, а земля беспристрастно все поддерживает. Неужели небо и земля были пристрастны ко мне, сделав меня бедным¹²⁰? Я искал, кто это сделал, но не мог никого найти. Значит, то, что довело меня до такой крайности, — судьба¹²¹.

Глава 7

ДОСТОЙНЫЙ БЫТЬ ПРЕДКОМ И ЦАРЕМ

Четырежды обратившись к Наставнику Юных с вопросами¹²² и четырежды услышав «не знаю», Беззубый подпрыгнул от радости, пошел и сообщил об этом Учителю в Тростниковом Плаще. Тот сказал:

— Теперь-то ты это понял? Ведь роду Владееющих Тигром¹²³ далеко до рода Великих¹²⁴. Человек из рода Владееющих Тигром таил в себе милосердие, чтобы

Глава 7

привлекать людей и завоевывать сердца, но еще не начал делать различие между человеческим и нечеловеческим¹²⁵. Человек из рода Великих спал спокойно, пробуждался довольный, мнил себя то конем, то буйволом. Знания его были достоверными, чувства — надежными, свойства — настоящими. Он даже не подошел к различию между человеческим и нечеловеческим.

Цзянь У встретился с Безумцем Встречающим Колесницы и тот его спросил:

— Что сказал тебе Начало Полудня?¹²⁶

— Он мне сказал: «Когда сам правитель образцово выполняет правила и обряда, никто не осмелится его послушаться и все преобразуются», — ответил Цзянь У.

— Это свойство ложное, — ответил Безумец. — Применить его к управлению Поднебесной все равно, что пытаться перейти вброд море¹²⁷, проложить русло для реки или заставить комаров перенести гору. Разве мудрец своими знаниями способен управлять внешним миром? Если сам он, став образцом, начал действовать, то добьется воистину лишь того, чтобы выполнялись его дела. Ведь птица, спасаясь от стрелы, привязанной на бечеве, улетает ввысь; а мышь, когда ее выкуривают или выкапывают, роет нору глубоко под Священным холмом. Неужто у правителя знаний меньше, чем у этих тварей?

Корень Неба¹²⁸, прогуливаясь на солнечном склоне горы Темно-красной, дошел до реки Заросшей Осокой. Тут он

Достойный быть предком и царем

случайно встретился с Безымянным и обратился к нему с вопросом:

— Дозвольте спросить, что нужно сделать для Поднебесной?

— Иди прочь, невежда!— ответил Безымянный.— Что надоедаешь вопросами! Я готовился к общению с тем, что творит вещь, как с себе подобным, а пресытившись, собирался подняться на птице неведомых далей за пределы всех шести стран света, странствовать в царство небытия, пребывать в бескрайних просторах. К чему тревожишь мое сердце вопросом об управлении Поднебесной?

Но Корень Неба повторил вопрос, и Безымянный ответил:

— Наслаждайся сердцем в бесстрастии, соединишь с эфиром в равнодушии, предоставь каждого естественному пути, не допускай ничего лишнего, и в Поднебесной воцарится порядок.

Ян Чжу встретился с Лао-цзы и спросил:

— Можно ли сопоставить с мудрым царем человека сообразительного и решительного, пронизательного и дальновидного, который без усталости изучает путь?

— При сопоставлении с мудрым,— ответил Лао-цзы,— такой человек выглядел бы как суетливый мелкий слуга¹²⁹, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: «красота тигра и барса — приманка для охотников»¹³⁰; «обезьяну держат на привязи за ее ловкость, а со-

Глава 7

баку за умение загнать яка». Разве можно такого сопоставить с мудрым царем?

— Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? — задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

— Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался на царя; никто не называл его имени, и каждый радовался по-своему. Сам же царь стоял в неизмеримом и странствовал в небытии¹³¹.

В Чжэн был Колдун по имени Цзи Сянь. Точно бог, узнавал он, кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого беда, кого долголетие, кого ранняя смерть, и назначал каждому срок — год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Ле-цзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-горы:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я открывал тебе внешнее, еще не дошел до сущности, — ответил учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда же возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и можешь состязаться с современниками, ты возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе с ним сюда, пусть на меня посмотрит.

Достойный быть предком и царем

Назавтра Ле-цзы явился к учителю вместе с Колдуном. Когда они вышли, Колдун сказал Ле-цзы :

— Увы! Твой учитель скоро умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой.

Ле-цзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами орошил одежду, и передал ему слова Колдуна.

— В тот раз я показался ему поверхностью земли,— сказал учитель,— без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова с ним сюда.

Назавтра Ле-цзы снова явился с Колдуном. Когда они вышли, Колдун сказал Ле-цзы :

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. Ему лучше, полностью появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Ле-цзы вошел к учителю я передал ему все.

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, куда нет доступа таким понятиям, как «имя» или «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот ему и почудилось, что мне лучше. Приди-ка снова с ним сюда.

На другой день Ле-цзы снова явился с Колдуном к учителю. Когда они вышли, Колдун сказал Ле-цзы :

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой его, и я снова его навещу.

Ле-цзы вошел к учителю и передал ему все. Учитель молвил:

Глава 7

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования чего-либо и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять названий глубин. Я же появился в трех: в виде глубины водоворота, стоячей воды, проточной воды. Приди-ка снова с ним сюда.

На другой день Ле-цзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел Колдун занять свое место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его,— велел учитель.

Ле-цзы побежал, не смог его догнать, вернулся и сказал:

— Не догнал! Он куда-то исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет,— сказал учитель.— Я предстал перед ним пустым, покорным, свернувшимся в клубок. Он не понял, кто я, какой я, видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал от меня.

Тут Ле-цзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся домой и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил будто людей, в резьбе и полировке вернулся к безыскусственности. В других делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому познал истину до конца.

Достойный быть предком и царем

Не поступай в услужение к славе, не становись сокровищницей замыслов, не давай делам власти над собой, не покоряйся знанию.

Постигая все до предела, будь бесконечен; странствуя, не оставляй следов; исчерпывая дарованное природой, ничего не приобретаешь; будь пустым и только.

Настоящий человек пользуется своим сердцем <разумом>, словно зеркалом. Не следует за вещами, не идет им навстречу, им отвечает, но их не удерживает. Поэтому преодолевает вещи, но остается невредимым.

Владыкой Южного океана был Поспешный, владыкой Северного океана — Внезапный, владыкой Центра — Хаос. Поспешный и Внезапный часто встречались на земле Хаоса, который принимал их радушно, и они захотели его отблагодарить.

— Только у Хаоса нет семи отверстий, которые есть у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, — сказали они. — Попытаемся их ему проделать.

Каждый день делали по одному отверстию и на седьмой день Хаос умер¹³².

Глава 8

ПЕРЕПОНКИ МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ НОГ

Перепонки между пальцами ног и шестой палец на руке даются от природы, но для человеческих свойств излишни. Опухоль и зуб вырастают на теле человека, но для природного они излишни. Милосердие и справедливость во многих предписаниях распределяются между всеми пятью внутренними органами. Однако они не отвечают истине природных свойств. Как перепонки между пальцами ноги — добавочное

Перепонки между пальцами ног

беспольное мясо, а шестой палец руки — добавочный бесполезный палец, так и многое внешнее подобно перепонкам и шестым пальцам для свойств всех пяти внутренних органов. Излишние милосердие и справедливость вызывают многие предписания, как слушать и смотреть.

Поэтому излишне острое зрение ведет к смещению всех пяти цветов, к изощренности в орнаменте, ослеплению темными и желтыми расшитыми царскими одеждами. Не так ли было с Видящим Паутину Издали? Излишне тонкий слух ведет к смещению пяти звуков, к изощренности в шести тонах, пристрастию к музыкальным инструментам из металла и камня, шелка и бамбука, колоколам и шести полутонам. Не так ли поступал Наставник Куан? Излишнее милосердие ведет к отказу от свойств, к скованности человеческой природы во имя славы, к тому, чтобы все в Поднебесной дули в свирели и били в барабаны, прославляя недостижимый образ. Не так ли поступали Цзэн-цзы и Хронист Ю?¹³³

Излишества в спорах ведут к нагромождению фраз, будто черепицы или узлов на веревке, к наслаждению тождеством и различием, твердостью и белизной, безудержными бесполезными словами ради минутной славы. Не так ли поступали Ян Чжу¹³⁴ и Мо Ди?

Все эти учения с перепонками и шестыми пальцами не составляют подлинной истины в Поднебесной. Подлинная истина в том, чтобы не терять природных свойств. Следовательно, при объединении уничтожаются перепонки, а при разделении — лишние пальцы. Однако длинное не должно

Глава 8

считаться излишним, а короткое — недостаточным. Хотя лапки утки коротки, но попробуй их вытянуть — причинишь боль; хотя ноги у журавля длинные, но отруби их — причинишь горе. Если не отрезать то, что от природы длинно, не удлинять то, что от природы коротко, не нужно будет и устранять боль. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько боли причиняет людям милосердие!

Тот, кому разрежут перепонку между пальцами, заплачет; тот, кому откусят лишний палец, закричит. У одного — излишек, у другого — недостаток, а боль у обоих одинаковая. Современные милосердные с засоренными глазами печалются о бедах мира, а немилосердные, насилуя природные свойства, алчут богатства и почестей. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько шуму они вызвали в мире со времен трех династий!¹³⁵

Тот, кто с помощью крюка и отвеса, циркуля и наугольника придает вещам надлежащую форму, калечит их природу; тот, кто с помощью веревок и узлов, клея и лака укрепляет вещи, вредит их свойствам. Тот, кто заставляет людей изгибаться в обрядах и танцах, оберегать милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной, лишает их постоянных свойств¹³⁶. У всех вещей Поднебесной есть постоянные свойства. К постоянному относится то, что скривилось без крюка, выпрямилось без отвеса, округлилось без циркуля, стало квадратным без наугольника; что соединилось без клея и лака, связалось без веревки и тесьмы.

Переponки между пальцами ног

Так все в Поднебесной, увлекая один другого, рождаются и не знают, почему рождаются; одинаково обретают и не знают, почему обретают. Такой порядок был и в старину и в наше время, он не может быть нарушен. Как может связанный милосердием и справедливостью, точно клеем и лаком, веревкой и тесьмой, наслаждаться природными свойствами? Они вводят весь мир в заблуждение. Небольшое заблуждение изменяло направление; великое заблуждение изменяло человеческую природу. Откуда это известно? С тех пор как Ограждающий из рода Владеющих Тигром смутил Поднебесную своим призывом к милосердию и справедливости, каждый по принуждению поспешил следовать за милосердием и справедливостью. Не изменилась ли из-за появления милосердия и справедливости и человеческая природа?

Попытаемся высказать об этом суждение.

Со времен трех династий каждый человек в Поднебесной из-за вещей изменял свою природу. Ничтожные люди жертвовали жизнью ради наживы, мужи — ради славы, военачальники — ради рода, мудрецы — ради царства. У этих людей различные занятия, различные призвания, но, жертвуя собой, они причиняли своей природе одинаковый вред.

Так, Раб и Рабыня вместе пасли стадо и оба потеряли своих овец. Спросили Раба, что он делал? Оказалось, что читал дощечку с записью гадания. Спросили Рабыню, что она делала? Оказалось, что играла в кости. Занимались они различными делами, но оба одинаково потеряли овец. Так, Старший Ровный, жаждавший славы, умер у подножья го-

Глава 8

ры Первого Солнца; разбойник Чжи, жаждавший поживы, умер на вершине Восточного Кургана. Смерть их вызвана различными причинами, но оба они равно сократили свою жизнь и причинили вред своей природе. Почему же следует восхвалять Старшего Ровного и порицать Чжи?

Из тех, кто в Поднебесной жертвует собой, одни делают это ради милосердия и справедливости, тогда их обычно величают благородными мужами; другие — ради имущества и богатства, тогда их обычно прозывают ничтожными людьми. Жертвуют собой одинаково, почему же становятся благородными или ничтожными? Разбойник Чжи так же сократил свою жизнь и повредил своей природе, как и Старший Ровный, откуда же появилось между ними различие, как различие между ничтожным и благородным?

Умение подчинять свою природу милосердию и справедливости, даже столь совершенное, как у Цзэн-цзы и Хрониста Ю, я не называю сокровищем; умение подчинять свою природу всем пяти вкусам, даже столь совершенное, как у Юйэра¹³⁷, я не называю сокровищем; тех, кто подчиняет свою природу всем пяти звукам даже столь совершенно, как Наставник Куан, я не называю чуткими; тех, кто подчиняет свою природу всем пяти цветам даже столь совершенно, как Видящий Паутину Издали, я не называю зоркими. Я называю сокровищем обладание не милосердием и справедливостью, а лишь своими свойствами. Я называю сокровищем не обладание милосердием и справедливостью, а лишь представление свободы своим природным чувствам. Я называю

Перепопки между пальцами ног

чутким не того, кто слышит других, а лишь того, кто слышит самого себя. Я называю зорким не того, кто видит других, а лишь того, кто видит самого себя. Ведь смотрит на других тот, кто не видит самого себя; овладевает другими тот, кто не владеет собой, такой завладевает тем, что принадлежит другим, а не тем, что обрел он сам; стремится к тому, что пригодно для другого, а не к тому, что пригодно для него самого. Ведь те, кто стремится к пригодному для другого, не стремятся к пригодному для них самих. Они одинаково порочны, пусть это даже Старший Ровный или разбойник Чжи! Мне стыдно перед природными свойствами, поэтому я не осмеливаюсь упражняться в милосердии и справедливости с первым и не решаюсь предаваться порокам с последним.

Глава 9

У КОНЯ КОПЫТА

У коня копыта, и он может ступать по инею и снегу. Шкура защищает его от ветра и холода. Он щиплет траву, пьет воду, встает на дыбы и скачет. Такова истинная природа коня. Ему не нужны ни высокие башни, ни огромные залы.

Но вот Радующийся Мастерству сказал:

— Я умею укрощать коней.

И принялся подстригать им гриву, подрезать копыта, стал их палить и клеймить, взнуздывать и стреноживать, запирает в ко-

У коня копыта

нюшне и загоне. Из каждого десятка погибали два-три коня. Он стал укрощать их голодом и жаждой, пускал рысью и галопом, заставляя держать строй. Спереди им угрожали удила и шлея, сзади — кнут и хлыст. Коней же погибало более половины.

Гончар сказал:

— Я умею лепить из глины.

Круги у него соответствовали циркулю, а квадраты — наугольнику.

Плотник сказал:

— Я умею обрабатывать дерево.

Изгибы у него соответствовали крюку, а прямые линии — отвесу.

Разве своей природой глина и дерево стремятся соответствовать циркулю и наугольнику, крюку и отвесу? Но все же мастеров славил из поколения в поколение:

— Радующийся Мастерству умел укрощать коней! Гончар и Плотник умели обращаться с глиной и деревом!

Это — ошибка тех, кто правил Поднебесной.

Я думаю, что мастер, управляя Поднебесной, поступил бы иначе. Постоянное в природе людей то, что они ткут и одеваются, возделывают землю и питаются, — это и называется их общим свойством. Некогда они были едины, не делились на группы, и это я называю естественной свободой¹³⁸. Поэтому во времена, когда свойства были настоящими, ходили медленно и степенно, смотрели твердо и непреклонно. Тогда в горах еще не проложили дорог и тропинок, на озерах

Глава 9

не было лодок и мостов; все создания жили вместе, и селения тянулись одно за другим. Птицы держались стаями, звери ходили стадами, травы росли со всей пышностью, а деревья — во всю свою длину. Поэтому можно было гулять, ведя на поводу птицу или зверя, вскарабкаться на дерево и заглянуть в гнездо сороки или вороны. Да, во времена, когда свойства были настоящими, люди жили рядом с птицами и зверями, составляли один род со всеми существами. Разве знали о делении на благородных и ничтожных? Ни у кого одинаково не было знаний, никто не нарушал своих свойств, все одинаково были свободны от страстей, и это я называю безыскусственностью. В безыскусственности народ обретал свою природу.

Когда же появились мудрецы, то умение ходить вокруг да около прихрамывая стали принимать за милосердие; умение ходить на цыпочках — за справедливость, — и все в Поднебесной пришло в замешательство. Распущенность и излишества стали принимать за наслаждение; сложенные руки и согнутые колени стали принимать за обряды. И все в Поднебесной стали отделяться друг от друга.

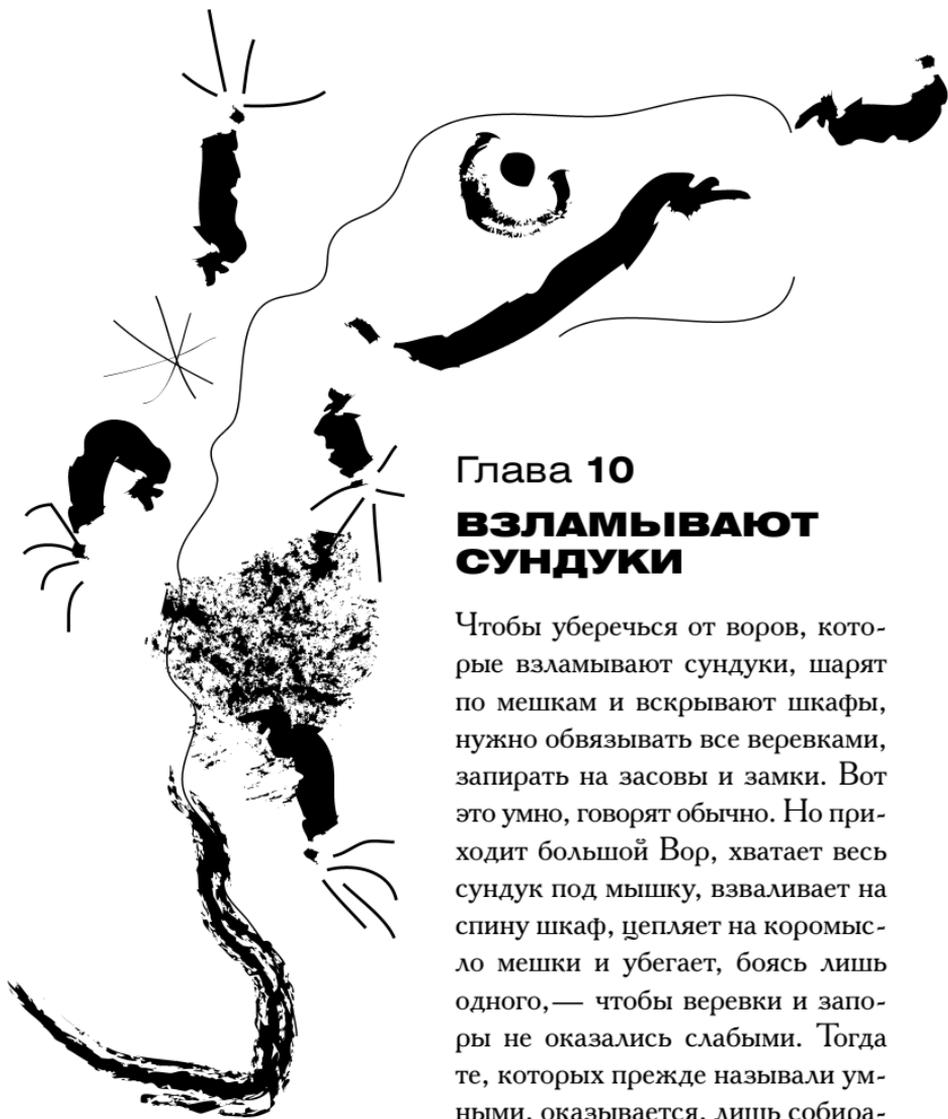
Кто сумел бы, не повредив дерева, вырезать жертвенную чашу? Кто сумел бы, не повредив белого нефрита, выточить скипетр и булаву? Как ввести милосердие и справедливость, не нарушив природных свойств? Как ввести обряды и музыку, не отбросив естественных чувств? Кто сумел бы создать орнамент, не спутав всех пяти красок? Кто заставил бы пять звуков, не спутав их, отвечать шести трубочкам? В том, что

У коня копыта

ради сосудов искалечили дерево, вина мастеров; в том, что ради милосердия и справедливости нарушили природные свойства, вина мудрецов¹³⁹.

Пока кони жили на просторе, они щипали траву и пили воду. Радуюсь, сплетались шеями и ласкались, сердясь, поворачивались друг к другу задом и лягались. Только в этом и состояли их значения. Но когда на коней надели ярмо, украсили им морду изображением луны, они научились коситься и выгибать шею, упираться и брыкаться, ломать ярмо и рвать поводья. Поэтому в том, что кони приобрели подобные знания и научились разбойничьим повадкам, виноват Радующийся Мастерству.

Во времена рода Пламенных Помощников¹⁴⁰ народ жил, не зная, что ему делать; ходил, не ведая куда. Человек набивал себе рот и радовался, похлопывал себя по животу и отправлялся гулять. В этом состояли все его способности. Но когда появились мудрецы, они ввели преклонения и поклоны, обряды и музыку для исправления формы поведения в Поднебесной; вывесили для общей радости милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной. И тут народ принялся ходить вокруг да около прихрамывая и так пристрастился к знаниям и к соперничеству в погоне за наживой, что его нельзя было остановить. В этом также вина мудрецов.

Глава 10

ВЗЛАМЫВАЮТ СУНДУКИ

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят по мешкам и вскрывают шкафы, нужно обвязывать все веревками, запирать на засовы и замки. Вот это умно, говорят обычно. Но приходит большой Вор, хватая весь сундук под мышку, взваливает на спину шкаф, цепляет на коромысло мешки и убегает, боясь лишь одного, — чтобы веревки и запоры не оказались слабыми. Тогда те, которых прежде называли умными, оказывается, лишь собира-

Взламывают сундуки

ли добро для большого Вора. Посмотрим, не собирает ли добра для больших воров тот, кого обычно называют умным? Не охраняет ли крупных разбойников тот, кого называют мудрецом? Как доказать, что это истина?

В старину в царстве Ци соседи из разных общин видели друг друга, петухи там друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу лаем¹⁴¹. На пространстве более двух тысяч квадратных ли расставляли сети, обрабатывали землю сохой и мотыгой. В пределах четырех границ во всем брали пример с мудрецов — при постройке храма предков, алтаря Земли и Проса, домов, при разбивке на околотки, селения, округа и области.

Но вот однажды утром Тянь Чэн-цзы убил цисского царя и украл его царство. Только ли царство украл? Нет! Вместе с царством украл и мудрые порядки. И хотя о Тянь Чэн-цзы пошла слава как о воре и разбойнике, сам он наслаждался таким же покоем, как Высочайший и Ограждающий. Малые царства не смели его порицать, а большие — покарать. И так двенадцать поколений его потомков владели царством Ци.

Если он украл не только царство Ци, но и его порядки, введенные умными и мудрецами, то не являются ли эти самые умные и мудрецы хранителями воров и разбойников?¹⁴²

Посмотрим, не собирают ли добро для больших воров те, кого в мире величают самыми умными? Не охраняют ли разбойников те, кого величают самыми мудрыми? Как доказать, что это истина?

Глава 10

Вот в старину обезглавили Встреченного Драконом, вырезали сердце у Царевича Цита, выпотрошили Чан Хуна¹⁴³, сгноили в реке тело Цзыся¹⁴⁴. Все четверо — достойные люди, а не смогли избежать казни.

Сообщник разбойника Чжи его спросил:

— Есть ли у разбойников свое учение?

— Разве можно выходить на промысел без учения? — ответил Чжи. — Угадать по ложным слухам, что в доме есть сокровища, — мудрость; войти в него первым — смелость; выйти последним — справедливость; пронюхать, возможен ли грабёж, — знание; разделить добычу поровну — милосердие. Без этих пяти добродетелей никто в Поднебесной не может стать крупным разбойником. Отсюда видно, что если без учения мудрецов нельзя стать добрым человеком, то без учения мудрецов нельзя стать и разбойником¹⁴⁵. Но добрых людей в Поднебесной мало, а недобрых много. Поэтому польза, которую приносят Поднебесной мудрецы, невелика, а вред — велик. Поэтому и говорится: «Отрежут губы — стынут зубы», «Из-за плохого вина в Лу Ханьдань подвергся осаде»¹⁴⁶, «Когда рождается мудрец, появляется и великий разбойник».

Если мудрецов прогнать, а разбойников оставить в покое, в Поднебесной воцарится порядок. Ведь если высохнет поток, опустеет и долина; если сровнять с землей гору, заполнится и пропасть. Когда мудрецы перемрут, исчезнут и большие грабители, в Поднебесной наступит мир и больше

Взламывают сундуки

не будет беды. Пока мудрецы не перемрут, не переведутся и великие разбойники. Управлять Поднебесной, уважая мудрецов, означает соблюдать выгоду разбойника Чжи.

Если сделают меры и гарнцы, чтобы мерить, украдут и зерно вместе с мерами и гарнцами; если сделают гири и безмены, чтобы взвешивать, то украдут и взвешиваемое вместе с гирями и безменами; если сделают верительные дщицы и царские печати, чтобы обеспечить доверие, то украдут и царство вместе с верительной дщицей и царской печатью; если создадут милосердие и справедливость для исправления нравов, то украдут и исправление нравов вместе с милосердием и справедливостью. Как доказать, что это истина?

Вот: укравшего крючок — на плаху, укравшего трон — на царство¹⁴⁷. У ворот правителей и хранится милосердие со справедливостью. Разве это не кража милосердия и справедливости, мудрости и знаний? Поэтому-то вслед за большими грабителями крадут царства, крадут милосердие и справедливость вместе со всей наживой от мер и гарнцев, гирь и безменов, верительных дщиц и царских печатей. Этого не остановить, даже награждая колесницей и шапкой сановника; этого не запретить даже страхом перед топором и секирой; этого не обуздать из уважения к пожиле разбойника Чжи — такова вина мудрецов. Поэтому и говорится: «Рыбе нельзя покидать глубины, орудие наживы в стране нельзя показывать людям»¹⁴⁸. Мудрецы и есть орудие наживы в стране, им и нельзя показываться людям. Поэтому следует: уничтожить мудрость и отбросить знания, тогда пере-

Глава 10

ведутся и большие разбойники; выбросить нефрит и расколоть жемчуг, тогда исчезнут и малые воры; сжечь верительные дщицы и разбить царские печати, тогда народ станет простым и безыскусственным; поломать меры и перебить безмены, тогда в народе прекратятся тяжбы; истребить все правила мудрецов в Поднебесной, тогда с народом можно будет рассуждать; перемешать все шесть трубок, сжечь свирели и гусли, заткнуть уши слепцу Куану, и все в Поднебесной обретут слух; уничтожить орнаменты, раскидать все пять красок, склеить веки Видящему Паутину Издали, и все в Поднебесной обретут зрение; истребить крюки и отвесы, выбросить циркули и наугольники, переломать пальцы Искусному Молоту¹⁴⁹, и каждый в Поднебесной обретет мастерство. Поэтому и говорится: «Величайшее искусство похоже на неумение»¹⁵⁰. Следует презреть поведение Цзэн-цзы и Хрониста Ю, зажать рот Ян Чжу и Мо Ди, изгнать милосердие и справедливость, и свойства всех в Поднебесной сравниются с изначальными. Если бы каждый обрел зрение, в Поднебесной никого бы не ослепляли; если бы каждый обрел слух, в Поднебесной никого бы не оглушали; если бы каждый обрел знания, в Поднебесной не стало бы заблуждений; если бы каждый обрел свои свойства, в Поднебесной не стало бы порока. Такие, как Цзэн-цзы и Хронист Ю, Ян Чжу и Мо Ди, Наставник Куан, Искусный Молот и Видящий Паутину Издали, выставляют свои достоинства напоказ, чтобы ослепить всех в Поднебесной. Подражать им нельзя.

Взламывают сундуки

Разве ты не знаешь о времени истинных свойств? В древности жили люди из родов Юнчэн¹⁵¹, Огромных Дворов, Дяди Повелителя, Срединных, Равнины Каштанов, Разводящих Вороных Коней, Создателей Колесниц, Пламенных Помощников, Священной Чаши и Жаровни, Вызывающих Пламя, Готовящих Жертвенное Мясо, Священных Землепашцев. В те времена «народ запоминал, завязывая узелки на веревках»¹⁵², наслаждался, жуя свою пищу, любовался своей одеждой, был счастлив своими обычаями, довольствовался своим жилищем. «Жители соседних царств видели друг друга, петухи друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу лаем. Люди доживали до глубокой старости, но не общались друг с другом». В те времена царил истинный порядок.

А теперь дошло до того, что люди, вытягивая шею и становясь на цыпочки, друг другу сообщают:

— Там-то появился мудрец.

И, захватив с собой провизии, спешат к нему, покидая дома своих родителей, бросая дела государя. Следы их ведут через границы царств, колеи, проложенные их повозками, тянутся через тысячи ли. В этом — вина высших, пристрастившихся к знаниям. Когда высшие, не обладая учением, во истину пристрастятся к знаниям, они ввергают Поднебесную в великую смуту.

Как доказать, что это истина? А вот если растут познания насчет луков и самострелов, силков, стрел на шнурке и другого оружия, то птицы в небе приходят в смятение; если

Глава 10

растут знания в области крючков и приманок, сетей и бредней, сачков и бамбуковых кубарей, то рыбы в воде приходят в смятение; если растут знания насчет загонов, ловушек и тенет, то звери на болотах приходят в смятение. Когда же растет умение лукавить и изворачиваться, изводить и порочить, устанавливать тождество и различие, твердость и белизну, то нравы ввергаются в смятение софистикой. Поэтому в Поднебесной каждый раз возникает великая смута и вина за нее ложится на пристрастных к знаниям¹⁵³.

Поэтому все в Поднебесной умеют стремиться к познанию неизвестного, но не умеют стремиться к познанию известного; все умеют обсуждать то, что считается недобрым, но не умеют обсуждать то, что считается добрым, — это и ведет к большой смуте. Поэтому-то наверху и затмевается свет солнца и луны, а внизу истощается сила гор и рек; уменьшаются дары четырех времен года. Все вплоть до слабых червяков и малых насекомых утрачивают свою природу. Как ужасна в Поднебесной смута из-за пристрастия к знаниям! И так повелось со времен трех династий. Забыли простой, скромный народ и обрадовались хитрым, изворотливым краснобаям; оставили тишину и покой недеяния и обрадовались пустопорожнему многословию. Это-то пустопорожнее многословие и ввергло Поднебесную в смятение!

Глава 11

ПРЕДОСТАВИТЬ КАЖДОГО САМОМУ СЕБЕ

Слышали о том, что Поднебесную следует предоставить себе самой, но не слышали о том, что в Поднебесной следует наводить порядок. «Предоставить» — из опасения, чтобы не извратилась природа Поднебесной, «каждого самому себе» из опасения, чтобы не изменились человеческие свойства. Если природа Поднебесной не извратится, а человеческие свойства не изменятся, разве нужно будет наводить в ней порядок?

Глава 11

В старину Высочайший стал наводить порядок, чтобы Поднебесная возликовала, люди возрадовались своей природе, а они лишились покоя. Разрывающий На Части стал наводить порядок, чтобы Поднебесная опечалилась, люди оплакивали свою природу, и они лишились радости. Но ведь жизнь без покоя, без радости не свойство человека. Разве без присущих человеку свойств можно долго продержаться? Нет! Такого в Поднебесной не бывало.

При чрезмерной радости у человека расходуется с избытком сила жара, при чрезмерном гневе расходуется с избытком сила холода. При перерасходе и жара и холода перестают правильно чередоваться четыре времени года, нарушается гармония прохлады и тепла, а эти нарушения причиняют вред телу человека. Он перестает различать, когда радоваться, когда сердиться, жизнь его лишается постоянства, мысли — удовлетворения, работа останавливается на полпути. Тут-то и возникают в Поднебесной заносчивость и немилость, превосходство и угнетение, а за ними появляются разбойник Чжи, Цзэн-цзы и Хронист Ю. Если по всей Поднебесной награждать за доброе, с этим не справиться; если по всей Поднебесной наказывать за недоброе, с этим не справиться. Ибо Поднебесная велика, на всех не хватит наград и наказаний¹⁵⁴.

Со времен трех династий все шумят о наградах и наказаниях. Откуда же возьмется досуг, чтобы найти покой в природных свойствах? А кроме того, наслаждаясь острым зрением, предаются излишеству в цветах; наслаждаясь тонким

Предоставить каждого самому себе

слухом, предаются излишеству в звуках; наслаждаясь милосердием, нарушают естественные свойства; наслаждаясь справедливостью, нарушают законы природы; наслаждаясь обрядами, помогают извращениям; наслаждаясь музыкой, помогают разврату; наслаждаясь мудростью, помогают искусственности; наслаждаясь знаниями, помогают порокам. Если бы все в Поднебесной находило покой в природных свойствах, эти восемь наслаждений могли бы остаться, могли бы и исчезнуть. Но когда в Поднебесной не находят покоя в природных свойствах, из-за этих восьми наслаждений люди начинают друг друга резать на куски и скручивать в клубок, толкать и отнимать и ввергать в смуту Поднебесную. Если же в Поднебесной начинают чтить наслаждения, тосковать о них, каким сильным становится это заблуждение! Разве смогут пройти мимо наслаждений, от них отказаться? Ведь чтобы говорить о них — постытся, чтобы им предаться — преклоняют колени, чтобы изобразить их — играют и поют. Что же тут поделать?

Поэтому для благородного мужа, если он вынужден взойти на престол, лучше всего недеяние. Недеяние, а за ним — покой в природных свойствах. Ибо тому, кто ценит свою жизнь больше, чем царство, можно доверить Поднебесную; тому, кто любит свою жизнь больше царства, можно поручить Поднебесную. Если государь способен не рассеивать свое внутреннее, не обнаруживать зрения и слуха, возвышаться, словно Покойник, то взглянет он, как Дракон; погружится в молчание, а голос его загремит, словно гром; дви-

Глава 11

жению его мысли подчинится природа. Он предастся безмятежности и недеянию, а окажется связанным со всей тьмой существ. Разве у такого найдется досуг, чтобы наводить порядок в Поднебесной?

Высоченный Боязливый¹⁵⁵ спросил Лао-цзы :

— Если не навести порядок в Поднебесной, как исправить людские сердца?

— Будь осторожен! — ответил ему Лао-цзы. — Не тревожь человеческого сердца! Стоит его низвергнуть — человек унижится, стоит его возвысить — человек возгордится. Так он и превращается то в раба, то в убийцу. Сердце может быть нежным и слабым — и тогда ему не совладать с сильным и крепким; оно может быть твердым, словно резец, и гранить драгоценный камень. Оно то вспыхнет, словно пламя, то станет холодным, как лед. Оно меняется с удивительной быстротой, успеваешь дважды побывать за всеми четырьмя морями, пока презрительный взгляд сменится благосклонным.

В покое оно не дрогнет, точно пучина, в движении — устремится к небесам. Оно своевольное, гордое, его не обуздать. Вот каково человеческое сердце!

В старину Желтый Предок встревожил сердца милосердием и справедливостью. А Высочайший и Ограждающий, чтобы воспитать всех в Поднебесной, так трудились, что у них стерлись волоски на голених¹⁵⁶ и пушок на бедрах. Они надрывали все свои пять внутренних органов ради милосер-

Предоставить каждого самому себе

дия и справедливости, отдавали кровь и дыхание, чтобы установить законы и порядок, и все же не справились. И тогда Высочайший сослал людей С Лошадью На Шишаке на Почитаемую гору, переселил Трех Мяо на гору Трехглавую, изгнал Ведающего Разливами¹⁵⁷ в Обитель мрака. Но и этим не справился с Поднебесной.

Когда же пришло время царей трех династий, Поднебесную объял ужас. Появились презираемые: Разрывающий На Части и разбойник Чжи; появились почитаемые: Цзэнцзы и Хронист Ю, а еще появились конфуцианцы и моисты. И тогда стали подозревать друг друга и в радости и в гневе, обманывать друг друга и умные и глупые, порицать друг друга и добрые и недобрые, высмеивать друг друга и живые и правдивые, и Поднебесная стала приходить в упадок. В свойствах появились различия, в человеческой природе наступило гниение и разложение. В Поднебесной пристрастились к знаниям, и в поисках знаний весь народ дошел до крайности. И тут пустили в ход топоры и пилы, стали казнить по плотничьим отвесу и правилу, приговаривать с долотом и шилом, ввергли Поднебесную в страшную смуту, и преступления стали тревожить людские сердца. Поэтому-то достойные и скрылись под утесами великих гор, а государи, владевшие тьмой колесниц, дрожали от страха в храмах предков.

Ныне же обезглавленные лежат друг на друге, закованные в шейные и ножные колодки толкаются друг о друга, приговоренные ожидают своей очереди у плахи. А между за-

Глава 11

кованными в наручники и колодки стали появляться конфуцианцы и моисты, расхаживающие на цыпочках, размахивающие руками. О ужас! О позор! О бесстыдство! А нам и неизвестно было, что их мудрость, их знания служат наручникам и колодкам; их милосердие, их справедливость служат долоту и ошейнику¹⁵⁸. Как знать, не явились ли Цзэн-цзы и Хронист Ю гремучей змеей для Разрывающего На Части и разбойника Чжи? Поэтому-то и говорится: «Забудьте о мудрости, отбросьте знания, и Поднебесная обретет мир».

Уже девятнадцать лет стоял на престоле Желтый Предок как Сын Неба; его приказы выполнялись по всей Поднебесной. Однажды он услышал, что на вершине горы Единения Пустоты обитает Всеобъемлющий Совершенный¹⁵⁹, и отправился с ним повидаться.

— Я слышал, — сказал Желтый Предок, — что вы, мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, какова его сущность? Я стремлюсь воспользоваться сущностью неба и земли, чтобы помочь созреванию всех пяти злаков для прокормления народа. А еще я стремлюсь направить силы жара и холода на благо всего живого.

— То, о чем ты хочешь спросить, это — сущность вещей; а то, как ты хочешь управлять, это — пагуба для вещей, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — С тех пор, как ты правишь Поднебесной, дождь идет прежде, чем пары превратятся в облака; листья и травы опадают, не успев пожелтеть; лучи солнца и луны все более угасают. В серд-

Предоставить каждого самому себе

це твоим склонность к мелочам, точно у красной. Разве достоин ты беседы об истинном пути?

Желтый Предок удалился, сложил с себя управление Поднебесной, построил себе отдельную хижину с циновкой из белого пырея. Здесь он провел в праздности три луны, а затем снова навестил учителя.

Всеобъемлющий Совершенный лежал головой к югу. Полный покорности, Желтый Предок подполз к нему на коленях, дважды поклонился до земли и спросил:

— Я слышал, что вы, мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, как управлять самим собой, как добиться долголетия?

Всеобъемлющий Совершенный поспешно поднялся и ответил:

— Вопрос ты задал прекрасный! Подойди, я поведаю тебе об истинном пути.

Мельчайшее истинного пути глубоко и темно, величайшее истинного пути сумрачно и безмолвно. Не смотри, не слушай, покойся, храня свой разум, и тело само собой выправится. Будь покоен, чист, не утруждай свое тело, не тревожь свое семя и проживешь долго. Если глазам нечего будет видеть, ушам нечего слышать, сердцу нечего познавать, твоя душа сохранит твоё тело, и тело проживет долго. Чем больше будет у тебя знаний, тем скорее потерпишь поражение. Береги в себе внутреннее, замкнись от внешнего.

А тогда я с тобой поднимусь к великой ясности вплоть до истоков высшей силы жара; войду в ворота мрака, и мы до-

Глава 11

стигнем истоков высшей силы холода. Небо ведаёт своим, земля — своим; у жара и холода — свое вместилище. Береги и храни самого себя, а вещи созреют сами по себе. Я храню силы жара и холода в единстве, чтобы удержать их в гармонии, поэтому тысячу двести лет соблюдаю себя, а тело мое до сих пор не одряхлело.

Желтый Предок дважды поклонился до земли и попросил:

— Расскажите о природе, Всеобъемлющий Совершенный.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — Она в своих вещах неисчерпаема, а все люди думают, что она конечна. Она в своих вещах неизмерима, а все люди думают, что она предельна. Из тех, кто обрел мой путь, лучшие стали предками, а худшие — царями. Из тех, кто утратил мой путь, лучшие увидели свет, а худшие обратились к земле. Ведь все, что ныне процветает, родилось из земли и вернется в землю. Поэтому я покину тебя и пройду во врата бесконечности, чтобы странствовать в беспредельных просторах. Я сольюсь с лучами солнца и луны, соединюсь в вечности с небом и землей. Когда я уйду, даже далекие от меня опечалятся. Все люди умрут, и только я один буду существовать.

Поддерживаемый вихрем, Полководец Облаков¹⁶⁰ странствовал на востоке и встретился с Безначальным Хаосом. Безначальный Хаос прогуливался, подпрыгивая по птичьим и похлопывая себя по бедрам. Завидев его, Полководец Облаков в смущении остановился и почтительно спросил:

Предоставить каждого самому себе

— Кто вы, старец? Что, старец, делаете?

— Прогуливаюсь, — ответил ему Безначальный Хаос, продолжая похлопывать себя и прыгать.

— Я хочу задать вопрос, — сказал Полководец Облаков.

— Фу! — посмотрев на него, воскликнул Безначальный Хаос.

— В эфире неба нет гармонии, — начал Полководец Облаков, — в эфире земли застои, в шести явлениях природы нет согласия, в смене времен года нет порядка. Что мне делать, если я собираюсь ныне привести в гармонию сущность шести явлений, чтобы прокормить все живое?

— Не знаю, не знаю, — ответил Безграничный Хаос, похлопывая себя, прыгая и покачивая головой.

Полководец Облаков не решился снова спросить.

Прошло три года. Странствуя на Востоке, Полководец Облаков миновал равнину Владеющих Жилищем. Он снова заметил Безначального Хаоса, в большой радости поспешил к нему и заговорил:

— Вы не забыли меня, Равный Небу? Вы не забыли меня, Равный Небу? — дважды поклонился до земли и хотел было задать ему вопрос, как Безначальный Хаос произнес:

— Что я могу знать? Парю, не ведая зачем. Несусь, не ведая куда. Странствующий утруждается, чтобы наблюдать, как все идет своим путем.

— Я сам также считаю, что несусь, не ведая куда. Но народ следует за мной повсюду, и я с ним ничего не могу поде-

Глава 11

лать. Ныне же, подражая людям, хочу услышать от вас хоть одно слово.

И тут Безначальный Хаос заговорил:

— В том, что основа природы расшатывается, характер всех вещей извращается, изначальная природа остается незавершенной, стада разбегаются, птицы поют по ночам, засуха сжигает деревья и травы, беда настигает даже пресмыкающихся и насекомых, — вина тех, кто наводит порядки среди людей.

— Но что же мне делать? — спросил Полководец Облаков.

— Ах! Все это один вред! — воскликнул Безначальный Хаос, — возвращайся к себе потихонечку.

— С вами, Равный Небу, так трудно встретиться. Хотелось бы услышать хотя бы еще одно слово, — попросил Полководец Облаков.

— Ах! — ответил Безначальный Хаос. — Укрепляй свое сердце. Если только ты предашься недеянию, вещи будут сами собой развиваться. Оставь свое тело, свою форму, откажись от зрения, от слуха, забудь о людских порядках, о вещах, слейся в великом единении с самосущим эфиром. Освободи сердце и разум, стань покойным, будто неодушевленное тело, и тогда каждый из тьмы существ станет самим собой, каждый вернется к своему корню. Каждый вернется к своему корню неосознанно, смешиваясь в общем хаосе, и не оставит его до конца своей жизни. Если же осознают это, то его <корень> покинут. Не выпрашивай его названия, не

Предоставить каждого самому себе

выпытывай его свойств, и все вещи будут сами собой рождаться.

— Теперь я обрел то, что искал, — сказал Полководец Облаков. — Вы, Равный Небу, ниспослали мне свои свойства, просветили меня безмолвием, — он дважды поклонился до земли, попрощался и удалился.

Обычному человеку нравится, когда другие на него походят, и не нравится, когда другие от него отличаются. Любовь к себе подобным и нелюбовь к тем, кто отличается, происходят от желания выделиться из толпы. Но разве тот, кто стремится выделиться из толпы, действительно выдающийся? Для успокоения он следует за толпой, но его опыту далеко до того мастерства, которым обладает толпа. Желаящий стать правителем, собирает полезное у царей трех династий, но не замечает у них вредного. У такого судьба царства будет зависеть от случайности, и редко, лишь по счастливой случайности царство не погибает. Нет и одного шанса из десяти тысяч, что такое царство будет существовать. О гибели такого царства говорит то, что ни одно дело там не завершится, а десяток тысяч дел расстроится. Увы! Владеющие землями этого не ведают. Владеющему землями принадлежит огромная вещь. Владеющий огромной вещью не способен предоставить вещи самим вещам, а не владеющий вещь способен. Тот, кто понимает, как предоставлять вещи самим вещам, отвергает вещи. Разве он только управляет народом? Нет! Он вступает во все шесть стран света, выходит из них,

Глава 11

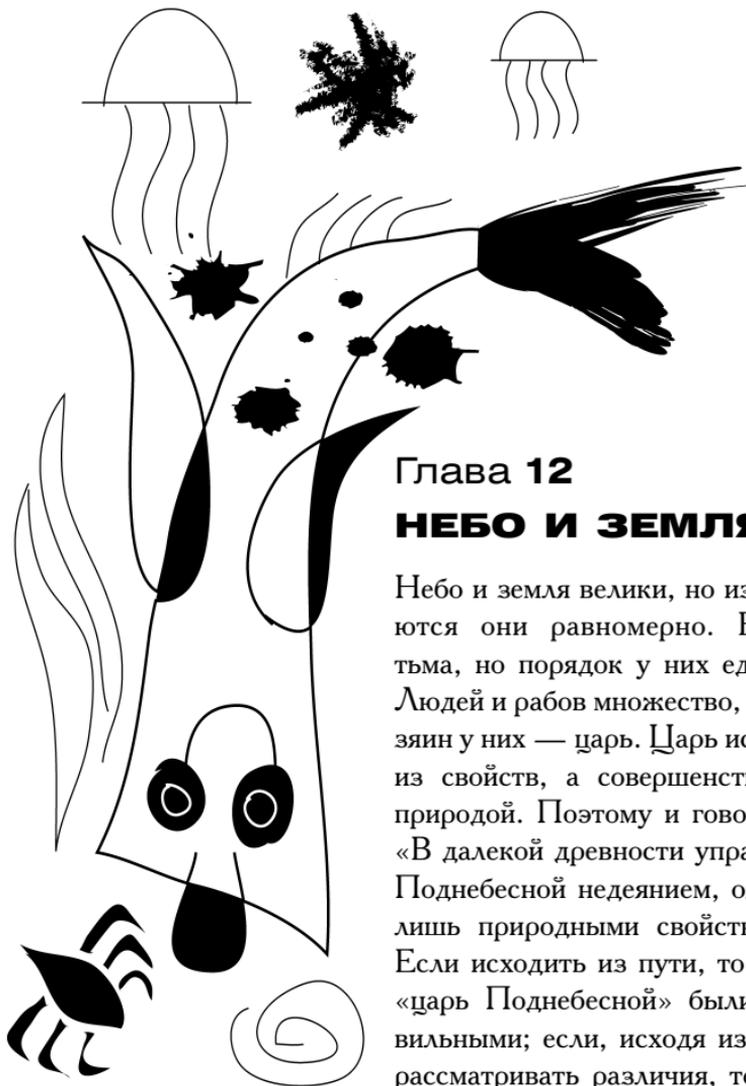
странствует по всем девяти областям земли. В одиночестве отправляется, в одиночестве возвращается. Такой и называется единственным. Единственного человека поэтому и считают воистину ценным.

Учение великого человека подобно тени, отбрасываемой телом, эху, откликающемуся на голос. На каждый вопрос он отвечает, исчерпывая все свое сердце, соединяясь в пару со всем в Поднебесной. В покое беззвучен, в движении не ограничен. Ведет каждого, как тому хочется, и возвращает каждого к самому себе. Странствует, не оставляя следов, приходит и уходит без отклонений, безначально, как солнце. Еще скажем, что телом слит с великим единством. В великом единстве лишен собственного «я». Разве может лишенный собственного «я» владеть существующим <бытием>? Наблюдающие за бытием — таковы благородные мужи древности; наблюдающий за небытием — таков друг природы.

Незначительны, а нельзя не сообразоваться с их природой — таковы вещи. Занимает низкое положение, а нельзя на него не опираться — таков народ. Скрыты, а нельзя их не вершить — таковы дела. Грубы, а нельзя их не излагать — таковы обычаи. Далека, а нельзя от нее отделиться — такова справедливость¹⁶¹. Близко, но нельзя его не расширить — таково милосердие. Ограничивают людей, но нельзя их не множить — таковы обряды. Держится середины, но заслуживает возвышения — такова добродетель. Един, но не способен не изменяться — таков путь. Священно, но не способно не действовать — таково Небо. Поэтому мудрецы со-

Предоставить каждого самому себе

зерцали Небо, но ему не помогали; совершенствовались в добродетелях, но их не отягощали; исходили из пути, но не вносили в него своих замыслов; соединялись с милосердием, но на него не полагались; следовали за справедливостью, но ее не множили; исполняли обряды и не уклонялись; принимали дела и не отказывались; подчинялись обычаям и не поднимали смуты; опирались на народ и им не пренебрегали; сообразовались с вещами и их не покидали. Вещи не достойны того, чтобы ими заниматься, но ими нельзя не заниматься. У тех, кто не понял Неба, нет чистоты добродетели. Те, кто не постиг пути, ни к чему не способны. Как жалок тот, кто не постиг пути! Что же такое путь? Есть путь Неба и есть путь человека. Бездеятельный и чтимый — таков путь Неба; деятельный и несущий тяготы — таков путь человека. Путь Неба — путь хозяина, путь человека — путь слуги. Нельзя не понять, как далеки они друг от друга.

Глава 12

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Небо и земля велики, но изменяются они равномерно. Вещей тьма, но порядок у них единый. Людей и рабов множество, но хозяин у них — царь. Царь исходит из свойств, а совершенствуется природой. Поэтому и говорится: «В далекой древности управляли Поднебесной недеянием, одними лишь природными свойствами». Если исходить из пути, то слова «царь Поднебесной» были правильными; если, исходя из пути, рассматривать различия, то долг царя и его помощников был ясен;

Небо и земля

если исходить из пути, то каждый ведал делом по способности; если исходить из пути, то все вокруг соответствовало всей тьме вещей. Ибо общее для неба и земли — это свойства, а то, что действует во тьме вещей, — это путь <материя>. Высший правит людьми, провозглашая установления; способный обучается мастерству. Мастерство соответствует установлениям, установления соответствуют долгу, долг соответствует свойствам, свойства соответствуют пути, путь соответствует природе. Поэтому и говорится: «Те, кто в древности пас всех в Поднебесной, не имели страстей, и в Поднебесной царило довольство. Они предавались надеянию, и вся тьма вещей развивалась¹⁶². Они хранили покой пучины, и народ сам по себе утверждался. Записи гласят¹⁶³: «Если пронизаны единством, вся тьма установлений сполна выполняется. Если отказаться от страсти к приобретению, покорятся даже души предков и боги».

Учитель сказал:

— Ведь путь поддерживает и покрывает всю тьму вещей. Как он безбрежно велик! С его помощью благородный¹⁶⁴ не может не очистить своего сердца. То, что действует надеянием, называется природой; то, что в речах обозначает надеяние, называется свойством; любовь к людям, полезное для вещей называется милосердием; уподобление различных вещей называется величием; поведение, не знающее границ и различий, называется великодушием; обладание тьмой различий называется богатством. Поэтому придерживаться свойств называется держаться основы; тот,

Глава 12

чьи свойства завершены, называется установившимся; тот, кто следует пути, называется обладающим полнотой; тот, кто не меняет свою волю из-за вещей, называется совершенным. Как велик благородный, который постиг эти десять положений и объе́млет все дела и мысли! Как вода в низину, к нему стекается вся тьма вещей. Такой человек оставляет золото скрытым в горах, а жемчуг — в глубинах; не обогащается ни товарами, ни имуществом; чуждается благородства и богатства; не радуется долголетию, не печалится ранней смерти; не прославляет благоденствия, не стыдится злополучия; не присваивает себе благ современников; не ищет для себя славы в управлении Поднебесной. Слава в том, чтобы постичь, что у всей тьмы вещей одно хранилище, что жизнь и смерть — одинаковые формы.

Учитель сказал:

— О путь! Как он глубок! Как прозрачна его чистота! Без него не запоют ни металл, ни камень. Металл и камень способны звучать, но не тронешь их, не запоют. Так кто же способен определить свойства всей тьмы вещей?

Человек, обладающий царственными свойствами, ведет себя просто и стыдится заниматься делами; утвердившийся в корнях и истоках, он постигает сокровенное. Поэтому его свойства всеобъемлющи, а исходящее из его сердца воспринимается всей тьмой вещей. Ибо без пути формы не рождаются, без свойств жизнь не проявляется. Не обладает ли царственными свойствами тот, кто бережет тело, исчерпыва-

Небо и земля

ет до конца жизнь, утверждает свойства, постигает путь? Тот, кто необъятен, появляется внезапно, движется неудержимо; за кем следует вся тьма вещей, тот называется обладающим царственными свойствами. Тот, кто смотрит на изначальный мрак, слушает безмолвное, один видит рассвет в изначальном мраке, один различает гармонию в безмолвии. Поэтому, проникая все глубже и глубже, он способен понимать появление вещи; размышляя над сокровеннейшим, он способен постичь мельчайшие семена. Поэтому, общаясь со всей тьмой вещей, он дает каждому искомое и достигает небытия. Всегда спешит уйти, но возвращается к себе. Великое для него — мало, длинное — коротко, далекое — близко.

Прогуливаясь к северу от Красных вод, Желтый Предок поднялся на вершину горы Союз Старших Братьев, а возвращаясь, загляделся на юг и потерял свою Черную Жемчужину¹⁶⁵. Он послал Знание¹⁶⁶ отыскать ее, но оно не нашло; послал Видящего Паутину Издали, и тот не нашел; послал Спорщика, и тот не нашел; послал Подобного Небытию, и Подобный Небытию ее отыскал.

— Как странно, — воскликнул Желтый Предок, — что отыскать ее сумел именно Подобный Небытию!

Учителя Высочайшего звали Никого Не Стесняющим, учителя Никого Не Стесняющего звали Беззубым, учителя Беззубого звали Наставником Юных, учителя Наставника Юных звали В Тростниковом Плаще.

Глава 12

Высочайший спросил у Никого Не Стесняющего:

— Можно ли Беззубого облечь властью Равного Небу?¹⁶⁷ Я попрошу его через Наставника Юных.

— Как это опасно! Поднебесной будет грозить беда!— ответил Никого Не Стесняющий. — Ведь Беззубый превосходит всех остальных. Он человек прозорливый, с острым зрением и тонким слухом, скорый на ответ. Но при этом хочет обрести природное <естественное> с помощью человеческого <искусственного>; размышляет, как искоренить преступления, а не знает, отчего происходят преступления. Как такого облечь властью Равного Небу! Ведь он станет применять человеческое, а не природное. Притом он основывается на самом себе и отвергает других; притом чтит знания и применяет их быстро, как огонь; притом он раб мелочей; притом связывает себя вещами; притом, оглядываясь по сторонам, ожидает подтверждения от других; притом соглашается с требованием каждого из толпы; притом изменяется вместе с вещами и никогда не бывает постоянным. Разве достоин он власти Равного Небу? И все же, ведь у него есть предки, есть род, его можно сделать отцом рода, но нельзя сделать отцом отцов всех. Он возглавит смуту. Поставь его лицом к северу¹⁶⁸ — навлечет беду, лицом к югу — породит разбой.

Высочайший любовался царством Цветущим¹⁶⁹, и Страж Границы Цветущего сказал:

Небо и земля

— Ах, мудрый человек! Разреши мне, мудрый человек, пожелать тебе долгой жизни!

— Отказываюсь! — ответил Высочайший.

— Пожелаю тебе, мудрому человеку, богатства!

— Отказываюсь!

— Пожелаю тебе, мудрому человеку, много сыновей!

— Отказываюсь!

— Долголетия, богатства, многих сыновей жаждет каждый. Почему же только ты один не жаждешь? — спросил Страж.

— Много сыновей — много тревог, — ответил Высочайший. — От богатства много хлопот, а от старости — поношение. С помощью этих трех благ не взрастить добродетели, поэтому и отказываюсь.

— Сначала я принял тебя за мудрого человека, — сказал Страж, — а теперь вижу, ты благородный муж. Природа породила тьму людей, им необходимо дать занятие. Если иметь много сыновей и каждому дать занятие, откуда возьмутся тревоги? Если имеешь богатство, пусть люди его поделят, какие же будут хлопоты? Ведь мудрый человек живет, точно перепел, питается, словно птенец, передвигается подобно птице, не оставляя следов <славы>. Когда в Поднебесной царит путь, мудрый процветает вместе со всеми вещами; когда в Поднебесной нет пути, мудрый в праздности укрепляет добродетель. Если за тысячу лет ему жить надоест, он улетает к бессмертным, оседлав белое облако. Туда, в обитель предков, нет доступа трем бедам. Но если телу ничто

Глава 12

не причинит вреда, откуда же возьмется поношение?—
И Страж пошел прочь.

— Дозвольте спросить...— начал, следуя за ним, Высочайший.

— Изыди!— ответил ему Страж.

Когда Высочайший правил Поднебесной, он поставил Высокосовершенного¹⁷⁰ правителем одного из царств.

Высочайший передал власть Ограждающему, Ограждающий передал Молодому Дракону, и тогда Высокосовершенный отказался быть правителем и стал пахать. Молодой Дракон отправился с ним повидаться и застал его на поле, обрабатывающим землю. Подойдя, Молодой Дракон занял место пониже и спросил:

— некогда Высочайший правил Поднебесной и поставил вас, мой учитель, правителем. Дозвольте спросить, по какой причине вы, мой учитель, отказались быть правителем и стали обрабатывать землю, когда Высочайший передал власть Ограждающему, а Ограждающий — мне?

— некогда, правя Поднебесной, Высочайший не награждал, а в народе друг друга поощряли; не наказывал, а в народе остерегались. Ныне ты награждаешь и наказываешь, и народ утратил человечность. С той поры пришла в упадок добродетель, с той поры распространились наказания¹⁷¹. С той поры пошла смута последующих поколений. Уходи! Не мешай мне работать! — Высокосовершенный принялся усиленно пахать и более не оглядывался.

Небо и земля

В первоначале¹⁷² было небытие, не было бытия, не было и названий. При появлении одного, у одного еще отсутствовала форма. Обретя одно, вещь рождается, и это называется свойством. Когда в еще неоформившемся появляется разделение, но без отделения, это называется жизнью. Начинается движение, и рождается вещь; когда вещь завершена, рождается и естественный ее закон, называется это формой. Форма — это тело, хранящее дыхание, разум, душу. У каждой вещи свой внешний вид, свое положение, и это называется природой характером. Природа, достигнув совершенства, возвращается к свойствам, свойства в высшем пределе становятся тождественными первоначалу, тождественные первоначалу становятся пустыми, а пустые — великими. Это как бы хор, поющий без слов, сомкнув губы. Объединяясь в таком хоре, сливаются с небом и землей. Их единение смутное, то ли глупое, то ли неосознанное, но это называется изначальным свойством, тождественным великому согласию с путем.

Конфуций спросил Лао-цзы¹⁷³:

— Можно ли назвать мудрым человека, который овладевает путем, будто подражая сильному: делая невозможное возможным, неистинное истинным; или софиста, который говорит, что отделить твердое и белое ему так же легко, как различить светила на небе?

— Это суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь уменье собаки загнать

Глава 12

яка, ловкость обезьяны исходят из гор и лесов,— ответил Лао-цзы. — Я скажу тебе, Цю, о том, чего нельзя услышать, о чем нельзя рассказать. У многих есть голова и ноги, но нет ни сердца, ни слуха; но нет таких, кто, имея тело, существовал бы вместе с не имеющим ни тела, ни формы. Причины движения и покоя, смерти и рождения, уничтожения и появления не в самих людях, но некоторые из причин управляются людьми. Того же, кто забывает обо всех вещах, забывает о природе, уподоблю забывшему самого себя. Только забывшего о самом себе и назову слившимся с природой.

Цзянлюй Уговаривающий¹⁷⁴ увиделся с Цзы Уразумевшим и сказал:

— Луский правитель просил меня, Уговаривающего, разрешить ему воспринять от меня учение. Я отказывался, но безуспешно. Поведал ему, но не знаю, попал ли в цель. Разрешите попытаться представить вас царю. Я же сказал лусскому царю: «Необходимо покорять почтительных и бережливых, выдвигать преданных общему и верных царю, не льстивых и не корыстных. И тогда никто в народе не посмеет нарушать согласие».

Цзи Уразумевший рассмеялся и ответил:

— Вам, учитель, речами о добродетелях предков и прежних царей не справиться с задачей так же, как кузнечнику-богомолу, что в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке. Ведь таким образом царь сам только подвергся бы

Небо и земля

опасности: у него в башне много сокровищ; куда бы он ни отправился, по его следам бросается толпа.

Цзянлюй Уговаривающий задрожал от страха и сказал:

— Мне, Уговаривающему, неясны ваши слова, учитель. И все же хочу, чтобы вы, Преждерожденный, рассказали мне об этом главное.

Цзи Уразумевший ответил:

— Великий мудрец, правя Поднебесной, воодушевляет сердца людей, чтобы они завершали обучение, улучшали обычаи, отказывались от разбойничьих страстей. Он ведет всех своей единой волей, но происходит это подобно самодвижению природного характера каждого, и причину этого народ не сознает¹⁷⁵. Разве такой человек, беспредельный и необъятный, в обучении народа может считаться младшим братом Высочайшего и Ограждающего, а не старшим их братом? Он стремится к тождеству с изначальными свойствами и к покою сердца.

Странствуя, Цзыгун дошел на юге до царства Чу и возвращался в Цзинь. Проходя севернее реки Хань, заметил Огородника, который копал канавки для грядок и поливал их, лазая в колодезь с большим глиняным кувшином. Хлопотал, расходуя много сил, а достигал малого. Цзыгун сказал:

— Ведь здесь есть машина, которая за один день поливает сотню грядок. Сил расходуется мало, а достигается многое. Не пожелает ли учитель ее испытать?

— Какая она? — подняв голову, спросил Огородник.

Глава 12

— Выдалбливают ее из деревянных досок, заднюю часть — потяжелее, переднюю — полегче. Она несет воду, точно накачивая, будто кипящий суп. Называется водочерпалкой.

Огородник от гнева изменился в лице и, усмехнувшись, ответил:

— Я не применяю ее не оттого, что не знаю, я стыжусь ее применять. От своего учителя я слышал: «У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. Тот, у кого в груди механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердится в жизни разума. Того, кто не утвердился в жизни разума, не станет поддерживать путь».

Стыдясь и раскаиваясь, Цзыгун опустил голову и промолчал.

Через некоторое время Огородник спросил:

— Кто ты?

— Ученик Конфуция, — ответил Цзыгун.

— Не из тех ли многознающих, что подражают мудрым, чтобы в самодовольстве всех превзойти? Не из тех ли, что бренчат в одиночестве на струнах и печально поют, чтобы купить себе славу на всю Поднебесную? Если бы ты забыл о своей священной душе и отказался от своей плоти, быть может, приблизился бы к пути. Но неспособный управлять собственным телом, как сумеешь ты навести порядок в Поднебесной? Уходи! Не мешай мне работать! — сказал Огородник.

Небо и земля

Устыдившись, Цзыгун побледнел и, точно потерянный, не мог овладеть собой. Лишь пройдя тридцать ли, пришел в себя.

— Что это был за человек? — спросили его ученики. — Почему при встрече с ним вы, учитель, изменились в лице, побледнели и целый день не могли прийти в себя?

— Раньше я считал, что в Поднебесной есть лишь один человек <Конфуций>, не знал, что есть еще и другой, — ответил Цзыгун. — Я слышал от учителя о пути мудрецов: это стремление осуществлять дела, приобретать заслуги, добиваться больших успехов малыми силами. У нынешнего же учителя иначе. У того, кто владеет учением, целостные свойства. При целостных свойствах — целостное тело. При целостном теле — целостен разум. В целостном же разуме и заключается путь мудрого. Вверяясь жизни, он действует вместе с народом, но куда идет — неведомо. Неизмерима и совершенна его простота! Учитель сердцем предал забвению заслуги и корысть, ловкость и хитрость. Такой человек не пойдет против своей воли, не поступит против своего желания. Обретая то, о чем говорит, гордый, он даже не оглянется, хотя бы все в Поднебесной его прославляли. Утратив то, о чем говорит, он даже не обратит внимания, хотя бы все в Поднебесной его порицали. Хвала или хула всех в Поднебесной ничего ему не прибавит, ничего у него не отнимет. Вот кто называется человеком с целостными свойствами. Я же причислю себя к тем, которых несет ветром по волнам.

Глава 12

Вернувшись в Лу, Цзыгун поведал обо всем Конфуцию, который сказал:

— Тот прикидывается, будто совершенствуется в учении рода Хаоса. Постигает из него лишь одно, но не понимает другого; управляет внутренним, но не управляет внешним. Ты, конечно, удивился тому, что он познал, как уйти в чистоту, в недеяние, вернуться к простоте, как хранить разум в телесной природе, странствуя среди мирского, обычного. Но разве достойно учение рода Хаоса¹⁷⁶, чтобы я и ты его познавали!

Изначальный Туман¹⁷⁷ отправился на восток к Великой пучине и на берегу Восточного моря повстречался с Легким Ветерком. Легкий Ветерок спросил:

— Куда вы направляетесь?

— К великому океану.

— Зачем же?

— Хочу там побродить. Ведь великий океан — это то, что не наполняется, сколько бы в него ни вливалось, и не иссякает, сколько бы из него ни выливалось.

— Нет ли у вас, учитель, мыслей о народе с глазами впереди?¹⁷⁸ Хотелось бы услышать о мудром правлении.

— При мудром правлении, — ответил Изначальный Туман, — начальники в раздачах не упускают необходимого каждому, выдвигают людей, не упуская способностей каждого; видят все дела в целом и творят должное. Дела сами собой совершаются, слова сами собой произносятся, и Под-

Небо и земля

небесная развивается. Один взгляд, взмах руки — и со всех четырех сторон народ прибывает. Вот это и называется мудрым правлением.

— Хотелось бы услышать о добродетельном человеке.

— Человек, обладающий изначальными свойствами, в покое не знает тоски, в действиях не знает опасений. Он не следует учению об истине и лжи, о красоте и безобразии. Когда все среди четырех морей наслаждаются общими благами — считает это своей радостью; получают общие дары — считает это своим покоем. Без него народ огорчается, как младенец, потерявший мать; отчаивается, как пешеход, сбившийся с дороги. Вещей у всех в изобилии, а откуда, неведомо; еды и питья вдоволь, а от кого, неизвестно. Таков облик человека, которого называют обладающим изначальными свойствами.

— Хотелось бы услышать о человеке, обладающем разумом.

— Человек, обладающий высшим разумом, — ответил Изначальный Туман, — седлает луч¹⁷⁹ и исчезает вместе со своим телом. Это называется — осветить безбрежное. Достигает предела жизни, исчерпывая до конца природу. Утратив тяготы всей тьмы дел, наслаждается радостью неба и земли, и вся тьма вещей возвращается к сущности. Это и называется слиться с изначальным эфиром.

Мын Отрицающий Душу¹⁸⁰ и Чичжан Полный Размышлений наблюдали за войском царя Воинственного¹⁸¹, и Чичжан Полный Размышлений сказал:

Глава 12

— Воинственному далеко до Ограждающего из рода Владеющих Тигром, который избежал подобной беды.

— Разве Ограждающий наводил порядок после смуты? Ведь он стал править, когда в Поднебесной царил порядок, — заметил Мын Отрицающий Душу.

— Все хотят, чтобы в Поднебесной царил порядок, — сказал Чичжан Полный Размышлений и спросил:

— Но по какой причине это доверили Ограждающему из рода Владеющих Тигром?

— Ограждающий из рода Владеющих Тигром врачевал болячки на голове, — ответил Мын Отрицающий Душу. — Почтительный сын пользовался снадобьями, чтобы укрепить здоровье милостивого отца, и тот совершенно исхудал. Мудрый человек этого бы постыдился. Во времена настоящего порядка добродетельных не превозносили, способными не распоряжались. Высшие походили на верхушку дерева, а народ — на вольного оленя. Люди были прямыми и честными и не ведали, что это справедливость; любили друг друга и не ведали, что это милосердие; были искренними и не знали, что это верность; делали то, что следует, и не ведали, что это доверие; работали и помогали друг другу и не ведали, что это благодеяние. Поэтому-то они ходили, не оставляя следов, вершили дела, но не рассказывали о них преданий¹⁸².

Почтительный сын, который не льстит своим родителям, верный слуга, который не льстит своему государю, — так вы совершенные слуга и сын. Того, кто поддакивает каждому слову родителей, одобряет каждый их поступок, в народе

Небо и земля

зовут негодным сыном. Того, кто поддакивает каждому слову государя, одобряет каждый его поступок, в народе зовут негодным слугой. И все же не знают, что такова необходимость. Ведь не зовут льстецом того, кто одобряет как истину все, сказанное в народе, считает хорошим все, названное в народе! Значит ли это, что к народу относятся с большим почтением, чем к родителям, с большим уважением, чем к государю? Стоит назвать кого-либо угодником, и сразу же бросят гневный взгляд; стоит назвать кого-либо льстецом, и сразу же бросят недовольный взгляд, а между тем на всю жизнь остаются угодниками, на всю жизнь остаются льстецами. Нанизывая сравнения, разукрашивая речи, собираются толпы слушателей, и никто их ни вначале, ни в конце, ни главных, ни второстепенных не предаст всех вместе суду. В длинных разноцветных халатах принимают различные позы, чтобы пленить своих современников, но не называют себя угодниками и льстецами. Становясь учениками, вслед за наставником твердят об истинном и ложном, но не считают себя людьми дюжинными. Таково круглое невежество. Тот, кто понимает свое невежество, уже не совсем невежда; тот, кто понимает свое заблуждение, уже не заблуждается столь глубоко. От глубокого заблуждения не освободиться всю жизнь; круглому невежде не измениться до смерти. Когда один из троих потерял дорогу, они еще могут прийти к цели, ибо заблудившихся меньшинство. Когда же двое из них потеряли дорогу, путь их не приведет к цели, ибо победят заблудившиеся. Ныне же заблудились все в Поднебесной. Я и вызы-

Глава 12

ваю, но не могу обрести отклика. Как это печально! Возвышенный голос не трогает слуха односельчан. Заслыша «Ломаем тополь», «Яркие цветы»¹⁸³, они хохочут. По этой-то причине высокие речи не задерживаются в сердцах дюжинных людей. Когда же не звучат слова истины, верх берут пошлые речи. Удары по паре глиняных горшков заглушат колокол, и не достигнешь цели. Ныне же оглушены все в Поднебесной. Я взываю, но не могу обрести отклика. Наставать, зная, что не обретешь отклика, еще одно заблуждение. Поэтому лучше их оставить и не продолжать поисков. Перестану искать, — кто же разделит со мной печаль?

У Прокаженного в полночь родился сын. Он поспешил взять огня и стал пристально всматриваться, боясь лишь, чтобы сын не оказался на него похожим.

От столетнего дерева отрубили часть ствола, сделали жертвенный сосуд и украсили его черным и желтым орнаментом. Обрубок же бросили в канаву. Сравним жертвенный сосуд с обрубком в канаве и увидим, сколь различны красота и уродство. Но и сосуд и обрубок равно утратили свою природу. По-разному осуществляют справедливость разбойник Чжи и Цзэн-цзы с Хронистом Ю, однако все трое в равной мере утратили свою природу. Ведь для утраты своей природы существует пять возможностей. Первая — пять красок, которые расстраивают зрение, лишают глаза зоркости; вторая — пять тонов, которые расстраивают слух, его притупляют; тре-

Небо и земля

тья — пять запахов, от которых ослабляется обоняние и закладывает нос; четвертая — пять пряностей, от которых теряются и извращаются вкусовые ощущения; пятая — смущающие сердца пристрастие и неприязнь, от которых изначальная природа разлетается, словно пыль. Все эти пять возможностей — враги жизни. А тут еще начали отделяться Ян Чжу и Мо Ди, считая, что именно они обрели истину. Я же не называю это обретением истины. Разве можно назвать обретшим истину того, кто бедствует? Ведь тогда Сова или Голубка, очутившись в клетке, также могут считать это обретением? Тем более что пристрастие и неприязнь, звуки и краски служат им, чтобы отгородиться от внутреннего; а кожаная шапка с перьями зимородка, памятная дщица и широкий пояс¹⁸⁴ ограничивают их во внешнем. Внутреннее отгорожено клеткой, а внешнее — рядами шнуров. Для тех, кто красуется в шнурах, да еще считает это обретением истины, это такое же обретение, как для преступника — веревки на руках и тиски, сжимающие пальцы; а для тигров и барсов — мешки и загоны.

Глава 13

ПУТЬ ПРИРОДЫ

В пути природы все движется, ничто не застаивается, поэтому и возникает вся тьма вещей. В пути предков все движется, ничто не застаивается, поэтому к ним и обращаются все в Поднебесной. В пути мудрых все движется, ничто не застаивается, поэтому все среди морей им покоряются. Кто познал природу, постиг мудрость, все шесть явлений и четыре времени года, свойства предков и древних царей, тот предоставляет все самодвижению и, не проявляясь, всегда сохраняет покой.

Путь природы

Покой мудрого не означает, что покой — это добро, и оттого он покоен. Вся тьма вещей не заслуживает того, чтобы из-за нее тревожить сердце, поэтому он и покоен. Когда вода в покое, в ней виден ясно каждый волосок бороды, бровей. Ее уровень точен, и большой мастер берет его за образец. Если в покое вода чистая, то тем более чист разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало всей тьмы вещей¹⁸⁵. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — это уровень неба и земли, высшее в природных свойствах. Поэтому предки, древние цари и мудрые мужи оставляли деятельность. Оставив деятельность, очистившись до пустоты, наполнялись сущностью, а сущностью и определяли людские порядки. Пустота влечет за собой покой, покой — движение, движение — восприятие. Покой влечет за собой недеяние, недеяние — ответственность за свое дело. Недеяние влечет за собой удовлетворение, удовлетворение не оставляет места ни горю, ни печали, а дает долголетие. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — основа всей тьмы вещей. Те, кто понял это, становились лицом к югу — и государем стал Высочайший; те, кто понял это, становились лицом к северу — и советником стал Ограждающий. Встать с помощью основы над всеми — таково достоинство предка, древнего царя, Сына Неба. Остаться с ее помощью внизу — таков путь скрывающегося мудрого, не коронованного царя. Уединиться с ее помощью¹⁸⁶ и уйти странствовать — таков путь мужей на реках и

Глава 13

морях, в горах и лесах. Тот, кто с ее помощью действует и успокаивает современников, приобретает великие заслуги, славное имя и объединяет Поднебесную. В покое становятся мудрецом, в движении — царем. Того, кто не действует, почитают; с тем, кто безыскусствен и прост, не сможет состязаться в красоте никто в Поднебесной. Ведь того, кто постиг свойства неба и земли, называем великим основателем, великим родоначальником. Он един с природой, а поэтому приводит к гармонии Поднебесную, он един с людьми. Быть в единстве с людьми — это наслаждение человеческое, быть в единстве с природой — это наслаждение естественное.

Чжуан-цзы сказал;

— О, мой учитель! О, мой учитель! Крошишь всю тьму вещей, а не жесток; возвращаешь тьму поколений, а не милосерден. Ты старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не тленен. Это и называется естественным наслаждением. Поэтому и говорится: «Для того, кто познал естественное наслаждение, жизнь — проявление природы, смерть — изменение вещи». В покое у него те же свойства, что у силы холода; в движении у него такие же волны, как у силы жара¹⁸⁷. Поэтому для того, кто познал естественное наслаждение, нет ни гнева небес, ни людского порицания, ни бремени вещей, ни кары душ предков. Поэтому и говорится: «В его движении — небо, в его покое — земля. Сердцем в едином утвердился и царствует в Поднебесной, души предков ему не вредят, его не утомляют».

Путь природы

Сердцем в едином утвердится, и ему покорится вся тьма вещей. Если слова исходят из пустоты и покоя, достигают неба и земли, проникают во всю тьму вещей, это называется естественным наслаждением. Естественное наслаждение — это стремление мудрого, который пасет всех в Поднебесной.

Родоначальники свойств предков и древних царей — это небо и земля; хозяева их — свойства пути, постоянное в них — недеяние. При недеянии брали у Поднебесной и оставался избыток, при деянии давали Поднебесной и все не хватало. Поэтому-то древние и ценили недеяние. Если высшие держались недеяния и низшие держались недеяния, то низшие приобретали те же свойства, что и высшие. Когда низшие приобретали те же свойства, что и высшие, не оставалось слуг¹⁸⁸. Если низшие держались деяния и высшие держались деяния, то высшие обретали тот же путь, что и низшие. Когда высшие обретали тот же путь, что и низшие, не оставалось хозяина. Высшим необходимо недеяние, и они берут у Поднебесной; низшим необходимо деяние и они дают Поднебесной — таков неизменный путь. Поэтому древние, царствуя в Поднебесной, не заботились ни о чем, хотя и охватывали своими знаниями небо и землю; не говорили, хотя своим красноречием могли вылепить всю тьму вещей; не действовали, хотя были способны совершить все среди морей. Небо не рождает, а вся тьма вещей сама развивается; земля не вырашивает, а вся тьма вещей сама вскармливается. Предки и древние цари держались недеяния, а все в Поднебесной завершалось. Поэтому и говорится: «Нет ничего священнее

Глава 13

неба, нет ничего богаче земли, нет ничего величественнее предков и древних царей». Поэтому и говорится: «Предки и древние цари в свойствах равны небу и земле». Таково учение о том, как оседлать небо и землю, как погонять всю тьму вещей и применять массу людей.

Корень в высшем, верхушка в низшем; основное за хозяином, подробности за слугой. В движении трех армий и воинов пяти родов оружия¹⁸⁹ — верхушки свойств. В наградах и карах, выгоде и ущербе, в приговоре к пяти наказаниям — верхушки обучения. В обрядах и законах, мерах и числах, телах и названиях, изучении и сравнении — верхушки управления. В звуках колокола и барабана, в красоте перьев и бычьих хвостов — верхушки радости. В плаче и причитаниях, траурных одеждах, пышных или скудных — верхушка горя. Таковы все пять верхушек, но чтобы за ними следовали, необходимо движение разума, необходимо движение сердца. Учение о верхушках было у древних, но его вовсе не ставили на первое место. Благородный муж начинает, слуга за ним следует; отец начинает, сын за ним следует; старший брат начинает, младший — следует; старшие начинают, а младшие — следуют; мужчины начинают, а женщины — следуют; муж начинает, а жена — следует. Ведь в том, что впереди шествуют более почитаемые, а за ними — менее почитаемые, — порядок неба и земли. Поэтому мудрые ему и подражали. Священное и мудрое в том, что небо наверху, а земля внизу: порядок четырех времен года в том, что весна и лето сначала, а за ними осень и зима; развитие в том, что

Путь природы

вся тьма вещей изменяется, приобретает форму, зарождаюсь и отделяясь, и умирает, отцветая и увядая. Если у самых священных — неба и земли — есть порядок высшего и низшего, первого и второго, то тем более он должен быть в пути людском. Порядок великого людского пути таков; в родовом храме почитают предков, при дворе — высших, в общине — старейших, в делах — добродетельных. Говорить о пути и отрицать его порядки — означает отрицать сам путь. Если отрицать путь, как же можно им пользоваться? По этой причине в древности те, кто постиг великий путь, начинали постижение с природы неба, а затем переходили к природным свойствам: от природных свойств переходили к милосердию и справедливости; от милосердия и справедливости — к разделению по рангам и обязанностям; от разделения по рангам и обязанностям — к телам и названиям; от тел и названий — к назначению на должности по способностям; от назначения по способностям — к наблюдению и расследованию; от наблюдения и расследования — к одобрению и порицанию; от одобрения и порицания — к наградам и наказаниям; постигнув награды и наказания, отвели должное место умным и глупым, утвердили положение благородных и презренных. Милосердные, добродетельные и неумелые по своей сущности строго делились по способностям, строго отвечали названию. Так вот служили высшим, так вот пасли низших, так вот управляли вещами, так вот совершенствовали самих себя. Не прибегая ни к знаниям, ни к замыслам, не-

Глава 13

пременно обращались к природе. Это и называлось поистине мирным правлением.

В древних преданиях говорится: «есть тела, есть и названия». Тела и названия¹⁹⁰ были еще у древних, но их не ставили на первое место. Когда древние рассуждали о великом пути, то могли упомянуть о телах и названиях в числе пяти изменений, могли упомянуть и о наградах и наказаниях в числе девяти изменений. На первое место ставит тела и названия тот, кто не знает их основы; на первое место ставит награды и наказания тот, кто не знает, где их начало. Рассуждают, извращая путь, разглагольствуют, противореча пути, — такие могут лишь управляться людьми, но разве способны управлять людьми? Те, кто на первое место ставит тела и названия, награды и наказания, познали орудия управления, но им неведом путь управления. Они могут быть использованы Поднебесной, но недостойны использовать Поднебесную. Таких называют софистами и педантами. У древних были обычаи и законы, меры и числа, тела и названия, изучение и сравнение. С их помощью низшие служили высшим, но не высшие пасли низших.

В старину Ограждающий спросил Высочайшего:

— Какие старания прилагаешь ты, небесный государь?

— Я не кичусь перед беспомощными, не бросаю бедных, — ответил Высочайший. — Оплакиваю умерших, радуюсь новорожденным, жалею женщин. Вот так и стараюсь.

Путь природы

— Прекрасно-то прекрасно, — сказал Ограждающий. — Но не величественно.

— А как нужно? — спросил Высочайший.

— Как покой, который приносят небесные свойства. С таким же постоянством, с которым светят солнце и луна, сменяют друг друга времена года, день и ночь, с которым движение облаков дает дождь.

— Сколько беспокойства! Сколько тревоги! — воскликнул Высочайший. — Ты в единстве с Небом, я же в единстве с людьми.

Ведь древние почитали великими небо и землю, восхищались Желтым Предком, Высочайшим и Ограждающим. Но разве в древности царившие в Поднебесной действовали? Следовали за небом и землей и только.

Конфуций отправился на запад, чтобы спрятать книги¹⁹¹ в чжоуском хранилище, а Цзылу ему сказал:

— Я, Ю, слышал, среди летописцев в Чжоу был Лао-цзы, но он отказался от должности и вернулся к себе домой. Не отправиться ли к нему за помощью, если вы, учитель, хотите спрятать книги?

— Прекрасно, — сказал Конфуций и отправился к Лао-цзы, но тот отказался помочь, и Конфуций стал его убеждать, излагая все двенадцать основ¹⁹².

— Слишком пространно, — прервал его Лао-цзы и сказал: — хочу услышать самое важное.

Глава 13

— Самое важное — это милосердие и справедливость, — ответил Конфуций.

— Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого? — спросил Лао-цзы.

— Хорошо, — ответил Конфуций. — Без милосердия нельзя стать благородным мужем; без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем. Милосердие и справедливость — таков характер истинного человека. Как же может быть иначе?

— Разрешите спросить, — сказал Лао-цзы, — что вы называете милосердием и справедливостью?

— От души радоваться вместе со всеми вещами, любить всех без пристрастия. Таковы чувства милосердия и справедливости, — ответил Конфуций.

— О! Почти как в речах последышей. Любовь ко всем разве не нелепость? Беспристрастие — разве это не пристрастие? — сказал Лао-цзы. — Если вы, учитель, не хотите, чтобы Поднебесная лишилась своих пастырей, вы должны желать ей постоянства такого же, как у неба и земли. Ведь, конечно, будет светить солнце и луна, будет свой порядок у звезд и планет, будут стаи птиц и стада зверей, и деревья будут расти вверх. Если бы вы, учитель, действовали, подражая их свойствам, следовали их путем, то уже достигли бы истинного. К чему же столь рьяно вещать о милосердии и справедливости, точно с барабанным боем отыскивать потерянного сына? Ах, вы, учитель, вносите смуту в характер человека!

Путь природы

Муж по прозвищу Филигранщик¹⁹³ увиделся с Лао-цзы и спросил:

— Я слышал, что вы, учитель, мудрый человек, и поэтому пришел с вами повидаться. Меня не удержала и дальняя дорога. Прошел мимо сотни постоянных дворов, ноги покрылись мозолями, но не смел остановиться. Ныне же я увидел, что вы не мудрец: у мышиных нор остатки риса, бросать его как попало — не милосердно. У вас полно и сырого и вареного, а вы собираете и накапливаете без предела.

Лао-цзы с безразличным видом промолчал. На другой день Филигранщик снова увиделся с Лао-цзы и сказал:

— Вчера я над вами насмеялся. Почему же сегодня мое сердце искренне от этого отказывается?

— Я сам считал, что избавился от тех, кто ловко узнает пронизательных и мудрых, — ответил Лао-цзы. — Если бы вчера вы назвали меня Волком, и я назвался бы Волком; назвали бы меня Конем, и я назвался бы Конем. Если, встретив какую-то сущность, кто-то дает ей название, то, не приняв названия, примешь от такого беду. Я покорился не оттого, что был покорен, а покорился, не изменившись.

Филигранщик пошел бочком, избегая его тени, вошел прямо в дом, не сняв обуви, и спросил:

— Как же мне совершенствоваться?

— Ведешь себя высокомерно, смотришь дерзко, — сказал Лао-цзы. — Лоб у тебя высокий и простой, а рычишь, словно тигр, вид неестественный. Стоишь, будто конь на привязи, умчался бы, а насильно себя удерживаешь. Ки-

Глава 13

нешься — так стрелой, разбираешься — так в мелочах, познал все хитрости, а смотришь безмятежно. Никто не найдет тебя достойным доверия. На окраинах бывают такие, и имя им — воры.

Учитель¹⁹⁴ сказал:

— Путь в огромном не исчерпывается, в мельчайшем не отсутствует. Поэтому-то он представлен полностью во всей тьме вещей. Обширный-обширный, он все в себе объемлет. Глубокий, он неизмерим. Тела же, их свойства, милосердие, справедливость — лишь верхушки разума. Кто, кроме настоящего человека, способен его определить? Разве мир, которым обладает настоящий человек, не велик? А ведь считает мир недостойным, чтобы возложить на себя его бремя. Настоящий человек не идет вместе с теми, кто борется за рукоять <власти в> Поднебесной. Изучая, он отвергает ложное. Не идет вместе с теми, кто гонится за выгодой. Познает до конца истинную природу вещей и способен соблюсти их основу. Поэтому относится к небу и земле как к внешнему, покидает всю тьму вещей и никогда ничем не отягощает разум. Проникая в путь, сливаясь с его свойствами, отвергая милосердие и справедливость, изгоняя церемонии и музыку, — так утверждает настоящий человек свое сердце.

Речи, которые в мире ценят, записывают. Записи — это лишь речи. В речах есть ценное. Ценится в речах мысль. Но мысль за чем-то следует, а то, за чем следует, нельзя пе-

Путь природы

редать словами. Однако в мире, цenia речи, передают их записями. Пусть в мире их ценят, я все же считаю, что они этого не достойны¹⁹⁵. Ведь ценят их не за то, что в них ценного. Ибо когда смотрят, видны лишь форма и цвет; когда слушают, слышны лишь название и голос. Увы! Люди в мире считают форму и цвет, название и голос достаточными, чтобы постичь природу другого; а воистину формы и цвета, названия и голоса недостаточно, чтобы постичь природу другого. Разве в мире понимают, что «знающий не говорит, говорящий не знает»¹⁹⁶!

Хуаньгун читал нараспев книгу в зале, а подле зала тесал колесо колесный мастер Маленький. Отложив молоток и долото, мастер вошел в зал и спросил:

— Осмелюсь ли задать вопрос: что за слова, вы, государь, распеваете?

— Слова мудрецов, — ответил царь.

— Живы ли те мудрецы?

— Уже умерли.

— Значит, государь повторяет лишь отголоски тленных душ древних людей?

— Как смеешь ты, колесный мастер, рассуждать о книге, которую читаю я, Единственный? Если есть что сказать — говори, а нечего — так умрешь!

— Я, ваш слуга, отнесся к этому, как к своему делу, — ответил Маленький. — Если я работаю медленно, мне легко, но колесо получается непрочным. Если спешу, мне тяжело,

Глава 13

а колесо не прилаживается. Когда же не спешу и не медлю, то овладеваю мастерством руками и откликаюсь сердцем¹⁹⁷. Но уста мои безмолвствуют — в этом есть какой-то секрет¹⁹⁸. Я, ваш слуга, не могу в притче передать его сыну. Сын слуги также не способен воспринять его от меня, вашего слуги. Оттого-то, проработав семь десятков лет, я все еще мастерю колеса. Тем менее способны передать свое мастерство древние люди. Они мертвы, и значит то, что повторяет государь, лишь отголоски тленных душ древних людей.

Глава 14

ВРАЩАЕТСЯ ЛИ НЕБО?

— Вращается ли небо? Покоится ли земля? Борются ли за свое место солнце и луна? Кто-нибудь это направил? Кто-нибудь эти связи установил? Кто-нибудь от безделья их толкнул и привел в движение? Значит ли это, что их принудила скрытая пружина? Значит ли это, что они не могут сами остановить свое движение? Облака ли порождают дождь? Дождь ли порождает облака? Кто-нибудь посылает эти обиль-

Глава 14

ные деяния? Кто-нибудь все это подталкивает, развлекаясь от безделья? Ветер, возникнув на севере, дует то на запад, то на восток, блуждает в вышине. Это чье-либо дыхание? Кто-нибудь от безделья приводит его в волнение? Дозвольте спросить: каковы для этого причины?¹⁹⁹

— Подойди! Я тебе поведаю, — ответил Колдун, Всех Призывающий²⁰⁰. — В природе существуют шесть полюсов и пять элементов. Когда предки и цари с ними считались, царил порядок; шли им наперекор, случалась беда. Когда появились из реки Ло девять начертаний²⁰¹, порядок установился совершенный, свойства обрели полноту. Предки, как зеркальное отражение, освещали все внизу на земле. Все в Поднебесной их поддерживали. Они-то и назывались высшими предками.

Дан, главный жрец, ведавший закланием жертвенного скота в Шан, спросил Чжуан-цзы, что такое милосердие.

— Милосердны тигры и волки²⁰², — ответил Чжуан-цзы.

— Что это значит?

— Как же не милосердны, если волчица и волчата любят друг друга?

— Разрешите спросить о настоящем милосердии!

— Для настоящего милосердия не существует родственных чувств.

— Я, Дан, слышал о том, что без родства нет и любви, без любви нет у сыновей почтительности. Ведь не может

Вращается ли небо?

быть настоящего милосердия без почтительного отношения к родителям!

— Нет, это не так, — ответил Чжуан-цзы. — Настоящее милосердие высоко. О нем, конечно, не стоит и говорить исходя из сыновней почтительности. В твоих же словах сыновняя почтительность не преувеличена, а преуменьшена. Ведь отчего, подходя к Ин²⁰³ с юга, не замечают на севере гору Миншань? Оттого, что она далека от Ин. Поэтому и говорится: уважать родителей легче, чем их любить, любить родителей легче, чем их забыть, забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе, заставить родителей забыть о тебе легче, чем самому забыть обо всем в Поднебесной, забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть. Ведь обладающий свойствами забывает про Высочайшего и Ограждающего и предается недеянию. Блага его распространяются на тьму поколений, а Поднебесная о нем и не знает. Как можно только вздыхать да твердить о милосердии, о сыновней почтительности? Ведь всем этим — почтительностью к родителям и старшим братьям, милосердием и справедливостью, преданностью и доверием, целомудрием и честностью — люди заставляют себя служить собственной добродетели, большего все это не стоит. Поэтому и говорится: «Настоящее благородство отвергает царские почести, настоящее богатство отвергает царскую сокровищницу, настоящие чаяния отвергают имя и славу». От всего этого путь не изменяется.

Глава 14

Совершенный От Северных Ворот²⁰⁴ сказал Желтому Предку:

— Вы, владыка, исполняли мелодию «Восход солнца»²⁰⁵ на просторах у озера Дунтин. Я стал ее слушать и сначала испугался, затем предался бездействию, под конец пришел в смятение, взволнованный, молчал и долго не мог овладеть собой.

— Ты близок к истине, — ответил Желтый Предок. — Я сложил эту мелодию с помощью человеческого, настроил цинь с помощью природного, исполнил с помощью обрядов и долга, наполнил ее великой чистотой. Ведь настоящая мелодия сначала соответствует людским делам, согласуется с естественными законами, осуществляется с помощью пяти добродетелей, отвечает естественности; затем она приводит к гармонии четыре времени года, к великому единству — всю тьму²⁰⁶ вещей. Одно время года сменяется другим и соответственно рождается вся тьма вещей, то расцветая, то увядая, с постоянным распределением дел гражданских и военных²⁰⁷. Эфир прозрачный и эфир мутный с помощью сил жара и холода гармонически соединяются, в потоках света слышится их звучание. Чтобы насекомые очнулись от спячки, я пробуждаю их раскатами грома²⁰⁸. Конец без исхода, начало — без зачина. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — эти явления постоянны и бесконечны, но каждый раз неожиданны, поэтому ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, объединяющую силы жара и холода, озарил ее сиянием солнца и луны. Звуки, то преры-

Вращается ли небо?

вистые, то протяжные, то нежные, то суровые, изменяются в единстве. В них постоянство, ибо нет главенствующего. В долине — звуки наполняют всю долину, в котловине — всю котловину. Размах мелодии определяется объемом вещи; преграды все щели — и сохранится ее сила. Она широка и свободна, название ее высокое и светлое. Поэтому души предков и боги будут держаться во мраке²⁰⁹, а солнце и луна, планеты и звезды — продвигаться своим порядком. Я останавливался вместе с теми, у которых есть предел, двигался вместе с теми, которые бесконечны. Я размышлял о них, но не мог их постичь; смотрел на них, но не смог их увидеть; следовал за ними, но не мог их догнать. Бездумно стоял я на пути к четырем пустотам, опираясь на высокий платан, и пел. Зрение истощилось в стремлении все увидеть, силы истощились в стремлении все догнать. Я не сумел всего достичь, и тело наполнилось пустотой, успокоилось, поэтому-то и ты успокоился и предался бездействию.

Я снова заиграл, не ленись, соединив мелодию с естественной жизнью. Звуки следовали беспорядочно, бесформенные, будто в зарослях мелодии леса. Разливаясь широко, но не растягиваясь, сумрачная, смутная, почти беззвучная, она ниоткуда не исходила, задерживалась в глубокой тьме. Одни называли ее умиранием, другие — рождением; одни — плодом, другие — цветением. В движении, в течении она рассеивалась, перемещалась, не придерживаясь постоянно. В мире в ней сомневались, представляя мудрому ее изучать. Мудрый же постигал ее природу, а следовал естествен-

Глава 14

ности. Творческая сила природы еще не затрагивалась, а все пять органов чувств уже наготове. Это и называется естественной мелодией: слов нет, а сердце радуется. Поэтому род Владеющих Огнем²¹⁰ ее и прославил в гимне²¹¹.

Вслушайся — звука ее не услышишь.
Формы ее не увидишь, всмотревшись.
Небо заполнит, наполнит и землю,
Шесть полюсов обнимая собою.

Ты захотел ее услышать, но не воспринял, а поэтому и пришел в смятение. Мелодию я начал со страха, страх и вызывает наваждение. Затем я снова заиграл ленивее, ты предался бездействию, поэтому все и отступило. В заключение же я вызвал смятение. От смятения приходят к омрачению, от омрачения — к пути. Путем можно наполниться и с ним пребывать.

Когда Конфуций странствовал на Западе в Вэй, Янь Юань задал вопрос наставнику Золотому²¹²:

— Что думаете вы о поступках учителя?

— Твой учитель зашел в тупик. Как жаль! — воскликнул наставник Золотой.

— Почему? — спросил Янь Юань.

— Пока при обряде соломенное чучело собаки²¹³ еще не показывали, — ответил наставник Золотой, — ее укладывают в корзину, покрывают узорчатым платком, а Покойник и жрец, чтоб приблизиться к ней, соблюдают пост. А после об-

Вращается ли небо?

ряда, когда это чучело выбросят, прохожие топчут ему голову и спину, солому же просто сжигают, готовя пищу. Если кто-нибудь снова подберет чучело собаки, уложив в корзину, покроет узорчатым платком и, странствуя, будет под ней спать, ему приснится кошмар или он засорит себе глаза. Ныне же твой учитель опять подбирает залежалые чучела собак времен древних царей, сзывает учеников, с ними странствует и спит под чучелом. Поэтому-то на него свалили дерево в Сун, он заметал следы при бегстве из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу — разве это не было кошмарным сном? Он был осажден между Чэнь и Дай, семь дней оставался без горячей пищи, на грани смерти — разве это не было засорением глаз? Ведь по воде лучше всего передвигаться в лодке, а по суше — в повозке. В лодке можно передвигаться по воде, но толкать лодку по суше²¹⁴ не значит ли за всю жизнь не сделать ни шага? Разве древность не отличается от нашего времени, как вода от суши? Разве чжоуские порядки не отличаются от луских, как лодка от повозки? Применять ныне в Лу чжоуские порядки — не то же ли, что толкать лодку посуху? Утомительно и бесполезно, да и для здоровья вредно. Конфуций не ведает, что движение безгранично, что, соответствуя вещам, все развитие бесконечно. Разве ты не видел колодезного журавля? Черпаешь воду — нагибается, отпустишь — поднимается. Ведь человек его нагибает, а не он нагибает человека. Поэтому его поклоны не могут обидеть людей. Так же и обряды и долг, законы и меры времен трех владык и пяти предков уважали не за то, что они были

Глава 14

одинаковыми, а за то, что отвечали порядку. Поэтому сравнивать обряды и долг, законы и меры времен трех владык и пяти предков то же, что уподоблять друг другу резань и грушу, мандарин и помелон: хотя все они съедобны, но вкус у всех различный. Так же и обряды, долг, законы, меры изменяются в соответствии со временем. Если же ныне оденем обезьяну в платье Чжоугуна²¹⁵, она непременно станет кусать, грызть, тащить, рвать платье и не успокоится, пока его с себя не стащит. Изучая различия между древностью и современностью, видим, что они подобны различию между обезьяной и Чжоугуном. В старину красавица Си Ши из-за боли в сердце хмурилась при всех в селении. На нее залюбовалась некая Уродина и, вернувшись к себе домой, также стала хвататься за сердце и хмуриться при всех в своем селении. Однако богачи, завидя ее, запирали накрепко ворота и не показывались, а бедняки, завидя ее, уходили прочь, увозя с собой жен и сыновей. Уродина поняла лишь, что хмуриться красиво, но не поняла, почему красиво. Жаль! И твой учитель оказался в таком же тупике!

Конфуций дожил до пятидесяти лет и одного года, а не слышал о пути. Тогда он отправился на юг, достиг Пэя, увиделся с Лао-цзы и тот его спросил:

— Ты пришел? Я слышал, что ты добродетельный с Севера. Ты также обрел путь?

— Еще не обрел, — ответил Конфуций.

— Как же ты его искал? — спросил Лао-цзы.

Вращается ли небо?

— Я искал его в мерах и числах, но за пять лет так и не обрел.

— Как же ты еще искал?

— Я искал его в силах жара и холода, но за десять лет и два года так и не обрел.

— Так, — сказал Лао-цзы. — Если бы путь можно было подносить в дар, каждый поднес бы его своему государю; если бы путь можно было подавать, каждый подал бы его своим родителям; если бы о пути можно было поведать другим, каждый поведал бы о нем своим старшим и младшим братьям; если бы путь можно было вручать другим, каждый вручил бы его своим сыновьям и внукам. Но этого сделать нельзя по той причине, что путь не задержится у того, у кого внутри нет главного; не подойдет тому, кто внешне ему не пара. Если путь исходит изнутри, то не воспринимается извне, от мудрого человека не изойдет; если входит извне, то не станет главным внутри, и мудрый человек его не прячет.

Слава — общее достояние, много от нее забирать нельзя. Милосердие и справедливость — это словно постоянный двор древних государей, там можно разок переночевать, долго жить нельзя, многие встречные будут укорять. Настоящие люди древности проходили дорогой милосердия, останавливались на ночлег у справедливости, чтобы странствовать в беспредельной пустоте, кормиться от небольшого поля, обрабатывать незаложенный огород, жить на приволье, в недеянии. От небольшого поля легко прокормиться, с незаложенного огорода не отдавать займа²¹⁶. Древние это

Глава 14

называли странствиями в сборе истинного. Кто считает истинным богатство, не способен уступить жалованья; кто считает истинным славу, не способен уступить имени; кто любит власть, не способен отдать ее рукоять другому. Тот, кто держит все это в руках, — дрожит; кто их отдает — страдает. Ни у кого из них нет зеркала, чтобы увидеть себя: тот, кто не прекращает, становится убийцей природного. Гнев и милость, взимание и возврат, советы и обучение, жизнь и казнь — эти восемь действий — орудия исправления. Но применять их способен лишь тот, кто следует за великими изменениями и ничему не препятствует. Поэтому и говорится: «Исправляет тот, кто действует правильно». Перед тем, чье сердце с этим не согласно, не откроются врата природы.

Конфуций встретился с Лао-цзы и заговорил о милосердии и справедливости.

— Если, провеивая мякину, засоришь глаза, — сказал Лао-цзы, — то небо и земля, все четыре страны света поменяются местами. Если искусают комары и москиты, не заснешь всю ночь. Но нет смуты большей, чем печаль о милосердии и справедливости²¹⁷ — она возмущает мое сердце. Если бы вы старались, чтобы Поднебесная не утратила своей простоты, вы бы двигались, подражая ветру, останавливались, возвращаясь к природным свойствам. К чему же столь рьяно, будто в поисках потерянного сына, бьете во все неподвижные и переносные барабаны? Ведь лебедь бел не оттого, что каждый день купается; а ворона черна не оттого, что каждый день чернится. Простота белого и черного не

Вращается ли небо?

стоит того, чтобы о ней спорить; красота имени и славы не стоит того, чтобы ее увеличивать. Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели и стараются дать друг другу влагу дыханием, слюной. Но лучше им забыть друг о друге в просторах рек и озер.

Повидавшись с Лао-цзы, Конфуций вернулся домой и три дня молчал.

— С чем вы, учитель, вернулись от Лао-цзы, — спросили ученики.

— Ныне в нем я увидел Дракона²¹⁸, — ответил Конфуций. — Дракон свернулся в клубок, и образовалось тело, расправился, и образовался узор, взлетал на облаке, на эфире, кормился от сил жара и холода. Я разинул рот и не мог его закрыть. Как же мне подражать Лао-цзы!

— В таком случае, — спросил Цзыгун, — не обладает ли тот человек неподвижностью Покойника и внешностью Дракона, голосом грома и молчанием пучины, не действует ли подобно небу и земле? Не удостоюсь ли и я, Сы, его увидеть? — и от имени Конфуция Цзыгун встретился с Лао-цзы.

Лао-цзы только что уселся на корточки в зале и слабым голосом промолвил:

— Годы мои уже на закате, и я ухожу. От чего вы хотите меня предостеречь?

— Почему только вы, Пржеждерожденный, считаете, что три царя и пять предков не были мудрыми? — спросил Цзыгун. — Ведь они управляли Поднебесной по-разному, слава же им выпала одинаковая.

Глава 14

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лао-цзы. — Почему ты считаешь, что управляли по-разному?

— Высочайший передал власть Ограждающему, Ограждающий — Молодому Дракону, — сказал Цзыгун. — Молодой Дракон применял силу физическую, а Испытующий — военную. Царь Прекрасный²¹⁹ покорялся Бесчеловечному и не смел ему противиться. Царь Воинственный пошел против Бесчеловечного и не захотел ему покориться. Поэтому и говорю, что по-разному.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лао-цзы. — Я тебе поведаю, как управляли Поднебесной три владыки и пять предков. Желтый Предок, правя Поднебесной, привел сердца людей к единству. Когда родители умирали, дети их не оплакивали и народ их не порицал. При Высочайшем в сердцах людей Поднебесной появились родственные чувства. Если из-за смерти своих родителей люди придавали меньшее значение смерти чужих родителей, народ их не порицал. При Ограждающем в сердцах людей Поднебесной зародилось соперничество. Женщины родили после десяти лун беременности, дети пяти лун от роду могли говорить; еще не научившись смеяться, начинали узнавать людей и тогда стали умирать малолетними. При Молодом Драконе сердца людей Поднебесной изменились. У людей появились страсти, а для применения оружия — обоснования: убийство разбойника не стали считать убийством. Разделили на роды людей и Поднебесную, для каждого из них свою. Поэтому Поднебесную объял великий ужас. Поднялись конфуцианцы

Вращается ли небо?

и моисты. От них пошла правила отношений между людьми, а ныне еще и отношений с женами. О чем еще говорить! Я поведаю тебе, как три владыки и пять предков наводили порядок в Поднебесной. Называется — навели порядок, а худшего беспорядка еще не бывало. Своими знаниями трое владык наверху нарушили свет солнца и луны, внизу — расстроили сущность гор и рек, в середине — уменьшили блага четырех времен года. Их знания были более ядовиты, чем хвост скорпиона, чем зверь сяньгуй²²⁰. Разве не должны они стыдиться? Ведь не сумев обрести покой в собственной природе, они сами еще считали себя мудрецами. Они — бесстыжие!

Цзыгун в замешательстве и смущении остался стоять на месте.

Конфуций сказал Лао-цзы:

— Я, Цю, считаю, что давно привел в порядок шесть основ: песни, предания, обряды, музыку, гадания, хронику «Весна и осень». Достаточно хорошо понял их причины, чтобы обвинить семьдесят двух царей, истолковать путь ранних государей, выявить следы деяний Чжоу гуна и Шао гуна. Но ни один царь ничего этого не применил. Как тяжело! Как мне, учителю, трудно убеждать, как трудно разъяснять учение!

— К счастью, ты не встретился с царем, который управляет современным миром, — сказал Лао-цзы. — В шести основах — следы деяний ранних гусударей. Но разве в них говорится о том, как следы проложены? Слова, сказанные тобою ныне, — также следы. Ведь следы остаются и от башмаков, но разве следы — это сами башмаки?

Глава 14

Ведь белые цапли зачинают, когда смотрят друг на друга, и зрачки у них неподвижны; насекомые зачинают, когда самец застрекочет сверху, а самка откликнется снизу; лэй²²¹ будучи и самцом и самкой, сам от себя зачинает. Природные свойства не изменить, жизнь не переменить, время не остановить, путь не преградить. Постигнешь законы пути, и все станет возможным, утратишь — ничего не добьешься.

Конфуций не показывался три луны, затем, снова увидевшись с Лао-цзы, сказал:

— Я, Цю, это давно постиг! Ворона и сорока высидивают яйца; рыбы зачинают, смазываясь слюной; оса переоплощается <в другое насекомое>²²², когда рождается младший брат, старший брат заплачет²²³. Ведь я, Цю, не превращался вместе с путем в человека. А если не превращался в человека вместе с путем, как же могу поучать других?

— Хорошо! Ты, Цю, это постиг! — ответил Лао-цзы.

Глава 15

ПОЛНЫЕ СУРОВЫХ ДУМ

Полные суровых дум²²⁴ и возвышенных дел покидают мир, отвергают все пошлое; рассуждая о высоком, возмущаются и порицают других — надменные и только. Так любят поступать мужи, скрывающиеся в горах и долинах, презирующие современников, высыхающие, словно дерево, или уходящие в пучину.

Произносят речи о милосердии и справедливости, о преданности и доверии, почтительности и

Глава 15

скромности, о том, как отказываться от власти и передавать престол, — совершенствуются сами, и только. Это любят мужи, успокаивающие мир, — те, кто обучает и поучает, странствующие ученики.

Произносят речи о великих подвигах, громкой славе, о церемониях между государем и советником, об исправлении отношений между высшими и низшими — стараются ради управления и только. Это любят мужи придворные, что благовеют перед государем, укрепляют свое царство, захватывают чужие царства и добиваются признания заслуг.

Находя пристанище на болотах и озерах, поселяясь в безлюдных местах, удят рыбу, наслаждаются праздностью, предаются недеянию, и только. Это любят мужи на реках и морях, удалившиеся от мира, те, кто предается праздности.

Вдыхая <прохладу>, выдыхая <тепло>, упражняют дыхание, освобождаясь от старого, воспринимая новое, висят на деревьях, точно в спячке медведи, вытягиваются, точно птицы, — ради долгих лет жизни, и только. Это любят мужи, проводящие в себе путь, питающие свое тело, добиваясь долголетия Пэн Цзу.

Но все самое прекрасное последует за тем, кто способен стать возвышенным без суровых дум, совершенствоваться без милосердия и справедливости, править, не добиваясь заслуг и славы, пребывать в праздности, не удаляясь к рекам и морям, живя долго, не проводя в себе пути, забывать обо всем и всем обладать, становиться безмятежным без предела. Таков путь неба и земли, таковы и свойства мудрого.

Полные суровых дум

Поэтому и говорится: «Безмятежность и безразличие, покой и уединение, пустота и недеяние — таково равновесие неба и земли, такова сущность природных свойств».

Поэтому и говорится: «Мудрый в покое». В покое, поэтому ровен и свободен. Ровный и свободный становится безмятежным и безразличным. К ровному, свободному, безмятежному и безразличному не вторгнутся ни горе, ни беда, его не захватят врасплох вредные пары. Поэтому свойства его целостны, а разум не страдает. Вот и говорится: «Жизнь мудрого человека — движение природы, смерть его — изменение вещи». В покое свойства его такие же, как у силы холода; в движении у него такие же волны, как у силы жара. Он не опередит другого ни ради счастья, ни из-за беды. Лишь восприняв, откликнется; лишь вынужденный шевельнется; лишь поневоле поднимется; отбросив знания и житейскую премудрость, следует естественным законам, поэтому для него нет ни стихийных бедствий, ни бремени вещей, ни людских укоров, ни кары душ предков. Он живет, будто плавает по течению; умирает, словно уходит отдыхать; не мыслит и не заботится, не предвидит и не рассчитывает; светлый, но не блестит; доверяет, не назначая срока. Он спит без сновидений, бодрствует без печали, его разум чист, его душа не устает. Пустой и отсутствующий, безмятежный и безразличный, он соединяется с природными свойствами. Поэтому и говорится: «Печаль и веселье причиняют зло свойствам, радость и гнев ведут к ошибкам в пути, любовь и ненависть приносят ущерб свойствам». Поэтому иметь серд-

Глава 15

це, свободное и от печали, и от веселья,— это высшее в свойствах; быть единым и неизменным — это высшее в покое; не противиться — высшее в пустоте; не общаться с другими вещами — высшее в безразличии, не выражать недовольства — высшее в чистоте. Поэтому и говорится: «Если утруждать свое тело без отдыха, это приведет к износу; если расходувать свое семя без предела, это приведет к изнурению²²⁵, изнурение ведет к истощению». Вода — чистая, если нет примеси; ровная, если не движется; не проточная, стоячая вода не может сохранить чистоты. Таков образ природных свойств. Поэтому и говорится: «Простой и чистый, без примеси, неизменный в покое и единстве, безразличный, предающийся недеянию — в движение приводится природой». Таков путь, питающий разум. Ведь обладатель меча из Гань или Юэ²²⁶, не смея к нему прибегать, вложил его в ножны и спрятал. Таково высшее в использовании сокровища. Разум движется одновременно во всех четырех направлениях и ничем не ограничивается. Наверху — достигает неба, внизу — обвивается вокруг земли. Но для развития и питания всей тьмы вещей его нельзя считать образцом. Имя такого — равный предку. Чистейший и простейший путь сохраняет лишь разум. Сохраняет и не утрачивает человек, единый с разумом. Пронизанный единой сущностью соединяется с правилами природы. Простая поговорка гласит: «Толпа дорожит выгодой, честный муж дорожит именем, добродетельный ставит высоко волю, мудрый же ценит сущность». Поэтому про чистого скажу, что он ни с чем не сме-

Полные суровых дум

шивается; про простого скажу, что он не наносит урона своему разуму; того же, кто способен воплотить в своем теле чистоту и простоту, назову настоящим человеком.

Глава 16

ИСПРАВЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР

Исправляющие характер²²⁷ в стремлении вернуться к его началу обращаются к распространенным пошлым учениям. Погрязшие в страстях в стремлении обрести ясность характера обращаются к пошлым мыслям. Таких назову невеждами. Те, кто в древности приводил в порядок путь, накапливали знания посредством безмятежности. Знания рождались, но для действий не применялись. Это называется посредством зна-

Исправляющие характер

ний выращивать безмятежность. Так выращивали друг друга знания и безмятежность, и в гармонии с естественными законами появлялся их характер. Ведь свойства — это гармония, путь — естественные законы. Свойства вмещают в себе все, в том числе и милосердие; в пути все естественные законы, в том числе и справедливость. Когда понимают справедливость, вещи сближаются, появляется преданность. Когда с чистой сущностью обращаются к чувствам, появляется музыка. Когда доверие проявляется во внешнем облике и форме и следует за красотой, появляются обряды. Когда обряды и музыка распространяются повсюду, в Поднебесной начинается смута. Если тот, кто исправляет других, невежествен в своих свойствах, его свойства не распространяются. Если же распространяются, то вещи непременно утратят свой природный характер.

Люди древности еще при хаосе вместе со всеми современниками обретали безмятежность и спокойствие. Силы жара и холода тогда соединялись в покое, души предков и боги не причиняли вреда, четыре времени года проявлялись умеренно, вся тьма вещей не страдала, ничто живое не умирало преждевременно. Хотя у людей и были знания, их нельзя было применить. Это и называлось высшим единством. В те времена не совершали деяний и постоянной была естественность. Когда же свойства стали ослабевать, в Поднебесной начали действовать Добывающий Огонь Трением²²⁸ и Готовящий Жертвенное Мясо. Люди покорились, но утратили единство. Свойства упали ниже, и в Поднебесной

Глава 16

начали действовать Священный Земледелец и Желтый Предок. Люди успокоились, но стали непокорными. Свойства упали еще ниже, и в Поднебесной начали действовать Высочайший из рода Гончаров²²⁹ и Ограждающий из рода Владеющих Тигром. Тут расцвели управление, просвещение и тому подобное. Рассеяли простоту, загрязнили чистоту, ушли от пути ради добрых дел, воздвигли преграды для свойств ради действий, а затем отказались от природного характера и последовали за своими взглядами. Сердце одного узнавало сердце другого, и знания стали недостаточными для успокоения Поднебесной. А затем к этому добавили еще внешнюю красоту²³⁰ и многознание. Внешняя красота уничтожила сущность, а многознание ослабило разум. И тогда в народе начались смуты и беспорядки, нельзя было вернуться к природному характеру и чувствам, вернуться к их началу. Отсюда видно, что мир потерял путь, а путь покинул мир. Мир и путь утратили друг друга. Как же могли владеющие путем поднять мир? Как же могли в мире поднять путь? Пути нечем было поднять мир, миру нечем было поднять путь. Даже если мудрый не уходил в горы и леса, его свойства оставались скрытыми. Причина отнюдь не в том, что он сам скрывался. Те, кого в древности называли отшельниками, отнюдь не прятались и не скрывались, отнюдь не замыкали свои уста и не молчали, отнюдь не скрывали свои знания и их не обнаруживали. Это великое заблуждение учения о времени и судьбе²³¹. Когда учение о времени и судьбе широко распространилось в Поднебесной, те, кто

Исправляющие характер

стремился возвратиться к единству, исчезли бесследно. Это не учение о времени и судьбе, а великое бедствие для Поднебесной! Тогда, уйдя в глубину естественности, ожидали, храня высшее спокойствие. Таков путь к самосохранению. В древности те, кто хранил в себе путь, не приукрашивали свои знания красноречием, не терзали всех в Поднебесной своими знаниями, не истощали своих свойств знаниями. Им оставалось лишь остерегаться, пребывая в своем жилище, и стараться вернуться к своему природному характеру. Путь, конечно, не действует по мелочам, свойства, конечно, не познаются по мелочам. Малые знания вредят свойствам, а малые дела вредят пути. Поэтому и говорится: «Исправляй самого себя, и только». Радость целостности — это обретением желаемого. Но обретением желаемого в древности называли не пожалование колесницы с высоким передком и парадной шапки²³², а только ту радость, к которой нечего добавить. Ныне же обретением желаемого называют пожалование колесницы с высоким передком и парадной шапки. Но колесница с высоким передком и парадная шапка принадлежат телу, а не природному характеру. Такие вещи появляются случайно, на какое-то время. Временные — их приходу не воспрепятствовать, их ухода не остановить. Поэтому ради колесницы с высоким передком и парадной шапки нельзя давать волю своим желаниям, нельзя и прибегать к пошлости из-за нужды и стесненного положения. И в том, и в другом случае радость должна быть одинаковой. Она лишь в отсутствии печали. Ныне же уход временного

Глава 16

лишает человека радости. Отсюда видно, что даже радость его была бесплодной. Поэтому и говорится: «Те, кто теряет себя в вещах, утрачивают в пошлом природный характер». Таких назову людьми, которые все ставят вверх ногами.

Глава 17

С ОСЕННИМИ РАЗЛИВАМИ

С осенними разливами сотни потоков переполнили Реку. Она разлилась так широко, что с одного берега и даже с островка не отличишь на другом берегу буйвола от коня. И тут Дядя Реки²³³ возрадовался, считая, что у него теперь вся красота Поднебесной.

Он по течению двинулся к востоку и достиг Северного Океана. Взглянул на восток и не увидел воде конца. Тут Дядя Реки повертел головой, глядя на вод-

Глава 17

ный простор, вздохнул и обратился к Северному Океану Жо²³⁴:

— Простая поговорка гласит: «О пути узнал одну частицу и мнит, что с ним никто уж не сравнится», — это сказано обо мне. Я слышал к тому же, как мало ценили знания Конфуция, как презирали Старшего Ровного за приверженность долгу. Раньше я этому не верил, ныне же убедился, узрев, как ты неисчерпаем. Не дойди я до твоих ворот, мне грозила бы опасность еще долго терпеть насмешки тех, кто изучает великий путь.

Северный Океан Жо сказал:

— С Лягушкой из колодца не толкуй о море²³⁵ — ее предел лишь скважина. С букашкой не толкуй о зиме — она знает лишь свое время года. С ограниченным человеком не толкуй о пути, он связан тем, чему его обучили. Ныне, покинув свои берега, ты любовался великим океаном и понял свое ничтожество, значит, с тобой можно поговорить о великом законе. В Поднебесной нет большего водного пространства, чем океан. В него устремляется тьма потоков — неведомо, когда останутся, — а он не переполняется. Из него вытекает пучина Задние Ворота — неведомо, когда иссякнет, а он не осушается. Океан не меняется ни весной, ни осенью, не знает ни наводнений, ни засухи. Даже измерить нельзя, насколько он превосходит реки и потоки. Но все равно я никогда не считал себя огромным.

Сам я сравнивал себя с небом и землей, с силами жара и холода, от которых получал эфир, и рядом с небом и землей

С осенними разливами

я оказался подобным камешку или деревцу на огромной горе. Увидев себя малым среди существующего, как мог я считать себя большим? Четыре моря в пространстве между небом и землей не походят ли на впадины от камней посреди большого болота? А Срединные царства в центре четырех морей не походят ли на зернышко в большом амбаре? Называя вещи, говорили: их тьма, к человеку же относили одно название. Людей всего девять областей, но откуда бы ни проникали корабли и повозки, среди тех, кто питается зерном, человек был лишь одной частью.

В сравнении с тьмой вещей не подобен ли человек кончику волоска на конской шкуре?²³⁶ Вот к чему сводится все значение деяний пяти предков, борьбы царей трех династий, забот милосердных и хлопот служилых мужей. Вот почему лишь хвастовством можно считать и славу Старшего Ровного, отказавшегося от престола, и многознание Конфуция, толковавшего обо всем в речах. Не так ли и ты недавно хвастался массой своих вод?

— В таком случае, — спросил Дядя Реки, — можно ли считать небо и землю самым большим, а кончик волоска самым малым?

— Нет! — ответил Северный Океан Жо. — Ведь время бесконечно²³⁷, качества вещей безграничны²³⁸, в их участии нет постоянства, ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Поэтому-то обладающие глубокими познаниями наблюдают и за близким и за далеким; маленькое для них — не мало, большое — не велико; так узнают, что качества бес-

Глава 17

конечны. Доказательств ищут и в современности, и в древности; древними не тяготеются, хотя они и отдаленные; современные собирают, не становясь на цыпочки; так узнают, что время бесконечно. Изучают пустое и полное; обретая, не радуются; утратив, не печалются; так узнают, что в участи нет постоянства. Видя жизнь как ровную дорогу, не радуются при рождении и не считают бедой смерть; так узнают, что ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Считают, что познанного человека меньше, чем непознанного; что время его жизни не столь долгое, как время до его рождения. Если с помощью столь малого пытаются познать до конца столь крупное, то впадают в заблуждение и не могут удовлетвориться. Отсюда видно, достаточно ли познать кончик волоска, чтобы определить мельчайший зародыш, достаточно ли познать небо и землю, чтобы исчерпать величайшее пространство?!

— Верно ли говорят все те в мире, кто рассуждает: «Мельчайшая сущность не обладает формой, величайшее нельзя охватить»? — спросил повелитель Реки.

— Ведь тот, кто, исходя из мельчайшего, взглянет на величайшее, — его не исчерпает, — ответил Северный Океан Жо — Тот, кто, исходя из величайшего, взглянет на мельчайшее, его не разглядит. Ведь мельчайшее семя — это ничтожнейшее в малом; величайшее — это огромное в большом. Бывают случаи, когда различить их легко, ибо мелкие и крупные ограничиваются формой. Не обладающие формой не поддаются разделению для счета: то, что нельзя охватить,

С осенними разливами

не исчерпаешь в цифровой оценке. Крупнейшие из вещей можно выразить в словах; мельчайшие из вещей можно постичь мыслью. То, что нельзя ни выразить в словах, ни постичь мыслью, не зависит от величины крупной или мелкой. Поэтому-то большой человек не стремится причинить вреда людям, но и не проявляет излишней своей благосклонности и милосердия. Не действует ради выгоды и не презирает раба у ворот. Не сутяжничает из-за имущества и товаров, но и не кичится, уступая или от них отказываясь. В делах не прибегает к чужой помощи и не кичится тем, что кормится собственными силами, не презирает жадных и алчных. В своих поступках отличается от людей пошлых и не кичится таким отличием. Следуя за толпой, не презирает говорунов и льстецов. Ранги и жалованье в мире не считает достойным поощрением; казни и позор не считает постыдными. Знает, что нельзя точно отделить правильное от неправильного, нельзя точно отличить малое от большого. Я слышал, что человек, постигший путь, остается неизвестным; что обладающий высшими свойствами ничего не обретает; что у великого человека нет самого себя — таков высший предел в ограничении своей доли.

— Если не различать вещи ни по внешнему, ни по внутреннему, как же отделить благородных от презренных, как же отличить больших от малых? — спросил повелитель Реки.

— Если судить исходя из пути, — ответил Северный Океан Жо, — нет вещей благородных, нет презренных²³⁹.

Глава 17

Если судить исходя из вещей, то они самих себя ценят, а других презирают. Если судить исходя из людских обычаев, то от самого человека не зависит, быть ему благородным или презренным. Если судить исходя из принятых различий и называть большими тех, кого считают большими, то вся тьма вещей окажется большой; если называть малыми тех, кого считают малыми, то вся тьма вещей окажется малой. Так узнаешь, что небо и земля — зернышко; так узнаешь, что кончик волоска — холм и гора. Так сравнивают по относительной величине. Если судить исходя из заслуг и называть заслуженными тех, у кого признают заслуги, то у всей тьмы вещей окажутся заслуги; если отрицать заслуги тех, у кого их отрицают, то у всей тьмы вещей заслуг не окажется. Так, узнав, что Восток и Запад друг другу противоположны, но что ни тот ни другой отрицать нельзя, можно определить роль каждого как части. Если судить исходя из интересов каждого и одобрять тех, кого одобряют, то всю тьму вещей придется одобрить; если осуждать тех, кого осуждают, то всю тьму вещей придется осудить. Так, узнав, что Высочайший и Разрывающий На Части каждый себя одобрял, но один другого порицал, можно увидеть, как властвовали собственные интересы. В старину Высочайший и Ограждающий уступили трон и остались предками, а Куай²⁴⁰ уступил трон и погиб. Испытующий и Воинственный боролись и стали царями, а Бэйгун боролся и погиб. Отсюда видно, что обычай — уступать трон или бороться за него, поведение Высочайшего или Разрывающего На Части нельзя прини-

С осенними разливами

мать за нечто постоянное, они бывали то благородными, то презренными. Балкой можно протаранить городскую стену, но нельзя заткнуть нору — таково различие в орудиях. Рыжий Быстроногий и Рыжий Черногривый пробегали в день по тысячи ли, но мышей ловили бы хуже, чем дикая кошка, — таково различие в способностях. Сова и филин по ночам ловят блох, различают кончик волоска, а днем таращат глаза и не замечают даже гору, — таково различие в природных характерах. Поэтому и говорится: «Утверждать истинное и отрицать ложное, утверждать порядок и отрицать смуту — значит не понимать закона неба и земли, природного характера всей тьмы вещей». Ведь это то же самое, что утверждать небо и отрицать землю, утверждать силу холода и отрицать силу жара, — ясно, что это не годится. И все же об этом толкуют, не переставая, если не дураки, так лгуны. Предки и цари по-разному передавали власть; при трех династиях по-разному наследовали власть. Того, кто отличался от своих современников, кто шел против обычаев, называли узурпатором; того, кто не отличался от современников, кто следовал обычаям, называли поборником справедливости. Помолчал бы ты, Дядя Реки! Откуда тебе знать, где ворота благородного, а где — презренного, где дома малых, а где — великих!

— Что же мне в таком случае делать, а чего не делать? — спросил Дядя Реки. — Принимать или отказываться? Добиваться или отступать? Как же мне, в конце концов, быть?

Глава 17

— Что такое благородный? Что такое презренный? Если судить исходя из пути, назову это лишь развитием противоположностей, — ответил Северный Океан Жо. — Не упрямясь в своих мыслях, они большое препятствие для пути. Что такое малые? Что такое великие? Это назову лишь благородностью за дары <природы>. Не действуй всегда одинаково, разойдешься с путем. Будь суров подобно такому государю в царстве, который не знает личного пристрастия. Будь удовлетворен подобно богу Земли во время жертвоприношения — для него нет личного счастья. Будь широк подобно бесконечности всех четырех сторон, которой нет пределов. Охвати всю тьму вещей, не вникая, кто кому помогает, кто кого поддерживает, — это назову беспристрастием. Станешь относиться ко всей тьме вещей беспристрастно, разве окажутся одна хуже, другая лучше? У пути нет ни конца, ни начала, у вещей есть смерть и рождение, их совершенство ненадежно; то пустые, то полные, не навечно обретают свою форму. Годы нельзя повторить, время нельзя остановить. Увядание и рост, полнота и пустота, конец и начало — вот почему называем великой справедливостью, судим о естественном законе тьмы вещей. Жизнь вещи подобна стремительному бегу, она развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом²⁴¹. Ты спрашиваешь, что тебе делать? Чего не делать? Ведь в будущем, конечно, сам по себе изменишься.

— Но что же тогда ценного в пути? — спросил Дядя Реки.

С осенними разливами

— Познавший путь,— ответил Северный Океан Жо,— непременно постигнет естественный закон; постигший естественный закон непременно поймет, что такое власть; понявший, что такое власть, не станет вредить себе из-за вещей. Человека настоящих свойств огонь не обожжет, вода не утопит, ни холод, ни жар не причинят ему вреда, ни хищные птицы, ни дикие звери его не погубят. Это не значит, что они к нему отнесутся безразлично. Это значит, что он изучает опасное и безопасное, спокоен в счастье и в беде, осторожен, и приближаясь и удаляясь, и ничто ему не вредит. Поэтому и говорится: «Естественное — внутри, человеческое — во вне». Свойства зависят от природы; поняв, что в поведении естественное, а что человеческое, обретишь корень в природном и твердость в свойствах. Чем топтаться на месте, то вытягиваясь, то сжимаясь, лучше вернуться к самому важному и поговорить о высшем.

— Что такое естественное? Что такое человеческое?— спросил Дядя Реки.

— У буйвола и у коня по четыре ноги,— ответил Северный Океан Жо,— это называю естественным. Конь в узде, буйвол с продырявленным носом — это называю человеческим. Поэтому и говорится: «Не губи природного человеческого, не губи естественного искусственным, не жертвуй собой ради приобретения». Тщательно сохраняй природное, не теряй его — это назову возвращением к своему истинному.

Глава 17

Одноногий²⁴² позавидовал Сороконожке, Сороконожка позавидовала Змее, Змея позавидовала Ветру, Ветер позавидовал Глазу, Глаз позавидовал Сердцу.

Одноногий сказал Сороконожке:

— Подпрыгивая на одной ноге, я передвигаюсь медленнее тебя. Как ты ныне справляешься со своей тьмой ножек?

— Не знаю почему, но я двигаюсь ныне с помощью естественного механизма,— ответила Сороконожка.— Разве ты не видел слюны? Когда плюют, капельки то крупные, точно жемчужины, то мелкие, точно туман, рассеиваясь, падают вниз. Этих капель нельзя и сосчитать.

Сороконожка сказала Змее:

— Я передвигаюсь на многих ногах. Почему же я не могу догнать тебя, у которой нет ног?

— Мною движет естественный механизм. Разве его можно изменить? И как бы я стала ходить ногами?— ответила Змея.

Змея сказала Ветру:

— Я передвигаюсь, шевеля своим позвоночником и ребрами, как будто у меня есть ноги. У тебя как будто нет ног, как же ты ныне, бушуя, поднимаешься с Северного океана и, бушуя, влетаешь на Южный океан?

— Да, я бушуя поднимаюсь с Северного океана и влетаю на Южный океан,— ответил Ветер.— Но ткни меня пальцем, и меня одолеешь; наступи на меня, и меня одолеешь, а ведь лишь я способен ломать огромные деревья и сносить большие дома. Поэтому великие победы одерживает лишь

С осенними разливами

тот, кого не победит тьма мелочей. Одерживать великие победы способен лишь мудрый.

Когда Конфуций странствовал по местности Куан²⁴³, сунцы окружили его в несколько рядов, но он, не прекращая, пел и перебирал струны.

— Почему вы, учитель, развлекаетесь? — войдя, спросил Цзылу.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Конфуций. — Я давно уже опасался беды, но не смог ее избежать — такова судьба. Давно уже добивался удачи, но ее не достиг — таково время. При Высочайшем и Ограждающем в Поднебесной не было неудачников, и благополучия добивались не знаниями. При Разрывающем На Части и Бесчеловечном не было людей удачливых, и не из-за недостатка в знаниях. Таково соотношение времени и обстоятельств. Ведь мужество рыболова в том, чтобы не избегать на воде встречи с драконом. Мужество охотника в том, чтобы не уклоняться на суше от тигра и носорога. Мужество героя в том, чтобы встретить смерть, точно жизнь, скрестив сверкающие клинки. Мужество мудрого в том, чтобы бестрепетно встретить великое бедствие, сознавая, что беда зависит от судьбы, а удача — от времени²⁴⁴. Остайся здесь, Ю! Моя судьба предопределена!

Но вскоре вошел латник попрощаться и сказал:

— Вас приняли за Яна Тигра, поэтому и окружили. Ныне же снимаем осаду.

Глава 17

Он попросил разрешения проститься и ушел.

Гунсунь Лун сказал царевичу Моу²⁴⁵:

— Я, Лун, с юности изучал путь древних государей, когда вырос, понял поведение милосердного и справедливого. Я объединил тождество и различие, отделил твердость и белизну, утвердил истинное и неистинное, возможное и невозможное. Я утомился, постигая знания всей сотни школ, исчерпал мастерство в споре многих ораторов и счел, что достиг высшей пронизательности. Ныне же услышал речи Чжуан-цзы и удивился, так они неясны. В чем я отстал от него — в красноречии, в знаниях? Не пойму! Ныне я больше не раскрою рта. Дозвольте спросить, в чем его секрет?

Царевич Моу облокотился о столик, глубоко вздохнул, взглянул на небо и, улыбнувшись, заговорил:

— Разве ты не слышал, что сказала Лягушка из обмелевшего колодца Черепахе из Восточного моря? «Почему бы вам, учитель, не зайти посмотреть, как я наслаждаюсь? Я выбираюсь наверх, прыгая по стенкам колодца, возвращаясь, отдыхая в выбоинах стены, где выпал кирпич. Зайду в воду — доходит до подмышек, до подбородка; зайду в ил — утонет в нем и стопа и голень. Никто кругом со мною не сравнится, ни червяки, ни головастики. К тому же то прыгать, то сидеть в разрушенном колодце, распорядиться целой лужей — это высшее наслаждение!» Не успела еще Черепаха из Восточного моря ступить левой ногой, как правое колено уже застряло. Тут она потопталась и, пятясь, стала рассказывать Лягушке о море: «Ведь так оно широко, что

С осенними разливами

тысячи ли не хватит измерить его дали; так глубоко, что тысячи жней не хватит достать до дна. Во времена Молодого Дракона за десять лет девять раз случалось наводнение, а воды в море не прибавилось; во времена Испытующего за восемь лет семь раз случалась засуха, а берега его не понизились. Много ли пройдет времени, мало ли, сколько бы ни влилось, сколько бы ни вылилось, море не переменится. Вот какое огромное наслаждение жить в Восточном море». Тут, само собою разумеется, Лягушка из обмелевшего колодца испугалась и задрожала, как потерянная.

Не уподобляешься ли Лягушке из обмелевшего колодца с твоими знаниями, недостаточными, чтобы понять тончайшие речи учения, со стремлением каждый раз показаться острословом своего времени?

Да притом тебе, — продолжал царевич, — со знаниями, недостаточными, чтобы отграничить область истинного от неистинного, так же непосильно познать речи Чжуан-цзы, как комару снести гору, а стоножке перегнать реку. Чжуан-цзы же в своем мастерстве попирает Желтые источники; взмывает к дальним небесам, для него нет ни юга, ни севера. Беспрепятственно проникая во все четыре стороны, погружается в неизмеримое, для него нет ни востока, ни запада. Начиная с изначального, возвращается ко всеобщему проникновению эфира. Ты же с трепетом просишь рассказать о нем для изучения, ищешь его, чтоб отточить свое красноречие. Не так же ли это мелко, как глядеть на небо через трубочку, как целиться шилом в землю? Уходи! Разве ты не

Глава 17

слышал о том, как младшие сыновья из Шоулина²⁴⁶ учились ходьбе в Ханьдане? Еще не приобретя в этом царстве нового мастерства, утратили прежнюю сноровку в ходьбе, вернулись же ползком. Если ты теперь не уйдешь, забудешь прежнее искусство, потеряешь свое ремесло.

Гунсунь Лун удалился так стремительно, что не успел ни остановить языка, ни закрыть разинутого рта.

Когда Чжуан-цзы удил в реке Бушуй²⁴⁷, от чусского царя прибыли два знатных мужа и передали ему слова царя: «Хочу обременить вас службой в моем царстве».

Не выпуская из рук удочку и не оборачиваясь, Чжуан-цзы так им сказал:

— Слышал я, что в Чу есть Священная черепаха. Три тысячи лет как она мертва, и цари хранят ее в храме предков завернутую в покровах в ларце. Что лучше для черепахи: быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле?

— Лучше быть живой и волочить хвост по земле, — ответили знатные мужи.

— Вот и я хочу волочить хвост по земле²⁴⁸. Уходите! — заключил Чжуан-цзы.

Чжуан-цзы отправился повидаться с Творящим Благо, который служил советником в Лян. И кто-то предупредил советника:

— Идет Чжуан-цзы, он зарится на ваш пост.

С осенними разливами

Творящий Благо перепугался. Целых три дня и три ночи обыскивал он страну.

Чжуан-цзы явился к нему и спросил:

— Слыхал ли ты про птенца, что водится на юге и зовется Юный Феникс? От Южного океана он летит к Северному, гнездится лишь на платане, питается лишь чистыми плодами, поет лишь из сладкого источника. И вот этот Феникс пролетал над Совой, подобравшей дохлую крысу, а та, посмотрев на него снизу, угрожающе крикнула: «Прочь!» Ныне и ты угрожающе кричишь: «Прочь!» Уж не думаешь ли отпугнуть меня от царства Лян?

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао²⁴⁹, Чжуан-цзы сказал:

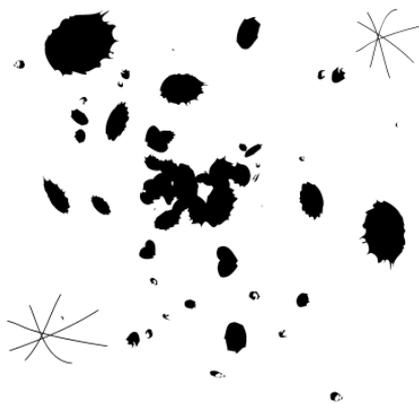
— Пескари привольно резвятся, в этом их радость!²⁵⁰

— Ты же не рыба,— возразил Творящий Благо.— Откуда тебе знать в чем ее радость?

— Ты же не я,— возразил Чжуан-цзы.— Откуда тебе знать, что я знаю, а чего не знаю?

— Я не ты,— продолжал спорить Творящий Благо,— и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты не рыба, и не можешь знать, в чем ее радость.

— Дозволь вернуться к началу,— сказал Чжуан-цзы.— «Откуда тебе знать, в чем ее радость?» — спросил ты, я ответил и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над рекой Хао.

Глава 18

ВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ

Существует ли в Поднебесной высшее счастье? Существует ли возможность сохранить жизнь? Как же ныне действовать, на что опираться? Чего избегать, где задерживаться? Чего домогаться, от чего отказываться? Что любить, что ненавидеть?

Ведь в Поднебесной почитают богатство, знатность, долголетие, доблесть; любят покой, тонкие яства, изящные одежды, прекрасные лица, мелодичные звуки, а ненавидят бедность, низкое поло-

Высшее счастье

жение, преждевременную смерть, ничтожество; страдают, когда не могут беззаботно предаваться покою, вкушать тонкие яства, облачаться в изящные одежды, любоваться красавицами, наслаждаться музыкой. Лишенные всего этого охвачены страхом, предаются печали. Как глупо! Ведь все это делается лишь для тела!

Ведь богачи, изнурия себя чрезмерным трудом, собирают столько сокровищ, что не успевают ими воспользоваться, и даже телу они не нужны. Благородные проводят дни и даже ночи в размышлениях о том, насколько они доблестны. Как это чуждо даже телу!

Человек рождается вместе с горем, дожив до глубокой старости, тупеет. Как мучительно, не умирая, столь долго горевать. Насколько далеко от его тела то, что он делает.

Все в Поднебесной превозносят доблесть героев, пожертвовавших жизнью. Но я не знаю, воистину ли это доблесть, если ее недостаточно, чтобы сохранить свою жизнь? Если считать это доблестью, ее недостаточно, чтобы сохранить жизнь себе. А если не считать это доблестью, так ее достаточно, чтобы сохранить жизнь другим. Поэтому и говорится: «Если искренним советам не внимают, сиди покорно и не спорь». Ибо У Цзысюй стал спорить и погубил себя, а не спорил бы, не заслужил бы славы. Так существует ли в действительности доблесть?

Я не знаю, в том ли на самом деле счастье, что ныне в толпе делают и в чем находят счастье. Я наблюдаю за тем, что толпе нравится, за чем все бегут, вопреки опасности, точ-

Глава 18

но боясь упустить. То, что все называют счастьем, для меня не счастье, хотя и не горе. Но существует ли на самом деле счастье? Я считаю настоящим счастьем недеяние²⁵¹, а толпа считает это великим мучением. Поэтому и говорится: «Высшее счастье в отсутствии счастья, высшая слава в отсутствии славы»²⁵². Хотя в Поднебесной нельзя определить, в чем истинное, а в чем неистинное, но в недеянии можно определить, что истинное, а что неистинное. Высшее наслаждение в сохранении жизни, но только недеяние приближает это к осуществлению. Дозвольте попытаться это объяснить.

Недеянием небо достигает чистоты, недеянием земля достигает покоя. При слиянии недеяния их обоих развивается вся тьма вещей. Неразлично, неуловимо они исходят из ничего; неразличимы, неуловимы, не обладают образом. Вся тьма вещей зарождается в недеянии. Поэтому и говорится: «Небо и земля бездействуют и все совершают»²⁵³. А кто из людей способен достичь недеяния?

У Чжуан-цзы умерла жена и Творящий Благо пришел ее оплакивать. Чжуан-цзы же сидел на корточках и пел, ударя в такт по глиняному тазу.

Творящий Благо сказал:

— Мало того, что вы не оплакиваете умершую, которая прожила с вами, своим мужем, до старости и вырастила детей. Не слишком ли много себе позволяете, предаваясь пению, отбивая такт о таз?

Высшее счастье

— Это не так, — ответил Чжуан-цзы. — Могла ли меня не опечалить ее кончина? Но затем я задумался о том, что было вначале, когда она еще не родилась, не только не родилась, но еще не обладала телом, не только телом, но даже эфиром. Слитая с неразличимым, неуловимым, стала развиваться и обрела эфир, эфир развился и обрела тело, тело развилось и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие — смерть. Все это сменяло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покоится в огромном доме, значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

Дядя Урод и Дядя Неразумный Одноногий <от рождения>²⁵⁴ осматривали холм — Обитель мертвых, где покоился Желтый Предок в пустынных местах на горе Союз Старших Братьев. И вдруг на левом локте у Неразумного Одноногого появилась опухоль²⁵⁵, и он задумался с удивлением, будто испугался.

— Страшишься ее? — спросил Урод.

— Нет, — ответил Неразумный Одноногий. — Чего мне страшиться? Ведь жизнь нами лишь одолжена. Взяли в долг и живем, живущие — прах. Жизнь и смерть, что день и ночь. Мы с тобой посетили того, кто уже прошел через изменение. Почему же мне страшиться изменения, когда оно меня коснулось?

Глава 18

Подходя к Чу, Чжуан-цзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший свою форму. Чжуан-цзы ударил по черепу хлыстом и обратился к нему с вопросами:

— Довела ли тебя до этого, учитель, безрассудная жажда жизни или секира на плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого дурные поступки, опозорившие отца и мать, жену и детей или муки голода и холода? Довела ли тебя до этого смерть, после многих лет жизни? — сказав это, Чжуан-цзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп явился ему во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя мучений живого человека. После смерти их нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Да, — ответил Чжуан-цзы.

— Для мертвого, — сказал череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуан-цзы спросил:

— А хочешь я велю Ведающему Судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взгляделся в него, сурово нахмурился и ответил:

— Кто пожелает сменить царственное счастье на человеческие муки!

Янь Юань отправился на Восток, в Ци, и Конфуций опечалился.

Высшее счастье

Цзыгун сошел с циновки и задал вопрос:

— Осмелюсь ли я, ничтожный ученик, спросить, почему Вы, учитель, опечалились, когда Хой отправился на Восток, в Ци?

— Вопрос ты задал хорошо! — ответил Конфуций. — Я, Цю, одобряю слова, когда-то сказанные Гуань-цзы: «В малый мешок не вместить ничего большого, с короткой веревкой не зачерпнуть воды в глубоком колодце». Да, это так. Телом человек следует за тем, что предназначено судьбой, ничего не добавишь, ничего не убавишь. Я опасаюсь, что Хой заговорит с правителем Ци о пути Высочайшего, Ограждающего, Желтого Предка, станет повторять речи Добывающего Огонь Трением и Священного Земледельца. В этих идеалах царь будет искать себя, но не найдет. А не найдя, станет подозревать Хоя, а заподозрив, казнит. Разве ты не слышал о том, как в старину в окрестностях столицы Лу опустилась морская птица²⁵⁶. Лусский правитель сам ее встретил и устроил для нее пиршество в храме предков. Чтобы усладить ее музыкой, исполнили девять тактов мелодии «Великое Цветение»; чтобы угостить, приготовили жертвенных животных²⁵⁷. Но у птицы рябило в глазах, она грустила, не решилась проглотить ни одного куска, не смогла выпить ни одной чарки и через три дня умерла.

Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам, а не тем, чем кормится птица. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно предоставить ей гнездиться в глухом лесу, бродить по отмелям, плавать по рекам и озерам,

Глава 18

кормиться угрями и мелкой рыбой, летать в косяке и опускаться, отдыхать на приволье. Ведь её человеческая речь неприятна, что ей делать среди этого шума? Если исполнять «Восход солнца» и девять тактов мелодии «Великое Цветение» на берегах озера Дунтин, то птицы от них разлетятся, звери разбегутся, рыба уйдет в глубину. Только люди, слышав их, окружают певцов и станут на них смотреть.

Рыба под водой живет, а человек под водой умирает. Они друг от друга отличаются, а поэтому любят и ненавидят не одно и то же. Поэтому-то прежде мудрые не считали одинаковыми ни способности, ни занятия. Названия у них отражали сущность, а должное соответствовало природе. Поэтому и говорили, что тогда порядок был разумным, а счастье — прочным.

Ле-цзы, странствуя, решил закусить у дороги и заметил столетний череп. Отогнув полынь и указав на него, Ле-цзы сказал:

— Только мы с тобой и понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Обрел ли ты действительно печаль смерти? Обрел ли я действительно радость жизни?

Есть мельчайшие семена²⁵⁸. Попадая в воду, они соединяются в перепончатую ткань; на грани с сушей приобретают покров лягушки, раковину моллюска; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обретя удобрение от гнилого, становится растением воронья нога. Корни вороньей ноги превращаются в земляных и древесных червей, а

Высшее счастье

листья — в бабочек, бабочки также изменяются и становятся насекомыми. Когда насекомые рождаются у соляного поля <у очага>, то будто сбрасывают кожу и называются насекомыми цюйдо. Цюйдо через тысячу дней превращается в птицу, ее имя — ганьюйгу. Слюна ганьюйгу становится сыми, а сыми превращается в насекомое илу в пищевом уксусе, а от него — насекомое хуанхуан пищевого уксуса, а от него насекомое цзюю. Насекомое моужуй порождает вошь на тыквах. Растение янси, соединяясь со старым бамбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака — барса, барс — лошадь, лошадь — человека. Человек же снова уходит в мельчайшие семена. Вся тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается.

Глава 19

ПОНИМАЮЩИЙ СУЩНОСТЬ ЖИЗНИ

Понимающий сущность жизни не занимается бесполезным; понимающий сущность судьбы не занимается тем, к чему незачем прилагать знаний. Для поддержания тела прежде всего необходимы вещи, но бывает, что тело не поддерживают, хотя вещей в избытке. Чтобы жить, следует прежде всего не расставаться с телом, но бывает, что теряют жизнь и не расставаясь с телом.

Понимающий сущность жизни

От прихода жизни нельзя отказаться, ее ухода не остановить. Увы! Ведь в мире считают, что пропитания тела достаточно для поддержания жизни, хотя пропитания тела, разумеется, недостаточно для поддержания жизни. Почему же в мире считают это достаточным? И почему неизбежно все так поступают, хотя этого и недостаточно? Ведь тому, кто хочет избежать забот о теле, лучше всего уйти от мира. Уйдя от мира, избавляешься от бремени. Избавившись от бремени, становишься прямым и ровным. Став прямым и ровным, вместе с другими обновись. Обновившись же, станешь близок пути. Но стоит ли оставить дела? Стоит ли забыть о жизни? Да. Оставив дела, перестанешь утруждать свое тело; забыв о жизни, не утратишь сущности. Ведь сохранив целостным тело, восстановив сущность, сольешься в единое целое с природой. Ведь небо и земля — отец и мать всей тьмы вещей. Когда они объединяются — образуется тело, когда разделяются — образуется новое начало. Сохранение без утраты тела и сущности называется сохранением способности к движению. Сущность, и снова сущность, и возвращение, чтобы уподобиться природе.

Учитель Ле-цзы спросил Стража Границы:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты

Глава 19

эфира, — ответил Страж Границы. — Сядь, я тебе об этом поведаю. Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом, — это вещи. Различие только в свойствах! Как же могут одни вещи отдаляться от других! Разве этого достаточно для превосходства одних над другими? Но разве могут другие вещи остановить того, кто сумел понять и охватить до конца процесс создания вещей из бесформенного, понять, что процесс прекращается с прекращением изменений? Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. Он добивается единства своей природы, чистоты своего эфира, полноты свойств, чтобы проникнуть в процесс создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его сердце печали!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения у него такие же, как и у других людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. Думы о жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, он не сжимался от страха. Если человек обретает подобную целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы. Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить.

Понимающий сущность жизни

Мститель не станет ломать мечей Моце и Ганьцзян²⁵⁹. Подозрительный не станет гневаться на сброшенную ветром черепицу. Если в Поднебесной всего будет поровну²⁶⁰, не станет ни смуты — нападений и войн, ни казней — убийств, обезглавливания. Значит, путь развивает не человеческую, а естественную природу. С развитием природного рождаются свойства, с развитием человеческого появляются разбойники. Если не пресыщаться естественным, не пренебрегать человеческим, народ станет близок своей истинной природе.

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна, который ловил цикад, будто просто их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы цикад шарики. Из тех, на которые положу два шарика и шарики не упадут, теряю немногих; из тех, на которые положу три шарика и шарики не упадут, теряю одну из каждых десяти; тех же, на которые положу пять шариков и не упадут, ловлю всех просто, будто подбираю. Я стою, словно старый пень, руки держу, словно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, если ничто другое не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

Глава 19

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля его не рассеивается, а сгущается в душе! — воскликнул Конфуций, обернувшись к своим ученикам.

Янь Юань рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он. — У прекрасного пловца к этому особые способности, а если это водолаз, то он примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал еще, но он мне более не отвечал. Осмелюсь ли задать вопрос: «Что это означает?»

— «У прекрасного пловца к этому особые способности», — ответил Конфуций, — означает, что он забывает про воду; «а если это водолаз, то он примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма вещей, это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры со ставкой на черепицу станет волноваться при игре на серебряную застезку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет внимание к внутреннему.

Понимающий сущность жизни

Тянь Кайчжи встретился с чжоуским царем Величественным²⁶¹, и царь спросил его:

— Что ты слышал от жреца Шэня, когда с ним прогуливался? Мне говорили, он изучает долголетие.

— Что я, Кайчжи, мог слышать от учителя? Ведь я стоял с метлой, прислоняясь к воротам, — ответил Тянь Кайчжи.

— Не уклоняйся, Тянь, — сказал царь. — Мне хочется об этом услышать.

— Я слышал от учителя, — заговорил Кайчжи, — что умеющий поддерживать жизнь подобен пастуху: смотрит за отстающими овцами и их подгоняет.

— Что это значит? — спросил чжоуский царь Величественный.

— Одинокий Барс²⁶² жил в Лу на высокой горе, пил лишь воду, ни с кем не делил наживы. Прожил лет до семидесяти, а выглядел будто младенец. Но на беду повстречался с голодным тигром. Голодный тигр убил его и сожрал. Жил там и Чжан Смелый. На высоких воротах у него висели тонкие занавеси, и каждый к нему заходил. Прожил лет до сорока и умер от болезни — лихорадки. Одинокий Барс поддерживал свое внутреннее, а тигр съел его внешнее. Смелый поддерживал свое внешнее, а болезнь напала на его внутреннее. Оба они не подгоняли свое отстающее.

Конфуций сказал:

— Не уходить и не таиться, не выходить и не красоваться, виситься посередине, будто сухое дерево, — тот, кто ус-

Глава 19

воит эти три условия, непременно достигнет высшей славы. Ведь перед опасной дорогой, где из десяти убивают одного, отцы и сыновья, старшие и младшие братья предостерегают друг друга и осмеливаются выходить только со многими воинами и слугами. Не есть ли это знание об опасности, которой подвергается человек? Но сколь заблуждается тот, кто не умеет предостеречь людей, возлежащих на циновках во время еды и питья!

Жрец Сородич²⁶³ в парадной одежде и в шапке, войдя в хлев для жертвенных животных, спросил Кабана:

— Зачем ты страшишься смерти? Разве тебе не нравится, что три луны я стану тебя откармливать, десять дней буду поститься, три дня бодрствовать, а уж потом, подставив белый пырей, возложу твои лопатки и крестец на резную жертвенную подставку?

Заботившийся О Кабане сказал:

— Лучше кормиться отрубями и мякиной, да оставаться в хлеву!

Заботившийся О Самом Себе сказал:

— Хорошо бы жить почитаемым, обладателем колесницы с высоким передком и парадной шапки, а умереть — пусть похоронят в гробу на разукрашенной погребальной колеснице.

Заботившийся О Себе предпочел то, от чего отказался Заботившийся О Кабане. Чем же он отличается от Кабана?

Понимающий сущность жизни

Гуань Чжун правил колесницей, когда царь Хуаньгун охотился на болоте и увидел духа. Царь дотронулся до руки Гуань Чжуна и спросил:

— Видел ли ты что-нибудь, Отец Чжун?

— Я, Ваш слуга, ничего не видел, — ответил Гуань Чжун.

Вернувшись, царь лишился сознания, заболел и несколько дней не выходил.

Среди цисских мужей был Хуан-цзы Обвинитель Гордыни²⁶⁴, который сказал:

— Как мог дух повредить царю? Царь сам себе повредил! Ведь от гнева эфир рассеивается и не возвращается, поэтому его и не хватает. Если, поднявшись, эфир не спускается, человек становится вспыльчивым; если, опустившись, не поднимается, человек становится забывчивым; если, не поднимаясь и не опускаясь, остается в середине, в сердце, человек заболевает.

— Но существуют ли тогда духи? — спросил царь.

— Существуют, — ответил Хуан-цзы. — У озера есть Соломенный Башмак²⁶⁵, у очага — Высокая Прическа, в куче сора во дворе обитает Гром, в низине на северо-востоке на берегу реки прыгает Лягушка; в низине на северо-западе обитает Домовой; в реке есть Водяной; на холмах — Разноцветная Собака, в горах — Одноногий, в степях — Двуглавый Змей, на болотах — Извивающийся Змей.

— Разреши узнать, как выглядит Извивающийся Змей? — задал вопрос царь.

Глава 19

— Извивающийся Змей, — ответил Хуан-цзы, — толщиной со ступицу, а длиной с оглоблю, одет в фиолетовое платье и пурпурную шапку. По природе он злой. Как слышит грохот колесницы, встает стоймя, охватив голову. Тот, кто его увидит, станет царем царей.

— Вот его-то я, единственный, и увидел, — сказал царь и захохотал. Тут он оправил на себе одежду и шапку и уселся рядом с Хуан-цзы. День еще не кончился, а болезнь незаметно прошла.

Цзысин-цзы тренировал бойцового петуха для царя. Через десять дней царь спросил:

— Готов ли петух?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Бросается на каждую тень, откликается на каждый звук.

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Почти готов. Не встревожится, пусть даже услышит другого петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

Конфуций любовался в Люйляне водопадом; струи спадают с высоты в три тысячи жэней, пена бурлит на сорок ли.

Понимающий сущность жизни

Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, Конфуций подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. Но тот через несколько сот шагов вышел из воды с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал за ним и ему сказал:

— Я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, как ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая ей ничего от себя. Вот почему я и хожу по воде.

— Что означает «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба?» — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен жизнью среди холмов — такова привычка; вырос на воде и удовлетворен жизнью на воде — таков характер; это происходит само по себе, и я не знаю почему — такова судьба.

Плотник Счастливый вырезал из дерева раму для колоколов. Любовавшиеся рамой поражались его искусству, будто сделали ее духи или боги.

Увидел раму луский царь и спросил:

Глава 19

— Какой секрет помог тебе ее вырезать?

— Каким секретом могу обладать я, ваш слуга, рабочий человек? И все же был один. Я, ваш слуга, задумав вырезать раму для колоколов, не смел напрасно расходовать свой эфир и должен был поститься, чтобы обрести покой. Постился сердцем три дня и уже не смел думать о получении мною, Счастливым, награды — ранга и жалованья; постился пять дней и уже не смел думать о хвале и хуле, удаче или неудаче; постился семь дней и вдруг забыл о самом себе, своем теле, руках и ногах. И не стало для меня ни царского двора, ни того, что отвлекало и смущало, исчезло все внешнее. И тогда я отправился в горы, в леса, приглядываясь к природному характеру деревьев. И в лучшем по форме и сущности дереве передо мной предстала воочию рама музыкального инструмента²⁶⁶. Иначе пришлось бы от замысла отказаться. И тут я приложил руки, естественное во мне соединилось с естественным в дереве, и музыкальный инструмент был создан сосредоточием жизненной силы. Вот он!

Просо Из Восточной Степи представился Достоянейшему как колесничий²⁶⁷. Он ездил вперед и назад, точно по отвесу, делал повороты направо и налево, точно по циркулю. Достоянейший подумал, что в красоте линий у него нет погрешностей, и велел ему вернуться, проделав сотню поворотов.

Янь Врата Бытия, повстречавшись с колесницей, явился к царю и сказал:

Понимающий сущность жизни

— Просо скоро загонит коней.

Царь промолчал.

Но вскоре колесничий вернулся, действительно загнав коней.

— Как ты это узнал? — спросил царь.

— Кони уже обессилели, а он все их понукал, — ответил Янь. — Поэтому я и сказал, что загонит.

Искусный Молот чертил круги и квадраты точнее, чем циркулем и наугольником. Вещи изменялись, как в природе, вместе с движением его пальцев, а его мысль на них не задерживалась. Поэтому его разум оставался целостным и не знал пут. Он забывал о своих ногах, лишь бы обувь впору; забывал о пояснице, лишь бы удобный пояс; в знаниях забывал об истинном и ложном, лишь бы были по сердцу. Не изменялся внутренне, не следовал за внешним, сообразуясь с каждым случаем. Начал сообразовываться, и, всегда со всем сообразуясь, он забыл о сообразности своего пристрастия к сообразности.

Сунь Изгой²⁶⁸ подошел к воротам учителя Бяня Счастливого²⁶⁹ и, смущенно вздыхая, сказал:

— Я, Изгой, жил в селении, и не случалось, чтобы меня назвали ленивым; не случалось, чтобы в опасный момент меня назвали трусливым. Но вот на полях не было урожая, а на службе царю я не встретил удачи. Меня изгнали из селения,

Глава 19

из области. Но в чем мое преступление? О Небо! За что мне досталась судьба Изгой!

— Разве ты не слышал о поведении настоящего человека? — сказал Бянь Счастливей. — Он забывает о своей смелости, забывает о зрении и слухе, бесцельно блуждает за пределами мирской пыли, в беспредельном, не занимаясь делами. Это называется действовать, но не настаивать; быть старшим, но не управлять. А ты ныне приукрашиваешь свои познания, чтобы удивить невежд; очищаешься сам, чтобы осветить грязь других; сверкаешь, будто поднимаешь солнце и луну. Ведь в сравнении со многими людьми: глухими, слепыми, хромыми, безвременно погибшими — ты обрел целостным свое тело, все его девять отверстий. Это уже счастье! Зачем же попусту ропщешь на небо? Уходи!

Сунь Изгой удалился, а Бянь вошел в дом, сел, но вскоре взглянул на небо и вздохнул.

— Почему Вы, Пржеджерожденный, вздыхаете? — спросили ученики.

— Недавно приходил Изгой, — ответил Бянь, — и я рассказал ему о свойствах настоящего человека. Боюсь, что напугал его, и он впадет в сомнения.

— Нет, — ответили ученики. — В чем Ваша вина? Если то, что сказал Изгой, истинно, а то, что сказали Вы, Пржеджерожденный, ложно, то ложное, конечно, не может вызвать сомнений в истинном. Если же то, что сказал Изгой, ложно, а то, что сказали Вы, Пржеджерожденный, истинно, то он, конечно, усомнится и вернется.

Понимающий сущность жизни

— Нет, — ответил Бянь. — Ведь в старину в окрестностях столицы Лу опустилась птица. Обрадовавшись ей, луский царь велел приготовить жертвенных животных, чтобы ее угостить; исполнить девять тактов мелодии «Великое Цветение», чтобы усладить ее музыкой. Но птица начала грустить, у нее зарябило в глазах, она не могла ни пить, ни есть. Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно предоставить ей гнездиться в глухом лесу, плавать по рекам и озерам, кормиться на приволье, на отмели, и только. Вот и ныне, как мог не испугаться Изгой, человек мало видевший, мало слышавший? Ведь рассказывать ему о свойствах настоящего человека то же самое, что мышей катать в повозке или перепелку веселить барабанной трелью и звоном колоколов.

Глава 20

ДЕРЕВО НА ГОРЕ

Бродя по склону горы, Чжуан-цзы увидел огромное дерево с пышными ветвями и листвой. Лесоруб остановился около дерева, но его не выбрал.

— Почему его не рубишь? — спросил Чжуан-цзы.

— Ни на что не годно, — ответил Лесоруб.

— Дерево негодное, а поэтому может дожить до своего естественного конца, — заметил Чжуан-цзы, спустился с горы и остановился в доме старого друга.

Дерево на горе

От радости друг велел мальчишке-рабу зарезать гуся и сварить.

— Разрешите узнать, — спросил мальчишка, — какого из гусей резать: того, который может петь, или того, который не может?

— Режь того, который не может петь, — ответил хозяин.

На другой день ученики спросили Чжуан-цзы:

— Дерево на горе, которое вы видели вчера, может дожить до своего естественного конца, так как ни на что не годно. А сегодня смерть грозит гусю хозяина, который ни на что негоден. Как бы вы, Преждерожденный, эту годность определили для себя?

— Я, Чжоу, поместился бы между годным и негодным. Сказав между годным и негодным, как будто определил, а на самом деле нет. Поэтому неизбежны и затруднения. Но все иначе, если парить и странствовать, оседлав природные свойства. Подобно то дракону, то змее, без славы и хулы, развиваться вместе со временем, не соглашаясь предаться чему-либо одному. То вверху, то внизу, с мерой лишь в гармонии парить и странствовать у предка всей тьмы вещей, как вещь рядом с вещью, а не как вещь для вещи. Откуда же тогда возьмутся затруднения? Таковы были Желтый Предок и Священный Земледелец. Иначе обстоит дело с теми, кто говорит о всей тьме вещей, об отношениях между людьми: единое разделяют, созданное разрушают, честных унижают, почитаемых низвергают, деятельным несут неудачи, добродетельных стремятся перехитрить, бесполезных — об-

Глава 20

мануть. Разве тогда не обязательны затруднения? Увы! Запомните это, ученики! Вам остается лишь одно — область природных свойств!

Удалец С Юга От Рынка, Обязанный К Черной Работе²⁷⁰, увиделся с лусским царем. Царь Лу выглядел печальным и Удалец с Юга от Рынка спросил:

— Почему вы, государь, выглядите печальным?

— Я изучал путь прежних царей, — ответил царь Лу, — совершенствовался в делах предков-правителей, я почитал души предков, уважал добродетельных. Осуществлял это с любовью, непрерывно и все же не сумел избежать беды. Вот и печалюсь.

— Плохие у вас, государь, средства, избавляющие от беды, — сказал Удалец С Юга От Рынка. — Ведь вот пушистая лисица и пятнистый барс живут на горах, в лесах, залегают в пещерах на отвесных скалах, — таков их покой. Ночью охотятся, днем не выходят — таков их запрет. Они сдерживаются и прячутся; несмотря на голод и жажду, все же должны добывать себе пищу вдали от людей на реках и озерах — таков их закон. И все же не умеют избежать беды — сетей и ловушек. В чем их вина? В том, что беду им приносит собственная шкура. Не представляет ли ныне царство Лу шкуру царя²⁷¹? Мне хочется, чтобы государь содрал с себя эту шкуру, омыл сердце, отказался от страстей и отправился странствовать по безлюдным местам. На юге Юэ есть община, которая называется царством Утвердивших Свойства²⁷². Народ

Дерево на горе

там прост и невежествен. Люди почти лишены корысти и страстей. Умеют трудиться, но не умеют прятать; дают, не требуя возврата, не ведают ни долга, ни обрядов; действуют бездумно, ступают свободно. При рождении они могут радоваться, при смерти их могут похоронить. Мне хотелось бы, чтобы вы, государь, покинули свое царство, отказались от прошлого и стали действовать, опираясь на путь.

— Разве сумею? — спросил царь. — Дорога туда далека и опасна, там и горы и реки, а у меня нет ни лодки, ни повозки.

— Не гордитесь телом, не тоскуйте о жилище, пусть станут им для вас лодка и повозка, — ответил Удалец С Юга От Рынка.

— Дорога туда далека и неведома, там нет людей, — сказал царь. — Кто же станет моим соседом? У меня нет зерна, мне нечего будет есть, как же я туда доберусь?

— Сократите свои расходы, умерьте свои желания и удовлетворитесь, даже если не будет зерна, — ответил Удалец С Юга От Рынка. — Переходите, государь, реки, плавайте по морям, поглядите на них и не увидите берегов, чем дальше, тем меньше будете знать, где им конец. Все те, кто вас, государь, проводит до берега, вернутся. И только вы, государь, будете от всего этого далеки. Ибо тот, кто владеет людьми, обременен; тот, кем люди владеют, опечален. Поэтому-то Высочайший и не хотел ни владеть людьми, ни подчиняться людям. Мне хочется освободить вас, государь, от бремени, избавить вас, государь, от печали, чтобы вы один вместе с путем странствовали в царстве Великой Пустоты. Когда на переправе пус-

Глава 20

тая лодка толкнет другую, не разгневается даже вспыльчивый. Если же в толкнувшей лодке окажется человек, то наберет воздуха и крикнет погромче. Крикнет раз, а тот не услышит, так крикнет в другой раз. Снова не услышит, так крикнет и в третий — тут уже непременно добавив слово покрепче. Прежде не гневался, а теперь разгневается; прежде думал, что пустая, а теперь узнал, что занята. Но разве можно повредить тому, кто, сумев очиститься от самого себя, странствует по свету?!

Расточительный Из Северного Дворца²⁷³ по поручению вэйского царя Чудотворного собирал пожертвования на колокола для алтаря за воротами столицы царства и за три луны собрал на весь подбор <восемь колоколов> с высоким и низким тоном. Увидел его царский сын Завидующий Счастливец²⁷⁴ и спросил:

— Не нашел ли ты какого-нибудь секрета?

— Ничего не смел искать, — ответил Расточительный. — Был поглощен лишь одним — колоколами. Я, Расточительный, слышал, что в резьбе и полировке следует возвращаться к безыскусственности. Держался просто с теми, кто не имеет знаний; неопределенно с теми, кто медлил и сомневался. Всех без различия встречал, когда приходили, провожал, когда уходили; приходивших не прогонял, уходивших не задерживал. Дерзким потакал, с лукавыми соглашался, поэтому они сами отдавали все, что могли. И так собирал с утра до

Дерево на горе

вечера, никого ни на волос не обижая. Тем более должен так поступать следующий за великим путем!

Конфуций, осажденный между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи, и к нему пришел выразить сочувствие Несущий Бремя Беспристрастия²⁷⁵.

— Ты чуть не погиб? — спросил он Конфуция.

— Да! — ответил Конфуций.

— Боишься смерти?

— Да!

— Я попытаюсь рассказать о пути, на котором не бывает страха смерти, — сказал Несущий Бремя Беспристрастия. — На Восточном море есть птица, имя ей — Забывчивая²⁷⁶. Эта птица летает медленно, невысоко, будто немощная. Подтолкнут, поддержат — полетит, заставят — сядет, не смеет ни опередить, ни отстать; не решается первой попробовать пищу, подбирает непременно лишь остатки. Поэтому ее не гонят из стаи, никто вне стаи из людей не может ее погубить, и так она избегает беды. Ведь первым срубят дерево прямое, первым осушат колодезь со сладкой водою. Ты же задумал — приукрашивать свои познания, чтобы удивить невежд; очищаться самому, чтобы осветить грязь других; сверкать, будто поднимаешь солнце и луну. Поэтому и не избежал беды. Когда-то я слышал, как человек высокосовременный сказал: «Восхваляющий самого себя лишается заслуг²⁷⁷; заслуги признанные идут к упадку; имя прославленное идет к закату». Тот, кто сумеет отказаться от признания, от сла-

Глава 20

вы и вернуться к людям, станет распространять учение и жить скрытно, тот обретет природные свойства и не назовет места своего жительства. Чистый и обыкновенный, похожий на лишенного разума, он не оставляет следов деяний, отказывается от власти; не действует ради признания и славы, поэтому не порицает людей, и люди его также не порицают. О настоящем человеке никто ничего не слышит. Чему же ты обрадовался? — спросил Несущий Бремя Беспристрастия.

— Как хорошо! — ответил Конфуций. — Отказаться от своих друзей, оставить своих учеников, бежать на огромные болота²⁷⁸, одеваться в шкуры и грубые ткани, питаться желудями и каштанами. Войдешь к диким зверям и не потревожишь стада, приблизишься к птицам и не вспугнешь стаи. А если не испугаются птицы и звери, то еще менее — люди!

Конфуций спросил Учителя с Тутового Двора²⁷⁹:

— Почему я претерпел столько несчастий? Меня дважды изгоняли из Лу, на меня свалили дерево в Сун, я заметал следы при бегстве из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай. Пока я переживал эти несчастья, родные и друзья все более от меня отдалялись, ученики и последователи все более разбежались.

— Разве ты не слышал о беглеце из Цзя²⁸⁰? — спросил Учитель с Тутового Двора. — Тогда Вернувшийся из Леса бросил свои нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежал с младенцем-сыном на спине. Некто спросил: «Почему взял сына, он дорого стоит?» Вернувшийся из Леса ответил: «Недорого». «Меньше хлопот?» — спросил некто. «Хло-

Дерево на горе

пот с младенцем много», — ответил Вернувшийся Из Леса. «Почему же Вы бросили нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежали с младенцем-сыном на спине?» «Одно связано с выгодой, а другое — с естественными узами», — ответил Вернувшийся Из Леса.

Соединенные выгодой бросают друг друга в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти; соединенные естественными узами сближаются в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти. Различие между теми, кто сближается друг с другом, и теми, кто бросает друг друга, очень велико. К тому же связи государей пресны, как вода, связи малых людей сладки, как молодое вино. Государь и в близости пресен, малый люд и в разлуке сладок. Тот же, кто без причины сближается, без причины и расстаётся.

— Почтительно выслушал ваше повеление! — сказал Конфуций и пошел к себе медленно, будто кружа. Прекратил обучение, отказался от преданий, не допускал к себе учеников, и любовь их к нему усилилась.

На другой день Учитель С Тутового Двора ему сказал:

— Перед смертью Ограждающий наказал Молодому Дракону: «Остерегайся! В телесной форме лучше всего согласие, а в чувствах лучше всего естественность. В согласии не расстаются, в естественности не утомляются. Не расставаясь и не утомляясь, не станешь искать красоты в обхождении с телесной формой. Не станешь искать красоты в обхождении с телесной формой, — конечно, не понадобится и обхождение с вещами.

Глава 20

В заплатанной одежде из грубого холста, в сандалиях, подвязанных веревкой, Чжуан-цзы проходил мимо царя Вэй.

— Как очутились вы, Преждерожденный, в столь стесненном положении? — спросил государь.

— Это не стесненное положение, а бедность, — ответил Чжуан-цзы. — Убогая одежда, стопганная обувь — это бедность, а не стесненное положение. Стеснен тот муж, который, обладая естественными свойствами, не может их проявить. Такого называют не получившим признания своего времени. Разве не приходилось вам, государь, видеть, как прыгает обезьяна? Хватаясь за ветки кедров, катальп, перебираясь с дуба на камфорное дерево, она чувствует себя царицей, и даже Охотник с Нежеждой не сумел бы ее выследить. Но стоит ей очутиться среди кудраний, терновника и других деревьев и кустов с колючками, она станет двигаться осторожно, озираясь по сторонам, вздрагивать и трепетать. Это не значит, что мускулы у нее ослабели, потеряли гибкость. Плохая опора не дает ей развернуться. А кто ныне не чувствует себя стесненным среди советников-смутьянов и заблуждающихся высших? Свидетельство тому — царевич Щит, которому вырезали сердце.

Конфуций, терпя бедствие между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи. Опираясь на высохший ствол левой рукой, отбивая такт сухой веткой в правой руке, он пел песню рода Мчащихся Собак²⁸¹. Своим инструментом он не попадал в такт, а пением не попадал в тон, и все же его голос

Дерево на горе

и жест своей уверенностью проникали в сердца людей. Янь Юань, почтительно сложив руки, обернулся и взглянул на него. Конфуций, боясь, что ученик либо переоценит свои силы и пойдет на безрассудство, либо переоценит свою любовь и себя погубит, сказал:

— Ведь ты, Хой, не изведал, как легко утратить природное, не изведал, как трудно приобрести человеческое. Таким испытаниям не было начала и не будет конца, ведь человек и природа едины. Так кто же из вас теперь будет петь?

— Осмелюсь ли задать вопрос, — спросил Янь Юань, — что означает — «не изведал, как легко утратить природное»?

— Голод и жажда, холод и жара, бедность, оковы и все другие несчастья — это действие Неба и Земли, которое проявляется в движении вещей. Легко утратить, ибо вместе с ним и все исчезает. Тот, кто служит другому человеку, не смеет от него уйти. Если слуга человека поступает так, то тем более должен поступать так слуга Неба!

— Что означает «не изведал, как трудно приобрести человеческое»?

— Вначале используются все четыре преимущества, — ответил Конфуций, — ранги вместе с жалованьем растут без конца. Но польза, приносимая вещами, зависит не от меня самого, моя судьба зависит и от внешнего. Государь не разбойничает, добродетельные люди не воруют, как же я стану брать?

Поэтому и говорится: «Нет птицы умнее ласточки». Увидев, что место для гнезда непригодное, больше туда не заглянет; уронив свою добычу, ее не подбирает и улетает. Она бо-

Глава 20

ится людей, но к ним в дом влетает, гнездится же в храме Земли и Проса²⁸².

— Что означает «таким испытаниям не было начала и не будет конца»? —

— Тьма вещей изменяется, а кто кому свое место уступает — неведомо. Как узнать, что испытания кончатся? Как узнать, что они начинаются? Остается лишь ожидать.

— Что означает «человек и природа едины»? —

— Есть природное в человеке; есть природное в природе; но то, что в человеке не может быть природным, — это характер. Мудрый человек спокойно уходит телом и на этом кончается.

Зайдя за ограду, Чжуан Чжоу бродил по заброшенному кладбищу, когда с юга прилетела странная птица: крылья — три-четыре локтя размахом, глаза с вершок. Пролетая, она задела лоб Чжуана и села в каштановой роще.

— Что за птица! — удивился Чжуан Чжоу. — Крылья большие, а не улетает, глаза огромные, а не видит.

Подобрав полы, он поспешил за ней, держа наготове самострел. Но тут заметил, как цикада, наслаждаясь тенью, забыла о самой себе; как кузнечик-богомол, незаметно подбравшись, на нее набросился и, глядя на добычу, забыл о самом себе; как затем схватила их обоих странная птица и, глядя на добычу, забыла о своем истинном самосохранении.

— Ах! — воскликнул опечаленный Чжуан Чжоу. — Различные виды навлекают друг на друга беду, вещи, конечно, друг друга губят.

Дерево на горе

Он бросил самострел, повернулся и пошел прочь, но тут за ним погнался Лесник и стал его бранить.

Вернувшись, Чжуан Чжоу три луны <три дня> не выходил из дому.

— Почему вы, учитель, так долго не выходили? — спросил ученик Лань Цзе²⁸³.

— Сохраняя телесную форму, я забыл о самом себе, — ответил Чжуан Чжоу. — Так долго наблюдал за мутной лужей, что заблудился в чистом источнике. А ведь я слышал от своего учителя²⁸⁴: «Пойдешь к тому пошлому и последуешь за тем пошлым». Ныне я бродил по заброшенному кладбищу и забыл о самом себе. Странная птица задела мой лоб и летала по каштановой роще, забыв об истинном. Лесник же в каштановой роще принял меня за браконьера. Вот почему я и не выходил из дому.

Придя в Сун, Ян-цзы заночевал на постоялом дворе. У хозяина постоялого двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную хозяин ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Ян-цзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица сама собою любит себя, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Ян-цзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и вас полюбят всюду, куда бы вы ни пришли.

Глава 21

ТЯНЬ ПОСТОЯННЫЙ

Тянь Постоянный²⁸⁵, беседуя с вэйским царем Прекрасным, неоднократно упоминал Работающего У Ручья²⁸⁶.

— Работающий У Ручья ваш наставник? — спросил царь Прекрасный.

— Нет, — ответил Тянь. — Он мой, Постоянного, односельчанин. Я, Постоянный, потому его хвалю, что он не раз очень верно говорил об учении.

— Значит, у вас нет наставника? — спросил Прекрасный.

Тянь Постоянный

— Есть, — ответил Постоянный.

— Кто же ваш наставник?

— Учитель Кроткий из Восточного Предместья.

— Почему же вы, учитель, никогда о нем не упоминали? — спросил царь Прекрасный.

— Разве я, Постоянный, достоин упоминать о нем? Ведь он — настоящий человек! Облик человека, а пустота — природы; следуя за ней, хранит истинное. Чист сам, но относится терпимо ко всем другим вещам. Тех, которые не обладают учением, он вразумляет снисходительно, так что человеческие намерения у них рассеиваются, — сказал Постоянный и ушел.

От удивления царь Прекрасный целый день не промолвил ни слова. Затем подозвал стоявших перед ним придворных и сказал:

— Ах, как далеко нам до благородного мужа с целостными свойствами! А прежде я считал совершенными речи мудрых и знающих, поведение милосердных и справедливых. Когда же услышал о наставнике Постоянного, тело мое освободилось, не хотелось двигаться, уста сомкнулись, и не хотелось говорить. Тот, у кого я прежде учился, просто глиняный болванчик! А ведь царство Вэй для меня поистине тяжелое бремя!

Дядя из рода Мягких по прозвищу Белоснежный²⁸⁷ по дороге в Ци остановился на ночлег в Лу. Некоторые лусцы просили разрешения с ним повидаться, но Белоснежный сказал:

Глава 21

— Нет, я не хочу с ними встречаться! Я слышал, что благородные мужи в Срединных царствах постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца.

Побывав в Цзи, он на обратном пути снова остановился на ночлег в Лу. Те же люди снова просили разрешения с ним повидаться. Белоснежный сказал:

— Прежде просили о встрече со мной, ныне опять просят о встрече со мной. Они, конечно, собираются поколебать мою твердость.

Он вышел, принял гостей, а вернувшись к себе, вздохнул. На другой день снова принял гостей, а вернувшись, снова вздохнул.

— Почему вы, возвращаясь после каждой встречи с гостями, вздыхаете? — спросил раб.

— Тебе я, конечно, поведаю, — ответил Белоснежный. — Жители Срединных царств постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца. Те, что недавно меня навещали, входили, точно по циркулю, выходили, точно по наугольнику²⁸⁸. Обращались со мной снисходительно, один — подобно дракону, другой — подобно тигру. Они советовали мне, будто сыновья, наставляли меня, будто отцы. Поэтому-то и вздыхаю.

Повидавшись с Белоснежным, Конфуций ничего не рассказал, и Цзылу его спросил:

— Почему вы, мой учитель, ничего не рассказываете о встрече? Ведь вы так давно хотели повидаться с Белоснежным!

Тянь Постоянный

— Я, твой учитель, увидел с первого взгляда, что он хранит в себе учение. В словах это объять невозможно! — ответил Конфуций.

Янь Юань сказал Конфуцию:

— Когда вы, учитель, идете, и я иду; вы, учитель, спешите, и я спешу; вы, учитель, бежите, и я бегу; но когда вы, учитель, мчитесь, не поднимая пыли, то я, Хой, лишь вперяю в вас взор и отстаю.

— Что значат твои слова, Хой? — спросил учитель.

— «Когда вы, учитель, идете, и я иду» — означает: вы, учитель, говорите, и я говорю; «вы, учитель, спешите, и я спешу» — означает: вы, учитель, спорите, и я спорю. «вы, учитель, бежите, и я бегу» — означает: вы, учитель, рассуждаете об учении, и я рассуждаю об учении. «Когда же мчитесь, не поднимая пыли, то я, Хой, лишь вперяю в вас взор и отстаю», — означает: я просто не понимаю, почему Вам, учитель, доверяют, хотя молчите; всюду вас поддерживают, хотя ни с кем не сближаетесь; народ к вам стекается, хотя нет у вас регалий.

— О! — воскликнул Конфуций. — Разве это не ясно? Ведь нет печали сильнее, чем о смерти сердца, даже печаль о смерти человека слабее. Солнце восходит на востоке, а заходит на западном полюсе, с его положением и сообразуется вся тьма вещей. Обладаящие глазами и ногами, дождавшись его, вершат свои дела. Оно восходит — появляются, оно заходит — исчезают. Так и со всей тьмой вещей. В зависимо-

Глава 21

сти от этого — умирают, в зависимости от этого — рождаются. Однажды я воспринял свою завершённую телесную форму, и она остаётся неизменной в ожидании конца. Подражая вещам, двигаюсь без перерыва и днём и ночью, и когда она, форма, придёт к концу, — не ведаю. Сама собой образовалась моя телесная форма, и даже знающий судьбы не определит её будущее. Я, Цю, таким образом с каждым днём все далее ухожу. Разве не горько утратить нашу дружбу: мою жизнь, проведённую с тобой рука об руку? Ты раскрыл почти все, что раскрыл я, и это уже исчерпал. Думая, что ещё что-то осталось, ты ищешь так же напрасно, как искал бы коня на опустевшей рыночной площади. Как я покорила тебя, ты во многом забыл; как ты покорила меня, я во многом забыл. И все же, разве стоит тебе скорбеть? Пусть забудется, каким был я прежде. От меня останется и незабываемое.

Конфуций увиделся с Лао-цзы. Тот только что вымылся и, распустив волосы, сушил их, недвижимый, будто не человек. Конфуций подождал удобного момента и вскоре, когда Лао-цзы его заметил, сказал:

— Не ослеплен ли я, Цю? Верить ли глазам? Только что вы, Пржедрожденный, своей телесной формой походили на сухое дерево, будто оставили все вещи, покинули людей и возвысились, как единственный.

— Я странствовал сердцем в первоначале вещей, — ответил Лао-цзы.

Тянь Постоянный

— Что это означает? — спросил Конфуций.

— Сердце утомилось, не могу познавать, уста сомкнулись, не могу говорить. Но попытаюсь поведать тебе об этом сейчас. В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю²⁸⁹. Обе силы, взаимно проникая друг друга, соединяются, и все вещи рождаются. Нечто создало этот порядок, но никто не видел его телесной формы. Уменьшение и увеличение, наполнение и опустошение, жар и холод, изменения солнца и луны, — каждый день что-то совершается, но результаты этого незаметны. В жизни существует зарождение, в смерти существует возвращение, начала и концы друг другу противоположны, но не имеют начала, и когда им придет конец — неведомо. Если это не так, то кто же всему этому явился предком, истоком?

— Разрешите спросить, что означает такое странствие? — задал вопрос Конфуций.

— Обрести такое странствие — это самое прекрасное, высшее наслаждение. Того, кто обрел самое прекрасное, кто странствует в высшем наслаждении, назову настоящим человеком, — ответил Лао-цзы.

— Хотелось бы узнать, как странствовать? — спросил Конфуций.

— Травоядные животные не страдают от перемены пастбища. Существа, родившиеся в реке, не страдают от перемены воды. При малых изменениях не утрачивают своего главного, постоянного. Не допускай в свою грудь ни радости, ни

Глава 21

гнева, ни печали, ни веселья. Ведь в Поднебесной вся тьма вещей существует в единстве. Обретешь это единство и станешь со всеми ровен, тогда руки и ноги и сотню частей тела сочтешь прахом, а к концу и началу, смерти и жизни отнесешься, как к смене дня и ночи. Ничто не приведет тебя в смятение, а меньше всего приобретение либо утрата, беда либо счастье. Отбросишь ранг, будто стряхнешь грязь, сознавая, что жизнь ценнее ранга. Ценность в себе самом и с изменениями не утрачивается. Притом тьме изменений никогда не настанет конца, и разве что-нибудь окажется достойным скорби? Это понимает тот, кто предался пути!

— Добродетелью вы, учитель, равны Небу и Земле,— сказал Конфуций.— Все же позаимствую ваши истинные слова для совершенствования своего сердца. Разве мог этого избежать кто-нибудь из древних благородных мужей?

— Это не так,— ответил Лао-цзы.— Ведь бывает, что вода бьет ключом, но она не действует, эта способность естественная. Таковы и свойства настоящего человека. Он не совершенствуется, а вещи не могут его покинуть. Зачем совершенствоваться, если свойства присущи ему так же, как высота — небу, толщина — земле, свет — солнцу и луне.

Выйдя от Лао-цзы, Конфуций поведал обо всем Янь Юаню и сказал:

— Я, Цю, в познании пути подобен червяку в жбане с уксусом. Не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности Неба и Земли.

Тянь Постоянный

Чжуан-цзы увиделся с лусским царем Айгуном²⁹⁰, и тот ему сказал:

— В Лу много конфуцианцев, но мало ваших последователей, Пржеджерожденный.

— В Лу мало конфуцианцев, — возразил Чжуан-цзы.

— Как можно говорить, что их мало? По всему царству ходят люди в конфуцианских одеждах, — возразил Айгун.

— Я, Чжоу, слышал, будто конфуцианцы носят круглую шапку в знак того, что познали время небес; ходят в квадратной обуви в знак того, что познали форму земли²⁹¹; подвешивают к поясу на разноцветном шнуре нефритовое наперстье для стрельбы в знак того, что решают дела немедленно. Благородные мужи, обладающие этим учением, вряд ли носят такую одежду; а те, кто носит, вряд ли знают это учение. Вы, государь, конечно, думаете иначе. Но почему бы вам не объявить по всему царству: «Те, что носят такую одежду, не зная этого учения, будут приговорены к смерти!»

И тут Айгун велел оглашать этот указ пять дней, и в Лу не посмели больше носить конфуцианскую одежду. Лишь один муж в конфуцианской одежде остановился перед царскими воротами. Царь сразу же его призвал, задал вопрос о государственных делах, и тот, отвечая, оказался неистощимым в тысяче вариантов и тьме оттенков.

— Во всем царстве Лу один конфуцианец, — сказал Чжуан-цзы. — Вот это можно назвать много!

Не давая места думам ни о ранге, ни о жалованье, Раб Из Сотни Ли²⁹² кормил буйволов, и буйволы жирели. По-

Глава 21

этому, забыв о том, что он — презренный раб, циньский царь Мугун вручил ему управление царством.

Ограждающий из рода Владеющих Тигром не давал места думам ни о жизни, ни о смерти, поэтому оказался способным растрогать людей.

Сунский царь Юань задумал отдать приказ нарисовать карту. Принять приказ явилась толпа писцов. Одни стояли, сложив в приветствии руки, другие, чуть ли не половина, оставшись за дверями, лизали кисти, растирали тушь. Один же писец с праздным видом, не спеша подошел последним. Принял приказ, сложил в приветствии руки и, не останавливаясь, прошел в боковую комнату.

Царь послал за ним человека последить, и оказалось, что тот писец снял одежду и полуголый уселся, поджав под себя ноги.

— Вот это — настоящий художник! Ему и можно поручить карту! — воскликнул царь.

В местности Скрывающихся²⁹³ царь Прекрасный увидел мужа, удившего рыбу: рыбачил без крючка, удилица не держал. Другие рыбаки сказали: «Всегда так удит». Царь Прекрасный пожелал его возвысить и вручить ему бразды правления, но боясь неудовольствия старших советников, отцов и братьев, решил покончить с этой мыслью и от нее отказаться.

Тянь Постоянный

ся. И все же в опасении, что народ лишится защиты Неба, на другое утро, собрав великих мужей, сказал:

— Ночью я, единственный, увидел доброго человека с черным лицом и бородой, верхом на пегом коне с одним пурпурным копытом. Он провозгласил: «Вручите управление мужу из Скрывающихся. Народ, возможно, получит облегчение!»

— То был царь, ваш предок! — взволнованно воскликнули все великие мужи.

— В таком случае погадаем об этом на панцире черепахи? — предложил царь Прекрасный.

— Зачем гадать! Приказ царя, вашего предка, не кого-либо другого! — сказали все великие мужи, а затем отправились навстречу мужу из Скрывающихся и вручили ему бразды правления.

Этот муж не менял уставов и обычаев, не оглашал пристрастных указов, но, когда царь Прекрасный через три года понаблюдал, оказалось, что удальцы порвали со своими кликами и распустили свои шайки; что старшие должностные лица перестали блюсти лишь собственную добродетель; что через все четыре границы не смели больше вторгаться соседи со своими мерками для зерна. Поскольку удальцы порвали со своими кликами и распустили свои шайки, они стали уважать общее; поскольку старшие должностные лица перестали блюсти лишь собственную добродетель, они занялись общими делами; поскольку через все четыре границы не сме-

Глава 21

ли больше вторгаться со своими мерками для зерна, то правители перестали замышлять измену.

Тут царь Прекрасный признал мужа из Скрывающихся царским наставником и, став лицом к северу, его спросил:

— Нельзя ли распространить управление на всю Поднебесную?

Муж из Скрывающихся помрачнел и промолчал, а затем с безразличием отказался. Утром он отдавал приказания, а ночью исчез. И никогда о нем больше ничего не слышали.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Разве даже царь Прекрасный не был властен? К чему он приписал все сну?

— Не говори! Помолчи! — ответил ему Конфуций. — Царь Прекрасный обладал всем. Но зачем ему были укоры? Он просто сообразовался с моментом.

Ле, Защита Разбойников, стрелял на глазах у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался неподвижным, подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и стал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней,

Тянь Постоянный

отступил назад до тех пор, пока его ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Ле, Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь холодным потом с головы до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли он вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко всем восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

Цзянь У спросил Суньшу Гордого:

— Что вы делаете со своим сердцем? Вы трижды были советником чуского царя, но не кичились; трижды были смещены с этого поста, но не печалились. Сначала я опасался за вас, а ныне вижу — лицо у вас веселое.

— Чем же я лучше других? — ответил Суньшу Гордый. — Когда этот пост мне дали, я не смог отказаться; когда его отняли, не смог удержать. Я считаю, что приобретения и утраты зависят не от меня, и остается лишь не печалиться. Чем же я лучше других? И притом не знаю, ценность в той службе или во мне самом? Если в ней, то не во мне; если во мне, то не в ней. Тут и колеблюсь, тут и оглядываюсь, откуда же найдется досуг, чтобы постичь, ценят меня люди или презирают?

Услышав об этом, Конфуций сказал:

— Вот настоящий человек древности! Знающие не могут с ним спорить; красивые не могут вовлечь его в распутство; воры не могут обокрасть. Ни Готовящий Жертвенное Мясо,

Глава 21

ни Желтый Предок не могли бы завязать с ним дружбу. Если из-за рождения и смерти, событий столь великих, он не изменяется, то тем менее изменится из-за ранга и жалования. Когда такой человек восходит на высокие горы, дух его не знает препятствий; опускается в глубокий источник и не промокает; попадает в низкое, ничтожное состояние, но не чувствует стеснения. Обладая изобилием, подобно небу и земле делится с другими, и чем больше отдает, тем большим владеет.

Царь Чу уселся рядом с царем Фань и вскоре кто-то из приближенных чуского царя сказал:

— Царство Фань²⁹⁴ трижды погибало.

— Гибели царства Фань, — ответил фаньский царь, — оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование. Если же гибели царства Фань оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование, то существования царства Чу оказалось недостаточно, чтобы сохранить ваше существование. Отсюда видно, что Фань еще не начало погибать, а Чу еще не начало существовать.